

Н. А. Комнева

КАЗАКИ

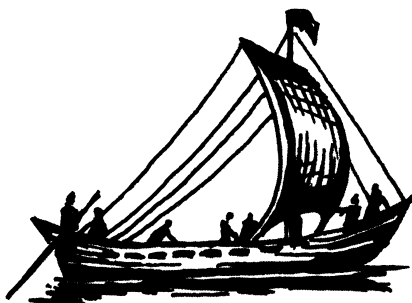


Н. А. Кочнева

*Сибирь — это необъятный сундук
набитый сокровищами.*

КАЗАКИ

Роман



Якутск
2019

УДК 821.512.157-31Кочнева
ББК 84(2=634.1)6-44

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
МКУ «Нижнеколымская районная централизованная
библиотечная система» МР «Нижнеколымский район»,
МУ «Управление культуры и духовного развития»
Верхнеколымского улуса (района) РС (Я)
и ООО «Якутское авиационное агентство „Норд Хендлинг”»*

Художник
Владимир Петрович Куприянов, заслуженный художник РФ,
член Союза художников СССР

Кочнева, Нина Александровна.

К14 **Казак**и : роман / Нина Александровна Кочнева ; [худ. В. П. Куприянов]. - Якутск : РИО медиа-холдинга, 2019. - 232 с.
Агентство СІР НБР Саха

УДК 821.512.157-31Кочнева
ББК 84(2=634.1)6-44

Вашему вниманию представлена книга «Казак» местного автора Нины Александровны Кочневой.

Книга об открытии и освоении Колымы первыми русскими землепроходцами и мореходами: Дмитрие Зыряне (Ярилко), первым нашедшим уголь в Верхней Колыме; Семёне Дежнёве, плававшем от Устья реки Колымы в Тихий океан в 1648 году; Петре Бекетове, стрелецком сотнике; купце, московском дельце Михаиле Стадухине и других.

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

14+

© Кочнева Н.А., 2018
© Оформление. РИО медиа-холдинга, 2018



Была та ранняя пора, когда проходящая ночь встречается с утром. Настала предрассветная, такая томительная дремота, что трудно удержаться от сна. Даже в природе всё замерло перед наступлением нового дня. Белый ослепительный снег укутывал бескрайние просторы, а лёгкие снежинки всё падали и падали на землю, чтобы укрыть её, реку, дальнюю тайгу белым одеялом. Звонящая тишина в природе, а рассвет такой ещё зыбкий, неясный. Молодой казак Дмитрий Зырян с трудом поднял голову, оглядел всё окрест себя и вдаль реки. Никого перед крепостью не видать и голова невольно склонилась на грудь.

Постоянные сторожевые посты выставляли в Енисейском остроге, расположенном на западном берегу, на месте впадения реки Кеть в Енисей, среди труднопроходимых оврагов. С южной и восточной сторон нет ещё крепостей, с северной и западной есть военные городки, но они за несколько сотен вёрст от Енисейска, а потому защиту от сибирских племён здесь должны держать они одни. Вокруг крепости вкопаны плотно пригнанные друг к другу заострённые брёвна. С южной стороны выкопан ров, перед ним насыпан земляной вал. По углам двухэтажные башни — стрельницы, всего их шесть: четыре по углам и две у проходных ворот. Внутри крепости — деревянная церковь, воеводский и гостиный дворы, пушные и хлебные амбары, съезжая, таможенная и несколько жилых изб.

Стараниями первых первопроходцев, сына боярского Петра Албычева и сотника Черкаса Рукина с тридцатью казаками, провели дороги к Енисею и Тунгуске, построили крепость в 1619 году. Со временем Енисейск пополнился казаками, охотниками, ремесленниками, купцами — в общем авантюристами всех мастей. Места для жилых домов в крепости нет и к ней теперь, за тыном, примыкают избы простолудинов.

После распада Золотой Орды племена разбрелись по свободным землям. Хан Кучум был последним правителем Сибири. После него каждый род, каждое племя жили обособленно и враждовали меж собой за власть. Сильные племена подавляли слабых, заставляли пла-

тить дань. Если сопротивлялись — отбирали скот, имущество, а людей превращали в рабов.

Напарником в карауле на надвратной башне стоит десятник Лука Безухий. Один из сотни оставшихся в живых потомков славного атamana Ермака. Безухим звали его в глаза и за глаза, он не обижался. Побывал в плену у енисейских киргизов. Те, в первую очередь, отрезали пленникам уши и нос, но хозяин-киргиз почему-то пощадил и нос оставил. Не один год томился в плену Лука, пока на киргизов не напали монголы и в суматохе сражения сумел сбежать. Знал, что на Енисее есть свои, казаки, чудом сумел добраться до них. Раны с годами заросли, покрылись мелким пушком. Богатая шевелюра длинными прядями прикрывала дыры, что остались от ушей. Большие серые глаза подёрнуты грустью, широкие брови срослись на переносице, усы и борода коротко подстрижены. С той поры Лука ненавидит все племена, кочующие по Сибири, и мстит всем за своё увечье, за свой позор. Дремота овладела и старым казаком, положил голову на скрещенные руки, опёрся о перила. Руки, державшие ружьё, разжались, оно выпало и загремело по доскам дозорной башни. Лука вздрогнул, потянулся за ним, и в эту минуту послышалось издали словно стон — «ох». Сон как рукой сняло, огляделся по сторонам. Везде спокойно, вот только на широкой реке, покрытой ещё тонким ледком и снегом, показалась движущаяся в их сторону чёрная точка. Стал внимательно всматриваться вдаль и вскоре ясно услышал казацкий призыв: «Сполох!». А затем увидел бегущего на лыжах, судя по одежде, охотника. Следом за ним ещё нескольких бегущих. Преследователи вскоре остановились, постреляли вслед из луков по бегущему, постояли немного и повернули назад в тайгу.

Бледное солнце краешком показалось над далёкой тайгой, когда охотник добежал до ворот.

«Кто это может быть? — подумал Лука. — Так кричат только казаки, когда видят опасность и надо вступать в схватку с неприятелем». Старые, бывалые казаки привычны, такой призыв для них как набат, как подготовка к бою, к которому они всегда готовы. «Что-то стряслось», — окончательно решил Лука и застучал, забухал. Раздался тревожный, слышимый по всей крепости, звук. Первым прибежал стрелецкий сотник Пётр Бекетов, затем казаки. Крепость ожила, зашумела, даже ремесленники — мастера кожевенного, свечного, парусного дела — пришли. Кузнецы не спешили, с утра пораньше, за крепостной стеной разжигали печи, чтоб использовать весь световой день для работы. Последними явились воевода Фёдор Уваров, его дьяк и двое подьячих. Когда угрожала опасность, все вставали на защиту.

— Видать, охотник поспешает. Открыть ворота? — спросил Лука у сотника.

— Один бежит?

— Сейчас один, на другом берегу несколько человек стоит, крепость разглядывают.

Открыли ворота, в них ввалился охотник и сразу упал в снег, часто дышал не в силах что-либо сказать.

— Да это же Мишка Вычегжанин, — узнал его Дмитрий. — Сказывай, чо приключилось?

Но Мишка не мог отдышаться, только судорожно открывал и закрывал рот.

— Неси вина! — приказал сотник Зыряну. — Быстрее отойдёт.

Охотник после выпитого вина вскоре успокоился и рассказал:

— Пошли мы охотничьей ватагой числом в двадцать за Енисей, в тайге разминулись по сторонам. Я с братом Осипом и двумя земляками в глухом урочище напали на следы соболей, поставили капканы, потемну сошлись в одном месте, развели костёр, сели ужинать. Мне не спалось, ночь светлая, отошёл по нужде, да видно далеко, не слышал. Вернулся, вокруг костра натоптано множеством ног, снег в крови, сонных полонили. Дай ещё вина.

Мишка жадно пил вино, слёзы стекали по лицу и терялись в бороде.

— Ну, а дальше-то что? Сказывай быстрее! — торопил сотник.

— Видать тунгусы выследили и уволокли к себе в стойбище. Меня поджидали, но я как увидел — бегом сюда.

— Если захватили тунгусы — в живых не оставят, но пока убьют поиздеваются вволю. Сколько раз упреждал, не ходить на восток от Енисея, — ругался сотник, — там ещё наших нет. Дорогу укажешь?

— Укажу.

— По ихним следам найдём. На лыжи, спехом! — командовал Бекетов.

«Начало ноября, снега ещё мало, лёд на середине реки должно быть ещё тонкий, но охотник прошёл, значит и мы пройдем», — решил сотник.

— По реке бегом, рядом и следом нельзя, врассыпную надо, — и первым двинулся к реке.

Следом за сотником, на расстоянии друг от друга, казаки. Лёд под ними трещал, прогибался, но преодолели благополучно.

Через полчаса сотня казаков покинула крепость. Сейчас, если кто бы налетел и бери, можно сказать, голыми руками. На охране остались только пять старых казаков да ремесленники. Сам воевода сидел на дозорной башне. Препятствовать не стал — не в нравах казаков оставлять своих в беде.

Тунгусы часто нападали на чужие племена, на казаков и по всей тайге шла молва о них как о самых жестоких. Мишкины преследователи не подумали, что их следы приведут прямо к стойбищу. Ещё светло было, когда казаки появились около их жилищ. На поляне,

около небольшой речки, притоке Енисея, много войлочных шатров. Охотников казаки увидели сразу — они голые, подвешенные вверх ногами к толстым сучьям берёзы, были уже мертвы. У одного вспорот живот и кишки намотаны на ствол дерева. Подростки метали в тела охотников ножи, смеялись, если попадали, вынимали и снова кидали. Старый тунгус наблюдал за их развлечением, подбадривал.

— Кидайте в сердце и печень.

Окровавленные тела охотников раскачивались от ударов, чем вызывали смех мальчишек.

По сибирским меркам того времени племя могучее, больше четырёх сотен. Даже не выставили постов охраны, так были уверены, что их никто не тронет. Чужие племена избегали тунгусов, старались откочевать подальше, в потаённые места, благо Сибирь огромна и незнакомых мест много.

Всё началось быстро, нападавшие, как всегда, действовали умело, не первый раз схватывались с бродячими племенами. Окружив стойбище, сперва со всех сторон выпустили по жилищам стрелы с подожжённым трупом. Громко, по-разбойничьи, засвистел Лука. Не любили казаки бить спящих.

— На всякий случай надо бы засаду устроить, — предложил Лука сотнику.

— Василий Бугор, со своей десяткой останься в засаде, — скомандовал сотник.

Когда из шатров выскочили наспех вооружённые мужчины, Бекетов закричал, чтоб все слышали:

— Рубить всех подряд.

Нападение казаков было столь неожиданным и стремительным, что тунгусы не могли оказать сильного сопротивления. В центре стойбища большой шатёр с соболиными хвостами на высоком шесте.

— Шамана и вождя не убивайте, берите в полон, — услышали казаки голос своего командира, сражавшегося в первых рядах.

Где тунгусам справиться с озверелыми казаками — окровавленные, изуродованные тела охотников зывали к мести. Рубили всех, кто попадался на пути. Всё кругом полыхало, из жилищ с громким плачем выбегали женщины, дети, старики, падали на колени, просили пощады.

— Пётр Иванович, там убегających много, что с ними делать? Преследовать? — спросил Василий Бугор, бой закончился, и он с казаками вышел из засады.

— Некогда, пусть бегут, всё равно далеко не уйдут, вернуться, — ответил сотник.

Оставшихся в живых согнали в одно место.

— Что делать с ними? — спросил Дмитрий у сотника. Он впервые участвовал в вылазке и бился только с теми, кто нападал.

— Что хотите, — ответил сотник, — можете грабить, убивать, баб сильничать. Пусть знают, как наших трогать.

Теперь пойдёт молва среди сибирских племён, что появились люди, промышлявшие охотой на пушного зверя. Они необыкновенно сильны, бесстрашны, свирепы и хитры.

Началась расправа. Казаки тащили за волосы молодых женщин в уцелевшие юрты, где уже слышались плач, вой, крики. Другие грабили, забирали всё, что им приглянется.

У Мишки кровь капала с сабли, скольких убил, не помнит.

— Уймись, хватит, — остановил его Пётр, — остальных пощади.

— Всё, ухожу из охотников в казаки, буду мстить за брата. Примите?

— Ратное крещение принял, теперь ты казак, — хохотнул сотник, — потом клятву дашь при всех казаках.

Кочевое племя тунгусов было разгромлено. Казаки выставили боевое охранение, разожгли костры, отдыхали, ели копчёное мясо.

— Знали, что крепость недалеко, зачем охотников сгубили? — удивлялся Бугор.

— Думали не узнаем, — ответил Мишка.

— Жадность одолела, — возразил Лука, — я у хана нашёл три ружья и мешки с мехами.

Чуть развиднелось, собрались в обратную дорогу.

— В аманаты взять всю семью вождя и его родственников, — приказал Бекетов.

— И старуху хана тоже? Пусть останется здесь, — предложил Лука, — что с неё толку?

— Может хану сгодится, — хохотали казаки.

Она стояла около своего мужа, тощая как палка и со страхом наблюдала за сбором. А хан, маленького роста, с суровым выражением лица и колючим взглядом, казалось, ничего не замечал.

— Оленей гоните в крепость, всю зиму с мясом будем.

— Рухлядь кто повезёт?

— Тунгусы, — распорядился Бекетов.

Широкие лыжи племени решили использовать для волокуш. Нагрузили награбленным, впрягли в них аманатов, в том числе и самого хана.

— Но! Пошёл! — огрел его плетью Лука.

Тела убитых охотников взяли сами казаки. Мишка Вычегжанин вёз брата на нартах, скупые мужские слёзы стекали на бороду и замерзли белыми горошинами.

— Не дело казаку слёзы лить, — упрекнул его Лука.

— Что маменьке скажу? Не уберёт брата.

К утру мороз покрепчал, мела позёмка, заметала вчерашние следы.

— Как бы с пути не сбиться,— проезжая мимо Луки посетовал Бекетов.

— Не собьёмся: по старой привычке затесы делал, дайте дорогу, передовщиком пойду,— ответил Лука.

Проходя мимо хана, Лука вновь огрел его плетью:

— Шевели копытами, старый мерин.

У казаков за плечами мешки со скарбом, что сумели — взяли, теперь это их добыча. Остальное в общую кучу, племя богатое, барахла много.

— За аманатов дань заплатят? — спросил Мишка у сотника.

— Пока не выкупят, воевода не отпустит.

— Не заплатят, нечем, мы всё позабыли,— сказал Бугор, тридцатилетний мужик, славившийся среди казаков отчаянной храбростью.

— Соплеменники заплатят, их тут несколько кочует. Сговорятся меж собою. Весной надо ждать набега на крепость.

Перед переходом Енисея сотник приказал всем отдохнуть, чтобы как можно быстрее пройти реку. Но вначале пустил табун оленей. Бугор вызвался перегнать их. Ещё издалека они слышали звон колоколов, запылали факелы по стенам крепости. Встречали казаков громкими криками. Сам Фёдор Уваров стоял в воротах, радостно потирая руки:

— По здорову ли, казаки?

— По здорову, все живые.

Но не слышно радости в ответе служивых, тяготит их потеря охотников, не всех отыскали. Где теперь их найти.

— Куда их? — указывая на аманатов, спросил Пётр Иванович.

— Хана в пытошную, сам допрошу, остальных на съезжую.



В приказную избу влетел взбужденный дьяк Наум.

— Тебе чего? — поднял от бумаг голову Уваров.

— Мишка Вычегжанин решил побаловаться с ханской дочерью: тащил за волосы, она как завизжит, закричит, дескать, крепость скоро разрушат, а казаков всех прирежут. Мы с толмачом из съезжей шли, всё слышали. Мишка кнутом побил, она и созналась — весть получили, силы большие собирают, не хотят нас дальше пускать, сами хотят по Енисею землями владеть.

— Значит тайга здесь богатая, коль воевать хотят, — сделал вывод воевода, — раньше весны всех не соберут. Как там хан?

— Вместо оленя всю дорогу вёз нарты, да и казаки били его.

— Надо бы допросить.

— Слаб пока, денька два подождать надо.

— Ханскую дочь не трогайте. Сгодится.

Наум в знак согласия тряхнул нечёсаной головой.

— Ты бы хоть башку привёл в порядок, — сделал замечание Фёдор, — всё-таки дьяк.

— Для чё? Баб здесь всё равно нет.

— А иноземки?

— Они не бабы, заложницы.

— Собери сотника, атаманов, десятников. Покумекаем.

Крепость невелика, одно развлечение — кабак. Там едят, пьют, играют в кости, просто зубоскалят, а иногда поют о родимой стороншке.

Вскоре собралось всё командное ядро Енисейской крепости: стрелецкий сотник Пётр Бекетов, казачий голова Болкошин, атаманы Иван Ребров, Иван Галкин да Илья Перфильев, два десятника Васька Бугор да Лука Безухий.

— Наум, рассказывай, об чём указ, — приказал воевода.

Главным городом Сибири был Тобольск и все сибирские городки подчинялись тобольскому воеводе, а он царю.

— Приказывает весной отправить на реку Лену в разведку казаков, дескать, от Енисейска мы ближе всех.

— Слухи идут из Нарыма, что хан Тагул племена собирает нашу крепость разбить и самому племенами править. Что присоветуете, казаки? — сказал воевода.

— Надо пошарить по окрестностям, — начал говорить казачий голова старик Болкошин, — вдруг тунгусы собираются отбить хана.

— Отправь Луку Безухова с Зыряном, да Ваську Бугра с Семёном Моторой.

— Подумываю уйти в монастырскую богодельню в Тобольск, — вдруг заявил казачий голова, — там свой век доживу.

— Послужи пока подмога придёт, отпущу, — согласился Уваров. — Значит так и порешим: будем ждать подмоги. Как только перед тобольским воеводой оправдаюсь?

— Так и ответишь, нет, мол, сил даже крепость защищать, не то что экспедиции снаряжать. Да пороху, свинцу мало, опять же нужны скобы, гвозди. Чем суда строить? — сказал Ребров.

— Тунгусы дорогу знают. Да им веры нет, договорятся с другими племенами, подкараулят из засады, либо сонных перебьют. Большой силой идти надо, несколько отрядов. А казаками рисковать не гоже, нас итак мало, — поставил точку на этом разговоре казачий голова.

— Ханских баб оставьте, не трожьте, — попросил Уваров.

— Если по согласию? — рассмеялся Васька Бугор.

— Ну, ежели по согласию, тогда конечно, — захохотали все, громче всех сам воевода.

Через два дня воевода допрашивал хана Ингена в пыточной избе. Инген смотрел на всех злым, ненавидящим взглядом, узкий, как щель, рот плотно сжат. Рядом с воеводой сидел толмач.

— Зачем охотников порешили? Тайги вам мало? Они же с вами не воюют.

Хан зло скрипнул зубами и молчал.

— Лука, бей его.

Ингена привязали за руки к потолку, сорвали замшевую рубаху.

— Вдвоем бы надо, с двух сторон. А ну, помогай! — приказал дьяку, который приготовился писать.

— Не моё это дело, — огрызнулся тот.

— Я тоже не палач, для дела надо.

— Помогай! — приказал воевода.

С двух сторон ударили плетью, у хана сразу вспухли красные волосы по спине.

Лука бил изо всей силы, приговаривал:

— За охочих людей пересеку пополам.

Инген снова заскрипел зубами, но не издал ни звука. Из рассечённой кожи полилась кровь.

— Говори, зачем охочих людей порешили? Где остальные?

— Лука, приведи сына.

Лука втокнул в пыточную малолетнего сына Типла. Увидев избитого отца, тот заскулил.

– Молчи! — крикнул хан и задохнулся от новых ударов.

– Не бейте отца, всё скажу.

– Скольких охотников порешили?

– Мы только троих, остальных захватило племя Тапкайя. Они сейчас кочуют около реки Елюенэ.

– Где эта река?

– Не знаю.

– Бейте отца.

Из ран Ингена кровь полилась струёй.

– Если идти дальше на восход солнца, то через три недели на оленях можно подъехать к реке. Мой старший брат там был.

– Ишь, змеёныш, сразу вспомнил, — проворчал воевода. — Если приведёшь старшего брата сюда, мы за выкуп отпустим отца. Согласен?

– Согласен, — закивал головой мальчишка.

– Лука, развяжи хана, на сегодня хватит.

Через несколько дней пришёл старший сын Ингена.

– Почему один? Где младший?

– Чтобы обоих забрали?

– Хитёр. Расскажи о реке Елюенэ.

– Были там.

– Дорогу укажешь?

– Укажу, если отца отпустите.

– Вот доведёшь до реки, вернётесь обратно, тогда отпустим, — согласился воевода.

– Когда мы там кочевали, на другой берег не переправлялись, но слышали от других племён, что там живёт многолюдная конная орда, а тайга богата пушным зверем, река — рыбой.

Уваров получал от тобольского воеводы подробное описание, что мангазейские казаки побывали дальше от Енисея на восток и открыли великую реку, по-тунгуски называется Елюенэ. Для подробной экспедиции тобольский воевода Сергей Навицкий выделил отряд в тридцать казаков под предводительством Алексея Добрынского и поручил им те новые земли проведать и людей под государеву высокую руку призвать. Отряд с верховьев нижней Тунгуски по реке Чоне добрался до реки Вилюй и по ней спустился на Лену, где наткнулся на конную орду. После безуспешных попыток сбора ясака отряд вернулся в Тобольск.

На очередном сборе в приказной избе Уваров сказал подчинённым:

– Придётся всё-таки нам воевать на Елюенэ, больше некому.

– Надо силы подкопить.

Уваров не дал договорить:

– Сходить надо в разведку, самим узнать, какие там силы, проводник есть. В поход возьмёте охотников, помогут, если нужда будет.

– Ходили охотники за восточный берег Енисея искать богатые зверем места. И что? Один Мишка спасся, — возразил Ребров.

– Предупреждал я их — не ходить. Большими племенами кочуют там тунгусы. Сведать надо те земли, — ответил Бекетов.

Опять допрашивал воевода хана. Измученный, похудевший — Мишка за брата часто бил его — всё лицо в разноцветных разводах: от красного, синего, до жёлтого. Одни синяки сходили, другие появлялись. Теперь он стал покладистым, что знал, отвечал.

– Кто живёт на реке Елюенэ?

– Живёт на той реке большое племя ёкёт. Разводят коров и лошадей.

Слово якут было заимствовано у тунгусов, которые называли их «ёкёт», казаки заменили его звуком более удобным на русский лад — «я» и получилось «яко», приделали окончание «ут» и получилось якут. Сами себя они называли «саха».

– Передовщиком пойдёт твой сын, а ты с семьёй поживёшь здесь, теперь никто не тронет тебя. Вот как ватага вернётся, тебя и выпустим. А коль заведут в засаду да казаки пострадают, замучу всю твою семью, изведу всё племя.

– Не заведёт. А ёкёты вас побить не сумеют.

– Отчего?

– У них ружей и пушек нету. Только стрелы с железными наконечниками.

– И это тебе ведомо?

– Вся тайга знает про огненные стрелы и железные ядра.

– Коль знаешь нашу силу, зачем на рожон лезешь?

– По недомыслию. Тайга большая, может не сведаете.

Главной целью поисков экспедиций были новые реки. Они служили дорогами в неведомые края.



Воеводской избе Фёдора Уварова тайная встреча с атаманом Иваном Галкиным, отважным землепроходцем лет тридцати пяти с карими весёлыми глазами и чёрным кудрявым волосом.

— Славно погуляли, — хвастался Иван, — ватага удалая подобралась, один Анкудинов чего стоит, хитёр и смел. Уже на обратном пути набрели на большое племя остяков, пошли с ним вдвоём. Вожака просили добром дать ясак и клятву верности русскому государю. Он думал мы одни, решил с нами расправиться. Герасим засвистел, наши выскочили из засады. Подставили нож к горлу вожаку: или добром сдашь или побьём всех.

— Сдал?

— Сдал больше, чем положено, поклялся в верности государю, окровавленную саблю целовал. Да ещё места показали богатые соболями.

— Сами-то охотились или только дань собирали?

— Охотились, твою долю принёс: три десятка соболишек, десяток чернобурок, бобры, белок мешок — не считал.

Иван встал, вышел в сенцы, не увидел в темноте Наума. Тот давно уже обшарил мешки, подслушивал о чём говорит воевода с атаманом. «Не поделится со мной, — думал он, — напишу царю-батюшке».

— Себе много ли оставили?

— Охота удачная была, много набил, — не стал уточнять Иван.

— Остальных казаков как наделил?

— Не обидел, — уклонился от прямого ответа атаман. С ними ясак повезу?

— Добро, так и порешим. Реки встали, не шибко снежно ещё — на лошадях поедете. Обоз большой, да в Нарыме соединитесь с их обозом, потом до губернского города Тобольска. Ну, а там воеводушка всяя Сибири Сулешов решит, кого отправить сопровождать казну. Сам знаешь, главный он над нами.

В избе у воеводы просторно, кроме стола и лавок, ничего нет. Временное пристанище, холостяцкое. На два года послан, зачем рухлядью обзаводиться. Наум с ним живёт только в другой комнате, он

и обеды варит. Из аманатской избы пришлёт дьяк баб, чтобы прибрали, бельишко постирали и снова один вечера коротает. Скука. Но сегодня пьёт не один. Большой ковш с вином стоит посреди стола. Пили по очереди, закусывали молодой сохатиной.

— По сколько соболишек брали с иноземцев?

— Как велено было — с холостого пять, с женатого десять.

— Своими соболишками как распорядишься?

— Избу новую поставлю, ещё года три послужу Сибири, потом переберусь в Московию, лавку открою, — разоткровенничался атаман, вино виновато, в голову ударило.

— Казаку не положено в купцы переходить.

— Брат есть, он не казак. Ну, пойду спать, завтра в путь-дорогу.

У воеводы на душе сладко. Это сколько же деньжищ будет у него! В Москве, говорят, шкурка соболя, первосортная конечно, стоит два рубля. Не один атаман Галкин делится добычей... Каждая группа казаков тоже была ватагой и где возможно входили в пушные предприятия, несмотря на правительственные запреты. А поскольку это было незаконно, Уваров действовал через подставных лиц. «Детей одену, дочери богатое приданое дам, — размечтался воевода, — деревеньку бы ещё прикупить, да сюда, в Сибирь, пашенных людишек привести, тогда ещё на годовальщину вернусь. Край здесь безлюдный, но привольный, земли сколько угодно. В Верхотурье, рассказывают, богатые урожаи хлеба собирают, хватает служилым людям Тобольска, с Московии не возят, как мы. Воевода сделал большие запасы хлеба. Но надежды нет на крестьян, как придут сюда, хлебнут жизни вольной, больше десятой части урожая не отдадут, а то в казаки подадутся. И ничего не сделаешь, не прикажешь — цареву службу несут. Завтра провожать государеву казну, надо бы воеводе тобольскому отписать про нуждишки наши».

— Эй, Наум, — позвал он дьяка, тот дремал, наклонив голову на стол, а может пьяный стал. Но Наум поднял голову, хитрыми глазками посмотрел на Уварова, — иди, отпиши в Тобольск, да вина ещё принеси.

— Отпей, взбодрись, — расщедрился Фёдор. — Проси порошу, свинцу, ядер пушечных, ружей, хлеба. Подмога нужна, весной ждём нападения на крепость. Да пусть у царя-батюшки просит прислать девок и молодых вдовушек на женитьбу служилым. Край обживать надо. С юга киргизы, монголы наступают, надо бы в верховьях Енисея крепость поставить. Опять же в разведку отряды посылать надо, а казаков мало.

Уваров ещё долго перечислял, в чём нуждается Енисейск. Потом хватил полковша вина и завалился спать тут же на лавку. Наум допил остаток, проверил мешок, взял немного себе и сел писать челобитную государю про воровские дела воеводы. Запечатал свитки и тоже пошёл спать.

Утром, ещё не проспавшийся Уваров, провожал отряд. Казаки стояли у крыльца, они уже побывали в церкви, отслужили молебен. От батюшки получили благословение на дальнюю дорогу.

— Знаю, путь опасен, — начал свою прощальную речь воевода, — на вашем пути возможны стычки с немирными иноземцами, а потому идите днём и ночью. Чтоб оружие было всяк час заряжено и держите его наготове. А если какие воровские люди умышлят нападение, с ними бейтесь до конца, не щадя голов своих, до смерти. Да заботьтесь о сохранности пушнины — досматривать почаще, чтоб соболиную казну снизу грязью, сверху водой не подмочило и порчи чтоб не было.

Казаки ухмылялись, глядя на пьяного воеводу, как он старается, чтоб не поняли, что пьяный. Казакам тоже положено выделять вино, но им мало доставалось, больше сам пил. Служилые знали, но молчали. Не таков Герасим Анкудинов: тряхнув рыжим волосом, светлые глаза засверкали озорным блеском:

— Дал бы нам винца в дорогу.

— Нельзя, на Москве душеньку отведёте, когда обоз в целости и сохранности довезёте, — не смутился Уваров. — Из крепости путь держите по рекам Тые или Кеме, потом Маковским волоком до Оби.

— Да знаем мы, впервой что ли, — перебил воеводу Герасим.

— Ну, тогда с Богом, трогайте, — и долго стояли, смотрели вслед обозу.

Несколько тысяч отборных, первосортных шкурок соболей, чернобурок везут. Довезут ли? Непокойна, ох, непокойна ещё Сибирь-матушка. Соболи был одной из важной части государственного дохода. Его высоко ценили на рынках западноевропейских стран. В обмен на «мягкое золото» из-за рубежа привозили ткани, драгоценные камни и много чего другого. Для этого нужны были богатые пушные уголья — всё это давала Сибирь.

Много желающих перехватить в пути такое богатство. Прошлой осенью налетела на обоз, когда приблизились к Урал-камню, пегая орда ойратов, еле отбились, половина казаков полегла. Уваров считал, что ехать по замёрзшим рекам удобнее и быстрее, чем летом: дожди, грязь, с реки на реку перегружать, Маковский волок на пути. Если по Енисею, а там морем, тоже опасно. Кочи часто гибнут, а то льды путь загородят.

Маковский волок в течение долгих лет служил основным путём сообщения Восточной Сибири с Тобольском и Москвою. По нему ввозили из Сибири пушнину, а из России тем же путём шло подкрепление, оружие, продовольствие.

Бывшие племена Золотой Орды разбежались по землям, никогда им неведомым, никогда им не принадлежащим. Здесь законов нет, каждое племя, каждый род жили обособленно. Племена кочуют от Урал-камня по сибирской низине и постоянно враждуют между со-

бой. Уходили как сильные племена, так и слабые. Сильные подчиняли слабых, заставляли платить дань, участвовать в нападениях на чужие племена.

Казаки тоже двигались по Сибири, занимали пустующие земли, строили города. С их приходом началось освоение Сибири, старались жить мирно со всеми. Да и за спиной у казаков было мощное Российское государство. Из него шла помощь, а у племён, двигавшихся по Сибири, не было ни поддержки, ни помощи. И племенам за дань, казаки обещали защиту. Остякам, вогулам, тунгусам, сибирским татарам — спокойнее жилось среди казаков и бывали случаи, когда они сражались вместе с ними плечом к плечу против ойратов, монголов и других степняков. Многие малые племена не выживали, исчезали в глубине Сибири, другие ассимилировали в более крупные.



Ранняя ныне зима, вон сколько снега навалило и ещё идёт. Михаил Фёдорович, после утренней трапезы, задумчиво стоял у окна. Дворовые мальчишки кувыркались в снежных сугробах, звонко смеялись. Царю видна дорога, по которой проезжают думные бояре. «Не спешат, не торопятся, — с гневом думает он, — вон, наконец-то первым, как всегда, появился князь Трубецкой в расписном возке, поставленном на полозья, конская упряжь разукрашена, окошечки слюдяные». Кучер открыл дверцу и Михаилу Фёдоровичу стала видна внутренность кареты, обитая ковровой материей. Полы шубы распахнулись, показывая беличий мех, верх шубы покрыт парчой, на голове высокая бобровая шапка. Богато живёт боярин, да и остальные стали подъезжать кучно, не беднее его. Прибыли бояре: Долгоруков, Стрешнев, Голицын, Салтыков, Ромодановский, горластый Нарышкин. Царю надоело смотреть в окно и он повернулся к стоящей рядом с ним молодой, красивой жене Евдокиюшке. Та с нежностью смотрела на супруга, хотела, видимо, сказать что-то ласковое, но не успела. Дверь открылась и в грановитую палату вошёл батюшка Филарет. Евдокия смутилась, покраснела, отвесила свёкру низкий поклон и поспешила уйти.

— Все ли в здравии? — обратил свой взор Филарет на царя. — Всё ли ладно?

— Все по здорову, — ответил сын, кланяясь батюшке, а тот ласково благословил его.

— Иди в золотую палату, бояре все собрались. Да строже с них спрашивай, распустились. Забыли как при Иване Васильевиче только и знали, что от страха смиренно молили Господа, чтоб смягчил ярость его. А я ноне немощен, пойду, отдохну.

Сын рад приходу отца. С его вызволением из польского плена, легче стало управлять Русью. Теперь он всегда рядом, есть на кого опереться.

Сколько раз посылал послов с подарками к королю Сигизмунду. Сколько отборных соболей, бобров, горностаев извёл. Подарки возмут, пообещают скорое освобождение и снова тянут со своими по-

сулами. После плена затаил батюшка злобу на Сигизмунда. По возвращению был он возведён в сан патриарха. Теперь в золотой палате было установлено два трона, оба — отец и сын именовались Великими Государями, дела докладывались обоим. Царь сам требовал, чтобы его отцу, патриарху, оказывалась такая же честь, как и ему. Боярская дума почувствовала твёрдую руку умного Филарета.

Когда царь вошёл в золотую палату, бояре шумно повставали с лавок, стоящих вдоль стен и обитых красным бархатом, низко в пояс поклонились. Михаил Фёдорович одет в повседневную одежду, только при послах, да в торжественных случаях, был в полном царском облачении. Тогда около трона, по бокам, стояли рынды — почётная царская стража с серебряными топориками на плечах. Сами послы правили поклон царю от своего монарха, а думный дьяк принимал от свиты дары и грамоты. В руках царь держал скипетр и державу — атрибуты царской власти.

Сейчас около трона сидит только думный дьяк, на столе лежат свитки челобитных. Надо царю-батюшке, совместно с боярами, решать вопрос о государственной казне. Она опять стремительно пустеет. Нищету Московии до сей поры выручала богатая Сибирь, но в последнее время всё меньше и меньше поступает драгоценных мехов. Раньше, бывало, одних соболей отборных, первосортных, до двухсот тысяч привозили.

— Читай, — приказал дьяку государь. Дьяк развернул первый свиток и стал читать отписки от мангазейских воевод, где подробно описан и приложен чертёж промышленника Пянды об открытии реки Лены, о богатствах пушниной и рыбою, о племенах, живущих там. Воеводы просят подмоги для охраны морской границы в Сибири. Был уже специальный указ о запрещении иностранцам ходить из Баренцева моря в Мангазею, для чего была поставлена стража на Югорске, на острове Матвеевом и на Ямальском волоке, чтобы не допускать иностранцев в Сибирь и сохранить монополию торговли пушниной для царской казны.

Челобитную от посадских из Мангазеи слушал внимательно: жалуются, что воеводы притесняют их, между собой не ладят, присваивают себе пушнину, добытую для царской казны. Казаки и посадские не хотят жить с такими воеводами, разбегаются по другим городам.

— Может зря посылаем по два воеводы? — спросил Михаил Фёдорович.

— А как пошлешь одного? Дорога в Сибирь дальняя, опасная, мало ли что может случиться, — возразил Стрешнев.

— Надо поменять мангазейских воевод и отряд послать для стражи от иностранцев, — вставил своё предложение Ромодановский, — кого послать, подумаем.

«Кого не пошлешь, все воруют, — подумал царь, — столько льгот, жалование большое и всё мало».

Хотя и получали бояре большие льготы, а не хотят ехать в Сибирь — слишком страшно. Сейчас трудно, а ведь было время, когда только взойшёл на престол, казна была совершенно пуста, даже платить было нечем стрельцам и казакам. Пришлось у купцов Строгановых, а они были самые богатые по всей Московии, просить ссуду: деньгами, товаром, зерном. Спасибо, не отказали, выручили. «Надо крымскому хану дань платить, — сокрушался государь, — шведы зашевелились, опять воевать грозятся, столько забот, а батюшка занемог». Он поднял голову, посмотрел на бояр — то ли слушают, то ли дремлют.

— Далее читай.

— Отписка от енисейского воеводы, пишет, де, тайга беднеет, зверей меньше стало. Дальше на восток надо, всю Сибирь завоевать, да служилых мало. Надо бы ещё подкрепление. Тунгусы, остяки, вогулы налетают на крепость, а защиту держать нечем. Порох, свинец нужен, пушечные ядра заканчиваются, да и пушек мало. Взяли в заложники кельтского хана, говорит, что дальше, на восход солнца, есть большая река Елюенэ и там, де, тайга богата пушным зверем. Надо бы отправить на разведку казаков, да мало их осталось, только для защиты крепости. Еле от нападков племён тунгусов и остяков отбиваемся. Оттого и нападают — знают, что нас мало. Надо бы крепость в верховьях Енисея поставить, степняки приближаются. Хорошо бы девок да молодых баб прислать служилым людям в жёнки, пашенных людишек, землицы плодородной много, обживать край надо.

— Отовсюду одно и то же, надо принять решение. Что посоветуете, бояре? — недовольным голосом молвил государь Всея Руси. — Что бояре приговорите?

Частенько стал пустовать трон патриарха, да и не удивительно, столько лет провёл в плену у поляков, сколько унижений перенёс, до сих пор забыть не может, всё мечтает, как бы отомстить Сигизмунду, да пока сил маловато.

— Надысь опять большой обоз с мехами пришёл, — вставил своё слово Нарышкин.

Бояре зашевелились, зашушукались, чтоб такое умное сказать.

— Посылать надо девок и мужиков, охочих людей в сибирскую службу. Брать из вольных крестьян и охотников Вятки, Перми, Великого Устюга, Коми-зырян, легче приживутся, опять же к гнусу привычные, — предложил Трубецкой.

Бояре понимали правоту Трубецкого, что нужно посылать с севера Европейской части Руси, они к холоду привычны и имеют навыки освоения северных земель. Да и географически были ближе к Сибири, тем более, что охотникам давно известны тропы через Урал-камень.

— Кого пошлём воеводой?

— Пусть Трубецкой и едет, коль такой умный, — предложил Салтыков.

– Здоровьем слаб, батюшка, — взмолился Трубецкой.
– Забудем тебе поражение от шведов. Может в Сибири от тебя больше толку будет, — захохотал Мстиславский, — да и на два года едешь, зато вернёшься в собольей шубе, — ехидничал он.
– Не пешком пойдёшь, в карете поедешь, — неслись реплики.
– Пусть едет боярин Хованский, он здоров.
– Я только с Бела-моря вернулся.
– Мстиславского послать.
– Так и порешим: поедет Дмитрий Тимофеевич, — прекратил спор царь.

Царь характером мягок, не жестокосерден, вот они и вольничают. Ишь, как расшумелись с хохотком, да с насмешками. Отца рядом нет, они его побаиваются. Сын нуждался в постоянной поддержке отца. Да и не было желания у Михаила Фёдоровича царствовать. Бояре заставили.

– Дмитрий Тимофеевич, сменишь тобольского воеводу, князя Юрия Яншеевича Сулешова. Много добрых дел совершил сей воевода: возродил систему ямской службы, с земледельцев собирает десятину урожая, потому в Верхотурье скопились излишки зерна, там и запасёте им.

Царь повернулся к думному дьяку, тот держал наготове гусиное перо, приготовился писать царские указы:

– Тебе нужно продолжить и приумножить его дела, — напутствовал царь, — нашли залежи слюды, железной руды, соли, слышал, что есть залежи серебра.

Трубецкому выдали особую грамоту, по которой ему было велено набрать три тысячи служилых людей, да тысячу казаков, да добровольцев из Уфы, Казани, да северян.

– С такой силищей всю Сибирь завоюешь, — не унимался Мстиславский.

Было велено князю со вновь прибывшим войском идти дальше и построить в верховьях Енисея крепость Красный Яр, оставить там сильный гарнизон в триста казаков — защиту от степняков.

Дьяк писал указы: «Воеводе Великого Устюга: набрать для Енисейска пятьсот охочих мужиков и сто пятьдесят девок сибирским служилым людям на женитьбу».

Царские указы требовали от воевод приводить инородцев под высокую государеву руку ласкою, а не силой и жестокостью. Городки и селения ставить только на порожних местах, ясачных угодий не занимать. Согласившиеся добровольно платить дань, должны получать защиту со стороны русских. А кто заплатит ясак, может оставшимся торговать свободно. Расправу чинить только над непокорными. Лучше добиваться мирной жизни со всеми народами ибо они малочисленны. Не надо вмешиваться в племенную их жизнь, в традиции и привычки. Только требовать исправно платить дань.

– Надо бы, бояре, учредить на Москве Сибирский Приказ, который бы ведал всеми делами сибирских городов и судили бы тамошних воевод за провинности и воровство.

Присоединив к Российскому государству Западную Сибирь, Русь в несколько раз увеличила территорию, подвластную великому государю.

Бояре поняли, что заседание окончено и можно расходиться. Снова шумно повставали с лавок, поклонились царю-батюшке. Прощались друг с другом тоже поклонами. Приглашали к себе в гости, словно и не спорили, и не ссорились меж собою. Только князь Трубецкой был невесел. Слишком трудное дело взвалили на него. Справится ли? Уверенности и желания не было.



Михаил Стадухин сидит в лавке на Москве. Ярмарка шумит на разные голоса. Кого только не увидишь: любопытные и вороватые малороссы, спесивые и высокомерные паны, татары, башкиры, стрельцы, казаки, но больше всего бродячего люда. В скобяную лавку часто заходят, товар ходовой, но дешёвый, капиталу большого не наживёшь. А рядом лавка богачей купцов Усовых, торгует приказчик Федот Попов, здоровый силач и в торговле толк знает. Торгует заморским товаром и северными мехами. От покупателей отбоя нет, больше толстомясые купчихи. Берут лис и белок, драгоценные меха в амбарах царя-батюшки для заграницы приготовлены. Михаил высок ростом и крепок мышцами, ему немногим более сорока, а он уже погрузнел и выглядит старше своих лет. Купец скрипит зубами от злости и отворачивается от лавок купцов Усовых.

— Эй, купец, — слышит он хриплый простуженный голос, — хочешь сибирского меха на воротник либо на шапку жёнке или матери.

Михаил смотрит на рыжего подвыпившего казака и не сразу сообщает, что ответить.

- Чего рот открыл?
- Чё надо?
- Запусти в лавку — покажу!
- Не заперто!

Ввалился толстый, на первый взгляд, неповоротливый казак. Меховая шапка набок, длинные рыжие волосы давно немытыми космами спадают до плеч. Жуликоватые светлые глаза смотрят нагло. Казак не спеша снял волчий тулуп, на животе привязан объёмистый мешок. Положил его на прилавок и сразу же превратился в жилистого худощавого мужика. Синего сукна кафтан, такие же шаровары заправлены в сафьяновые сапоги.

— Ноги не мёрзнут в таких сапогах-то, вон какая метель разгулялась, — съехидничал купец.

- Нет, не мёрзнут, внутри чulки из беличьего меха.
- Богато живёшь.

— Пойдём в Сибирь, у тебя не меньше будет, — а сам доставал из мешка соболей, они ложились на прилавок чёрным маревом. Михаил

положил руку на шкурки, она утонула в нежных, шелковистых ворсинках.

Купец посмотрел на войлочные сапоги, в которые тот был обут, овчинный полушубок, с пояса которого свисал нож и тяжело вздохнул. Казак заметил, как испортилось настроение купца, спросил:

– От кого сторожишься, купец?

– Лихого людя везде хватает, — уклончиво ответил тот. — Откуда говоришь меха?

– Из Сибири.

– Тайно продаёшь? А если донесу?

– Не донесёшь, по глазам вижу, жадный ты и завистливый. Бери, недорого продам.

– Сибирь всю завоевали?

– Не всю, земли там пустынные, нехоженые, тебе места хватит, — захохотал казак. — Пойдёшь со мной — не прогадаешь.

– И охота вам воевать?

– Не мы, так другие завоюют, охотников до Сибири много, богатая сторона.

– А эти меха военная добыча или грабите?

– Которые добром дань сдают и клянутся в верности государю, тех не трогаем, наоборот, защищаем.

– Убивают вас?

– Всяко бывает: и нас бьют, и мы бьём. Как увидишь, что из собрата ещё живого кишки вырваны, тут уж не до милости.

– Опять в Сибирь вернёшься? Или больше не хочешь?

– Обоз мехов привезли, опять же отписки воеводы, казачьи и посадских челобитные. Новые отряды казаков и стрельцов набирают, вот и примыкай к нам.

– Как тебя кличут? Где найти? — на всякий случай поинтересовался купец.

– Герасим Анкудинов я, сам тебя найду. Дома на Москве у меня нет, всё по бабам шляюсь, а им денежки нужны. Вот так-то.

– Лучше бы дом купил на такие-то деньжищи.

– Не нужен, погулять хочу на славу. Баб русских в Сибири нет, а здесь гулящих много.

– Совсем нет? — удивился Михаил.

– Перебиваемся, когда остячки, тунгуски или татарки. Смотри какое племя бьём.

– Сильничаете?

– Бывает, — не стал отрицать Герасим, — так что, если пойдёшь с нами, знай, гулящих там нет.

– Ну, за такое богатство можно и о бабах забыть.

– Дёшево отдам за два рубля один соболь.

– Так дорого, — ахнул купец.

– Ты в два раза дороже продашь, на эти деньги дом построишь.

Михаил задумался. А может правда податься в Сибирь? Здесь дела идут неважно, а оттуда вернусь богатым. Вон за меха столько денег отвалил Герасиму. Продам втридорога Федоту. Тот проныра, знает, кому их предложить. Купец рано закрыл лавку, пошёл домой посоветоваться с отцом, но увидел толпу. На ярмарочной площади дьяк читал царский указ о наборе охочих людей в Сибирь. Казаки южного порубежья не хотят идти, у самих есть с кем воевать. Стадухин подошёл ближе, стал слушать.

– Кто своею волею пойдёт служить в Сибирь, будет получать государево жалованье, справу, рожь и вино, — читал дьяк.

Из толпы неслись вопросы, всем интересно знать, где эта Сибирь, с кем воевать и велико ли жалованье.

Михаил не стал дальше слушать и так всё ясно. Дома за большим столом собралась вся семья обедать. Во главе стола под образами сам глава семейства Василий Иванович, далее сыновья, невестки, внуки. Младший брат Тарас подозрительно покосился на Михаила:

– Что так рано, отторговался?

– Дело к отцу есть, потом поговорим.

Василий Иванович поочередно смотрел на большое семейство, остановил свой взгляд на младшем сыне:

– Тарас, а ведь тебе пора жениться.

– Ожени, — насмешливо ответил младший, — только невесту сам приглядел.

– Кого же? — затрепетала мать.

– Да Настасью, соседку.

Отец замахал руками, заругался:

– Дурень, кто же отдаст дочь боярскую за купецкого сына, и не думай.

– Они только считаются боярами, а сами беднее церковной крысы.

– Беднее или богаче церковной крысы, а всё равно отдадут только за боярина, да и баская она.

– Ты вначале посватай, — у матери глаза горели радостью, — знаю её с детства, хорошая молодка будет, тихая да ласковая.

Ночью мужу нашёптывала в волосатое ухо:

– Попробуй, Вася, попытка не пытка, хорошая жёнка будет сыну.

– Сам знаю, отвяжись.

На другой день, к вечеру, Василий Иванович собрался в гости к соседу, не раз приглашал, да всё недосуг было. Семья Стадухиных считалась удачливыми московскими дельцами и многие посчитали бы за честь породниться. «Поговорю, — решил он, — да между разговорами и спрошу». За кувшинчиком медовухи развязались языки и Василий Иванович спросил соседа:

– Смотрю, Настасья невеста у тебя, жениха нашли ли?

— Да вот Хлапонины сватают за старшего сына, думаю — пород-
нимся.

Отец посидел ещё немного для порядка и ушёл, несолоно хлебав-
ши, а дома с порога огорошил сына:

— Просватана, за Хлапонина, за боярина.

Тарас даже в лице изменился:

— Значит судьба, Михаил, с тобой идти.

— Это куда вы собрались?

— Давай, отец, посудим, как дальше нам проживать. Братьям
и мне надо отделяться, а капиталу нет, — начал разговор, как стар-
ший, Михаил, — надумали с братьями в Сибирь податься.

Раньше может Василий Иванович и разгневался бы, да только вче-
ра Михаил вручил отцу кругленькую сумму денег.

— Откуль такие деньжищи? — удивился он.

— Сибирский казак продал мне соболей штук двадцать, за два —
штуку, за пять рублей я продал Федоту Попову.

И отец неожиданно легко согласился:

— Сам об этом думал, идите, только все вместе.

— Я тоже пойду с отцом, — сказал Яков, старший сын Михаила.

— Ты ещё молод.

Но Михаил возразил отцу:

— Пусть идёт, сидючи здесь капиталу не наживёшь. Может там по-
везёт.

— Мать, благослови.

Без материнского благословения к такому делу приступать беспо-
лезно, а потому все: Михаил, Григорий, Тарас и Яков бухнулись в ноги
матери.

— Мамонька, благослови.

Мать горько заплакала, взяла икону Божьей матери, разве могла
перечить мужу, благословила сыновей и внука.

На прощание отец вручил всем понемногу денег:

— Это вам на разживу.

Выступали большим отрядом: казаки, сопровождавшие казну —
тобольские, нарымские, енисейские, с десятков беглых, да с десятков
добровольцев за свой счёт. Ехали подвое. Один — седок, второй в са-
нях с поклажей. Дорога дальняя, всё сгодится.

Герасим Анкудинов подстриженный, борода и усы аккуратно рас-
чёсаны, выпивший, крутился около братьев, скалил зубы:

— Решились всё-таки.

— Где твой волчий тулуп? — вместо ответа спросил Стадухин. —
В Сибирь едешь в суконном кафтане.

— Пропил, не помню где, — беспечно ответил Герасим, — да к си-
бирским холодам привык, не пропаду.

— Могу выручить, овчинный тулуп продам.

- Взамен что просишь?
- Десять соболей, там рассчитаешься, на месте.
- Шибко дорого.
- Дорога ложка к обеду.
- Пять отдам.
- Десять.
- Ну, шесть.
- Так и быть, уступлю как попутчику за восемь.

В обратную дорогу ехали не торопились, царской казны нет, страшился нечего, сзади великие силы пойдут во главе с князем Трубецким. Пока днём по-весеннему светило солнце, да и Герасим был навеселе, не мёрз. А как опустились сумерки, стал крепчать мороз, ветер поднялся, не выдержал:

- Ладно, твоя взяла, давай тулуп.

Михаил остановился, чтобы достать тулуп, обоз проезжал мимо них и вдруг Михаил увидел знакомое лицо. Да ведь это Федот Попов.

– Здорово, землячок! Никак в Сибирь собрался? Тебе-то зачем? Вы итак богаты.

- Так ведь Усовы богаты, а я нет.

Попов вёз много саней, забитых, как догадался Михаил, товаром. Вот проныра, не зря его так прозвали. Проныра и есть. «Как я не догадался товару взять», — загоревал он.



С плохим предчувствием собирался князь Трубецкой в путь-дорогу. Привычный жить роскошно в большом дворце среди многочисленной прислуги, теперь сидит в походном возке только с дворовым мальчишкой Яшкой, который исполняет все желания — то попить подай, то постель поправь. На козлах кучером мордатый молодой мужик Игнатий. На нём овчинный тулуп, на голове такая же шапка закрывает уши. Тёплые рукавицы чуть не до локтей предохраняют от попадания снега в рукава. Он весело мурлыкает себе под нос, не обращая внимания на окружающую снежную целину.

Вместе с князем полтысяча казаков, стрельцов, охочих людей, но численность их возрастёт, когда придут в Нижний Новгород, Казань и Уфу, где каждый воевода должен выделить ещё казаков, стрельцов и продовольствие. Воеводы руководят военными и гражданскими делами, подчиняются только Москве.

Однако большая отдалённость, трудный проезд, небезопасные условия жизни пугают Дмитрия Тимофеевича. Мало утешают высокое жалованье, особые привилегии на время службы: его освободили от налогов, крепостные крестьяне и холопы не подлежат преследованию по суду, кроме случаев разбоя, ему представлены все необходимые средства для поездки в Сибирь и обратно.

За войском следуют переселенцы: крестьяне, ремесленники, промысловые, чтобы добывать железную руду, дабы не ввозить железные изделия из Московии, а также добывать соль, слюду, искать серебро, о залежах которых доносят воеводы. Одни следуют добровольно, другие по указу. Государство старается заселять пустующие земли, основательно закрепить их за собой. Много труда и времени потребуется русским, чтобы открыть и освоить сокровища Сибири.

Уже подъезжали к Уфе, дороги почернели, раскисли, пришлось из саней пересест в карету, но Дмитрий Тимофеевич расхворался. Ничего не радовало боярина: то поясницу разламывает, то ноги сводит, то жар тело томит. Стонет, охает, каждый ухаб дороги отдаётся острой болью где-то в пояснице.

— Яшка, дай водицы испить.

Но воду весеннее солнышко нагрело, пить противно, да и не помогает она.

— И что такого болящего отправили в Сибирь, — ворчит мальчишка.

— Как самому государю откажешь, — со стоном отвечает князь, валится на мягкие подушки и немного затихает.

Яшка прилёг в уголке кареты, мерный скрип колёс убаюкал его и он заснул. Князюшка тоже уснул и видит сон, как будто ласточка села на слюдяное окошечко кареты и защебетала, как запела. В страхе проснулся:

— Охо-хо, хотя бы в дороге не помереть, — подумал он. Ещё старая нянька рассказывала его матери, что птички снятся не к добру.

— Знать-то скоро помру, — вздыхала старуха, — птица во сне прилетала, отправь домой, княгиня, в деревню, помирать.

— Мало ли что приснится, совсем не обязательно, чтоб сбылось, — не поверила тогда матушка, а нянька действительно вскоре померла, оттого и запомнил князь рассказ. И теперь испугался, отъехали от дома далеко, на чужой стороне помирать не хотелось. «Зря согласился, — в который раз думал он, — надо было послушать любезную суженую».

— Яшка, дай поесть.

Но мальчишка так крепко уснул, что от слабого голоса вельможи даже не пошевелился, пришлось пнуть ногой в бок. Яшка непонимающе смотрел на него.

— Дай сметаны с пирогом.

Нехотя пожевал морковный пирог, остатки отдал холопу.

— На, доешь.

Как только супруга Ксеньюшка узнала, что его отправляют в Сибирь, залилась слезами, упала на колени:

— Здоровье у тебя немогутное. На кого ты нас оставляешь? Откажись, как бы чего не случилось, дорога дальняя, лекарей нет.

— Как откажешься, сам государь повелел. Дума боярская приговорила. Не вой, собирай в дорогу.

Дружный род Трубецких собрался на проводы. Отслужили молебен в домашней церкви. Все негодовали, как такого больного отправляют в такой дальний поход, неведомые земли, вернётся ли живым. Супруга перецеловала все иконы, всех святых слёзно просила, чтобы вернулся суженый живым и здоровым. И затаило обиду на царских особ многочисленное потомство Трубецких. О чём только не передумает, не вспомнит в дороге Дмитрий Тимофеевич. А очередной день пути догорал и скоро карета остановилась около придорожного ямщицкого станка на ночлег. Кучер распахнул перед вельможей дверцы:

— Пожалуйте, воевода, в дом.

Около кареты стоял русский мужик, подстриженный под горшок, в косоворотке, расшитой цветным узором, низко кланялся.

Князюшка с помощью Яшки и Игнатия вылез из кареты, ступил нетвёрдыми ногами на землю, брезгливо посмотрел на низкую избу без крыши.

Отвели вельможу в боковую комнату под руки — с одной стороны Игнатий, с другой — мужик.

— Разболелся боярин, — завздыхал, закрестился кучер.

— Тут недалеко, вёрст с десятка отсюда, бабка-башкирка живёт. Великое множество трав знает, вмиг вылечит. Может позвать? А я пока баньку протоплю.

Измученный болью боярин, только махнул рукой, дескать, зовите, мне уже всё равно.

Знахарку быстро привезли, скрюченная старуха с клюкой в руке наклонилась над вельможею:

— Ну-ка, где болит? Ляг, посмотрю.

Неожиданно в таком тщедушном теле, руки старухи оказались сильными. Долго мяла живот, потом заставила перевернуться, гладила спину, тихо, по-своему, творила заклинания, потом сводила в баню. В деревянном корыте долго лежал в настое каких-то трав. Перед сном напоила из глиняного горшка отваром из душистых трав:

— Спать будешь часто, красно и мутно. Да не жри жирного и соленого, завтра ещё полечу.

Утром боярин проснулся, лихо встал с широкой лавки, не верилось, что боли прошли. Старуха подала испить лекарства:

— Целый день будешь пить из этого горшка, — старуха показала на большой сосуд, стоящий на столе, — да не ешь сѣдни, нельзя.

В комнату с поклоном вошёл дяк:

— Всё готово к отъезду, боярин.

— Нельзя ему ехать, — обозлилась бабка, — рано, ещё лечить буду.

Но дяк выжидательно смотрел на воеводу, что тот скажет.

— Оставьте охрану, сами езжайте в Уфу, догоним.

Весь день поила бабка настоями из трав, вечером опять сводила в баню и повеселел вельможа, уверовал в силу бабкиных заклинаний, в настои трав.

— Через два дня в дорогу, — сказал он ей, — не могу больше задерживаться.

— Неделю надо лечить, — упорствовала старуха.

На четвертый день Дмитрий Тимофеевич щедро одарил старуху, сказал:

— Не могу больше, нельзя.

Знахарка покачала головой:

— Ненадолго хватит моего лечения, но трав дам, — и долго объясняла Яшке, как готовить отвары.

Отдохнувшие кони резво везли по вконец раскисшей дороге. Князь даже шторы со слюдяных окошек раздвинул и смотрел на разгорающийся день. Продвигались где реками, где волоком по старым тропам-меткам, проделанными первопроходцами.

С каждым днём становилось всё теплее. Природа ликовала: всё буйно росло, цвело. Проезжали по лугам, покрытым сплошь ромашками или одуванчиками, ещё много чего росло в этом пахучем разнотравье. Ехали мимо полей, засеянных пшеницей, рожью или овсом. Маленькие деревеньки, прикорнувшие возле могучих сосен, где набирала силу огородная мелочь. Они давно догнали большой обоз и даже ехали впереди его. В Уфе присоединились к ним отряды башкир, татар, казаки, стрельцы, промысловый люд, купцы, ремесленники и любопытные авантюристы посмотреть далёкую и такую богатую Сибирь.

На ночь князь забирался в карету, плотно зашторивал оконце, отчего там был полумрак и, чтобы не проникали комары, спал под мерное покачивание кареты.

Ехали спокойно, да и кто посмеет напасть на такой огромный, по тем временам, отряд. Разве что похитят или ограбят отбившегося от отряда нерадивого возницу. Разноплеменные осколки Золотой Орды разбрелись небольшими кочующими поселениями по пустующей Сибири. Некоторые уходили всё дальше на север, благо потаённых мест, тёмных урочищ много. Силы у инородцев слабые, и они не мешали русским хозяйничать на занятых землях. Казаки строили поначалу деревянные крепости-остроги. В Западной Сибири, в бассейне реки Оби, уже существовали города-крепости: Тобольск, Тюмень, Берёзов, Нарым, Томск, Мангазeya. Теперь пришёл черед осваивать и защищать бассейн реки Енисей.

Новый воевода напрочь забыл о болезни, наказах бабки-знахарки. Здесь такие яства вкуснейшие, свежие, нет таких на Московии. Уха из осетрины так и тает во рту от нежного жира, чёрную икру ел ложками, гусятина, утятина исходят каждый вечер такими аппетитными запахами и какими-то приправами, названия которых он не знал, что нет сил отказаться. Яшка каждый день по туеску набирал земляники.

— Сколь крупна ягода, да сытна, — зажмурив глаза, чмокал от удовольствия воевода.

— Тут и малина, смородина чёрная и красная, черника есть.

— Иди, набери.

Травы, на никогда некошенных лугах, росли по пояс. Леса, в основном сосны, красовались корабельной стройностью и не было конца и края этой земле. «Ох и богата же Сибирь! — восхищался Дмитрий Тимофеевич. — Если крестьяне освоят эти земли, богато, раздольно жить будут. Вот где богатство! Вот где жизнь свободная! Не зря инородцы зарятся на этот край. Климат почти такой же, как у нас в Мо-

сковии. И гнусу здесь столько же как у нас. Вон, кто из Поморья и не замечают его. Пойду, прогуляюсь,— решил вельможа,— разомну косточки». Вышел из кареты, отряд расположился на ужин и ночлег, пошёл в кусты.

Два дня назад как встретили караван тобольские казаки-разведчики, чтобы с почестями встретить нового воеводу. Князь проходил мимо костра, около которого они ужинали.

— Вон, гляньте, князь-воевода ползёт о двух копытах.

Яшка во все глаза смотрел на казаков, слушал их вольные речи. Они не вскочили при виде вельможи, не кланялись в пояс. Некоторые смотрели с нескрываемой насмешкой, другие даже головы не подняли.

— Накажет вас воевода, — сказал мальчишка.

— Здеся у них руки короткие, — захохотали казаки.

Яшка смотрел вслед господину, как пробирается среди густых кустов черёмухи, задирает выше головы одёжу, кряхтя приседает за куст и стонет от налетевших комаров.

— Яшка, — закричал он, — иди отгоняй комаров.

Мальчишка нехотя подошёл, выломал ветку и давай хлестать по мягкому месту.

«Убегу от него, — впервые подумал он, — пока на волюшке подрасту, а может сейчас примут в казачата». Проходя мимо казаков, приостановился, спросил:

— Возьмёте меня в казаки? Не хочу в холопах жить.

— Мал ещё.

— Так ведь вырасту.

— Вырастешь, возьмём.

Хотя князь после бабкиного лечения чувствовал себя хорошо, но верхом ездить не любил, больше сидел в карете.

— Яшка, дай поесть.

Но дворовый мальчишка так замечтался, что не слышал голоса воеводы.

— Яшка, — ещё громче крикнул воевода, — дай пить.

Яшка очнулся, зло посмотрел на господина.

— Ишь, волчонок растёт.

Яшка нехотя открыл дорожный сундучок, достал глиняный кувшин с топлёным молоком.

— Хоть бы руки помыл, дурак.

— Тогда бери сам.

— Как разговариваешь, холоп.

— Возьму и сбегу, не найдёшь, ловить некому здеся.

— Прикажу высечь, по-другому заговоришь.

— Не успеешь, — Яшка толкнул боярина в живот и выскочил на ходу из кареты. «Пока пойду в сибирские леса, — вольная жизнь манила подростка, — потом подамся в казаки».

Яшка по малолетству не знал, что в одиночку в Сибири не проживёшь. Это не Московия, где недалеко друг от друга стояли деревушки. Там легко разжиться хлебом, украсть что-нибудь из огородов. Там много таких же мальчишек и можно весело жить в их компании. Дня два бродил по лесным дебрям, питался ягодами, но далеко от обоза не отходил. Наконец надоели ягоды, захотелось хлеба, попробовал подойти к казакам.

— Что, малец, жрать хочешь? — на него глянули весёлые глаза молодого казака — Ба, да это же холоп воеводы.

— Больше не холоп, убежал.

— Вот что, для казака ты ещё мал, возвращайся, поживи у него пока.

— Нет.

— Ну как знаешь, вот тебе кусок хлеба, а мяса возьми сколько хочешь.



Всю обратную дорогу атаман Галкин ехал мрачный, не хотел ни с кем разговаривать. Подойдёт к походному костру, нехотя поест и снова в сторонку от казаков, воспоминания терзали душу. Подступался к нему Герасим, но и ему Иван только махнул рукой, мол, отвяжись и без тебя тошно.

Иван, когда была возможность, за три года, что он прожил в Сибири, добыл много пушнины. Да разве бы он связался с воеводой, если бы не желание вернуться в Москву, зажечь около родных людей, жениться, нарожать детей, построить дом. А вышло как-то наоборот и ему поневоле пришлось возвратиться в Сибирь. Не соболей он жалел, потерю единственного брата переживал. Не дом — терем можно было построить на вырученные от продажи деньги. Объёмистый мешок вёз за спиной всю дорогу.

Когда приходил обоз из Сибири с мехами, купцов начинало лихорадить. Обогащалась казна, обогащалось купечество. На казаков начиналась явная охота, знали, пустыми не приезжают. Открыто не продают, нельзя. Купцы подкарауливали, ласково заманивали в лавку, спрашивали:

– В каком товаре нуждаешься или в деньгах? Может, договоримся?

Казак кочевряжился, важно смотрел на согнутую в пояс спину купца, небрежно отвечал:

– Посмотрю, может и сладим.

Долго высматривал, что ему надо, долго торговался. Купец посматривал на меха, кривил губы:

– Шкурка-то подпорчена.

– Где? Покажи.

– Да вот, глянь, лапы нет.

– Зачем тебе лапа, сама шкура первосортная, бери, а то к другому пойду.

– Да это я так, к слову, но подешевле будет.

Казaku надоедает торговаться и он уступает купцу, некогда, в мыльню, потом в кабак торопится.

Иван сдал обоз на следующий день и сразу поспешил к брату. Зашёл тихо, как только умеют ходить охотники. Петро с Лукерьей си-

дели близко друг к дружке, считали деньги. Ивану всё это показалось подозрительно, подошёл поближе, так и есть, не ошибся. Петька смутился, Лукерья не заговорила, запела, заиграла голосом:

— Мы-то уж ждём дорогого гостя, не дождемся, наготовила всего, в печи горячим стоит, давайте к столу.

Ивана осенила догадка, фальшивят что-то — и сразу в каморку, где оставил барахлишко. Откинул тулуп, мешок его лежит, но уж очень тощий. Взял его в руки, подошёл к Петру:

— Это что? Без спросу? — тряс перед носом брата полупустым мешком Иван.

— Я за всяко просто, как у брата, взял половину, как подарок от тебя.

— Не половину, почти всё. Отдай обратно.

— Ты что, брату пожалел? — взвилась Лукерья. — Его приняли, приветили как гостя дорогого. А он вон как отблагодарил. Небось в Сибири ещё добудешь.

— Отдай половину, — настаивал Иван.

— Гони его, — завизжала Лукерья.

И Петро вдруг озверел:

— Уходи и чтоб ноги в моём доме не было.

— Ах ты так, ну получай, — и со всего маха ударил в зубы. Брат закачался, но устоял.

Тут из боковой комнаты выскочили сыновья-подростки, повисли на руках:

— Не надо, не бей.

Глаза их увидел, пожалел, только напоследок плюнул Иван в лицо брату и хлопнул дверью. Вышел на улицу. Куда пойти? Не будешь же стоять на морозе. Вспомнил, что Анкудинов звал его в кабак, только вот в какой? Забыл. Оставшиеся соболя спрятал за пазуху, мешок кинул брату на крыльцо. Зашёл в первый же попавшийся на пути кабак. Пока привыкал к полумраку, услышал голос Герасима:

— Атаман ты наш, любушка, шагай к нам. Угощаю.

Иван пил и не пьянел, сидел чернее тучи.

— Ай, что случилось?

— Брат обокрал и выгнал.

— Нашёл о чём печалиться, деньги у меня есть, погуляем и опять в Сибирь. Я с мачехой рос, каждым куском попрекала, пришлось воровать, а подрост, убежал. Выпей ещё да к бабам пойдём.

Давно заметил Герасим двух мужиков и подростка. Они сидели на лавке около входа — может грелись, а может ждали, кто угостит. Подросток голодными глазами смотрел на мясо, которым закусывали казаки. У самого было детство голодное, и он подозревал парнишку.

— Жрать хочешь?

Парнишка мялся с ноги на ногу, глотал слюни, но молчал.

– Садись и попутчиков зови.

Мужики сели рядом, но часто со страхом оглядывались на двери.

– Беглые? — догадался Герасим, мужики кивнули головами. — Что делать думаете?

– Не знаем.

– Вот что, на неделю спрячьтесь, вот вам деньги. Как будет строиться обоз, подходите ко мне — выручу. В Сибирь пойдём. Одежку потеплее возьмите.

Всю неделю гуляли Иван с Герасимом, потом парились в баньке, выгоняли винные пары, отпивались квасом. Пришла пора возвращаться, местом сбора, как всегда, была ярмарка. Народу много — любопытные провожающие, гулящие. Иван вдруг увидел брата, рядом Лукерья с узелком в руке цвела довольством. Такая обида и злость поднялась в душе Ивана, он толкнул Герасима, показал глазами.

– Они? — спросил Герасим.

Иван кивнул головой, Анкудинов подскочил к парочке, вытянул плёткой:

– Помогите, убивают, — испугалась Лукерья.

Герасим и её ударил, выхватил узелок, на всю ярмарку закричал:

– Воры, родного брата обчистили.

Ещё замахнулся, но те исчезли в толпе.

Герасим искал тех мужиков, которым обещал помочь. Они в конце обоза отбивались от подьячего.

– Ты куда их тащишь?

– Беглые холопы боярина Свинына.

– Точно они?

– По описанию-то схожи.

Герасим и его угостил плёткой:

– Были Свиныны, теперь государевы.

Молчком ехали половину пути, только когда проехали Урал-камень, Иван немного повеселел.

– И чего тужить-то? — заговорил Герасим. — Пойми, они другие люди, не такие как мы. Смотри, красота какая, просторы, воля. Скоро весна, в новые края пойдём.

Влекло Герасима казацкое братство сильнее кровного. И когда только успел впитать казачью вольницу. Для мужиков и охочих людей очень привлекательна была служба в казачьем войске. Среди старых казаков ещё много сохранилось удали и разгула. Оставшиеся в живых соратники Ермака составляли старую сотню и в большинстве служили в Тобольске, насаждали новоявленным казакам быт и войсковые порядки, передававшиеся из поколения в поколение: казачьи традиции братства, спайки, взаимовыручки. Новоприборные казаки находились под строгим контролем старых казаков, учились ратному делу. Многое им прощалось, не прощалась только трусость в бою.

Атаман посмотрел вдоль обоза, искал глазами купцов. «Спрошу, — подумал он, — может вина продадут». Подъехал к благородному на вид купцу:

- Вином богаты? — Купец широко улыбнулся:
- Герасим всё выпил, но для тебя малость найдётся.
- Как величать тебя? — принимая вино, спросил Иван.
- Федот Алексеич Попов, приказчик купцов Усовых.

А Герасим в конце обоза едет рядом с Михаилом Стадухиным. «И что понесло его в Сибирь, — подумал атаман о Михаиле, — делец московский, сидел бы в своей лавке. Наверное, Герасим уговорил, тот и пристал ко мне».

- Возьми с собой, хочу Сибири послужить.

Взял, конечно, в Енисейске каждый человек на счету. Хорошо и то, что северным путём большая подмога идёт. Везут зерно, порох, свинец, пушки — самый ценный товар для Сибири. В их обозе тоже есть кое-что, но мало. Атаман видит, как Герасим отъехал от купцов, надолго, примкнул к казакам. Он уверенно сидит в седле и опять хмельной, плетёт наверняка небылицы о своих похождениях, потому-то казаки весело похохатывают. «Бесшабашный, — думает о нём Иван, — видимо, за это и любят».

Иван молод, немного за тридцать, только на лбу ранние глубокие морщины, да на висках появились серебряные нити. Волосы, усы и борода густые и чёрные, как у галки, может за это и прозвали Галкиным. Тёмно-карие глаза подёрнуты грустью. Что-то вдруг тревожно стало на душе у него, что-то не так. Заглядывался по сторонам и вдоль дороги, чувство тревоги не отпускало. «Надо выслать разведку, — решил атаман, — пошлю Федьку Чикачёва у того нюх, как у старой суки».

— Фёдор, — кричит он, — бери своих дружков, разведай, что впереди, мы обождём, — поднял руку вверх, чтоб казаки притихли.

Шум, гам прекратился, даже Герасим вдруг стал серьёзным. Вскоре вернулась разведка, Фёдор негромко доложил:

- Впереди неладно, дымом пахнет.

Казаки столпились около атамана, ждали приказаний:

- Герасим, отведи весь обоз вглубь леса, Фёдор, пойдём поближе.

С заряжёнными ружьями разведка во главе с Иваном пошла по дороге.

- Так и есть, ямское поместье горит, — когда увидели издалика пламя.

Тобольский воевода, Сулешов Юрий Яншеевич, крещёный крымский татарин, возродил ямскую службу. Такие поместья в Сибири встречались не часто, по тропам, отмеченными казаками-первопроходцами. Служат там по пять-шесть казаков. Живут богато, налогов не платят. Можно иметь пашни, хлеб сеять, иметь скот, тайга рядом, только не ленись. Встречают обозы — накормят, отдохнуть можно, в баньку сходить.

— Татары идут и много их, ишь как дорога истоптана. Ямское поместье сожгли, — говорит Фёдор.

— Издалека пришли. Татары от татар бегут, — ответил Иван.

— Богатые места приглядывают. Атаман, съезжу поближе?

— Езжай, мы здесь подождём.

Фёдор вернулся быстро, злой, печальный.

— Живьём пожгли служивых, похоронить бы надо.

— Бери дружков своих, похороните, потом догоните. Мы лесом двигаться будем.

Разведка ещё не раз натыкалась на стоянки разных племён. Все двигались в сторону Енисейска.

— Никак воевать хотят? — спросил Стадухин у Герасима. — Далеко до крепости?

— Ты где? В Сибири! А здесь всякое бывает. Испугался? — с насмешкой спросил Герасим. — Не бойсь, крепость уже близко.

— Да нет, не боюсь, — пожал плечами Михаил и нацепил на лицо вынужденную улыбку.

— Скоро Енисейск, Фёдор, своих предупредить бы надо. Справишься? — спросил атаман. — Втроём пойдёте разными дорогами, хоть один из вас да дойдёт. Как в атаку пойдут, пусть в набат ударят, мы подмогнём.

Ночью, когда луна скрылась за тяжёлыми облаками, разведчики пропали в темноте. Караульные в племенах уснули в кибитках, такая сила идёт, кто посмеет напасть.

Фёдор подобрался к крепости незаметно. Тихо постучал.

Несмотря на ночь, на башнях стояло не по одному караульному. Ветер поднялся, колючие снежинки бьют в лицо.

— Митька, — услышал Фёдор голос Луки, — глухой что ли? Вроде стучат.

Дмитрий наклонился со смотровой башни, вроде бы никого. Опять постучали, теперь погромче и тут он увидел знакомое лицо Фёдора.

— Вот стервец, накрылся белой лошадиной шкурой и не заметил его.

Ворота тихо открыли, впустили разведчика.

— Откуда ты? — знакомые казаки в знак приветствия давали лёгкие тумаки по спине.

— С самой Москвы что ли, дурень?

— К крепости подтягиваются многие племена, готовиться надо.

— Знаем уже. Как мимо них проскочил?

— Он белой шкурой закрылся, — захохотал Зырян.

— Атаман Галкин в лесу, недалеко. Как приступ начнётся, поможем. Только ударьте в набат и не примите нас за иноземцев.

— Много ли вас?

— Человек полста будет.

– Ты никак в обратную дорогу собрался?

– Собрался. Пока темно, проскочу.

Когда Фёдор ушёл в разведку, атаман сказал Герасиму:

– Иди, отдохни, завтра твои силы понадобятся.

Анкудинов ночью всегда спал со своими подопечными, которых взял в Москве. Люди бывалые, умеют устроиться в лесу. Вот и сейчас землю устлали сосновыми ветками, сделали плотный шалаш, внутри маленький костёр горит, запасы дров, вход закрыт попоной. Большие костры разводить нельзя, а тут ветки не пропускают почти дыма и стелется он поверху. Два брата, Прохор и Пантелей Колесовы, не спали, когда к ним пришёл Герасим:

– Место для меня найдётся?

Братья охотно пододвинулись, освобождая место.

– Малец Васька спит, умаялся за день, — укрывая сына поплотнее, сказал Прохор.

– Смотрю, мужики вы справные, работающие, отчего в бега подались?

– Управитель в селе такой стервец был, по осени обчистит нас до зёрнышка. А как людям жить, чем скотину кормить? Зато у боярина в почёте, вон сколько всего сдаёт. Когда моя баба померла, остались мы втроём. Сговорили нас мужики, денег собрали, да и надоело спину гнуть. Долго караулили управителя, чтобы один дома был, пустили «красного петуха» и в бега. Летом хорошо, зимой голодно.

– Не боитесь идти в казаки? Нам всё время драться приходится.

– Обвыкнемся.

– Ну, смотрите, вам жить.

Сквозь сон Герасим услышал голос атамана.

– Федька вернулся.

Герасим вылез из шалаша, за ночь намело снега, метель разгулялась, все следы замела.



На широкий воеводский двор Великого Устюга рано утром въехали гружёные сани. Рядом шагал молодой, богато одетый мужик. Овчинный полушубок покрыт тонким сукном, на ногах новые войлочные сапоги, на голове заячья шапка с длинными ушами, которые завязаны сзади и плотно прикрывают шею. Это управитель из близлежащего селенья Троицкое привёз столовый оброк на кормление воеводы. Ефим, так звали мужика, довольным видом окинул двор:

– Ишь, сколько снегу-то за ночь намело и холопы до сих пор не убрали.

– Дело твоё какое? — ответил молодой холоп, на плече у него деревянная лопата, смотрел со злобой на Ефима. — Указывать дома будешь.

– Вот как вытяну по хребтине, — замахнулся управитель.

– Только попробуй, враз башку разнесу, — и над головой Ефима повисла деревянная лопата.

– Но-но, — отскочил тот в сторону, — собака цепная.

Подошёл к крыльцу:

– Голик-то где? Чем ноги обмести?

– Рыло повороти, увидишь.

Ефим поднялся в дом, в передней сидел дьяк, чесал седую бороду. Управитель поклонился в пояс, протянул мешок:

– Это тебе: говядинка, зайчатина, куриные потроха, маслице.

Дьяк встал, с трудом поднял мешок, спрятал под лавку и вовремя, дверь вновь открылась, вошёл царский курьер. Весь в снегу, даже с усов свисали мелкие сосульки.

– Пакет от государя, — важно сказал он.

– Попил бы вначале горячего молочка с шанежками с дороги-то, не горит, — и крикнул в открытые двери кухни. — Фёкла, подай слугивому поесть.

Нарочный протянул пакет дьяку, сам устало опустил на лавку:

– Морозно сегодня, снег валил всю ночь, от горячего молока не откажусь.

– Оно, конечно, зима, промёрз. Об чём бумага? — прищурил любопытный глаз дьяк.

– Знать не велено, — буркнул курьер и громко продолжительно зевнул.

– Почивает ещё воевода, будить не велено. Пировали вечер допоздна с дворянами. И тебе отдохнуть надобно. Фёкла, принеси подушку.

Курьер как лёг на лавку, застеленную домотканым половичком, и как будто в бездну провалился, моментально уснул.

Дьяк распечатал свиток, долго читал, хмыкал.

– Что там написано? — поинтересовался Ефим.

Они и не заметили, как у дверей кухни появился холоп, который внимательно слушает их разговор.

– Указ царя-батюшки, велит отправить пятьсот охочих мужиков в Сибирь, Енисейск, да сто пятьдесят девок на женитьбу служивым и людишек пашенных, кто похотят. Так что от вашей деревеньки готовь людей.

Ефим заметно обрадовался такой новости: «Теперь уломаю девку, либо в Сибирь сошлю», — подумал он, раскланиваясь с дьяком.

Во дворе дёрнул за рукав холоп.

– Чего тебе? — обозлился Ефим.

– Не серчай, что в сердцах не скажешь. Ответь, холопов берут в Сибирь?

– Берут, берут, только таких и берут.

К вечеру воевода продрал опухшие от постоянных пьянок глаза, слушал дьяка, сокрушался:

– Где взять столько людю?

– Съезжую освободим, всех бродячих отправим.

– Сколько там?

– Людишек пятьдесят, однако, будет.

– Только-то. Пиши во все селеньица, чтоб сирот охочих собирали. Да, а пашенных, чтоб нерадивых, может в Сибири хозяйствовать научатся.

Ефим, жуликоватый и гулящий мужик, радостно потирал руки: «Теперь от всех неслухов освобожусь». Сразу зашёл в заветный домик, что на краю села и прямо с порога заявил:

– Устинья, не пойдёшь за меня — сошлю в Сибирь. Так и знай.

– Лучше в Сибирь, — упрямо заявила девушка.

– В дороге ещё сгинешь, думай три дня, жду, — и хлопнул дверь.

Когда старшая сестра Варвара вернулась с коровника с ведром молока, Устинья обливалась слезами.

– Случилось что, сестрица?

– Ефим грозитя отправить в Сибирь, говорит, указ государя вышел, набирать в жёнки девок и молодых баб.

– Нашла об чём горевать, хуже не будет. А здесь управитель нас со свету сживёт.

Варя была на пять лет старше, но успела побывать замужем и овдоветь. Но Ефима она не привлекала, облюбовал младшую, цветущую юной красотой семнадцатилетнюю девушку. Светло-русые волосы пышной косой спадали до пояса. Глубокие синие глаза, как два озера, резко выделялись на белом лице. Мелкие веснушки на розовых щёчках только украшали, курносый аккуратный носик припух от пролитых слёз. Редко какой парень, проходя мимо, не оглянется, не посмотрит вслед. Варя, как могла, оберегала её. Оставили им в наследство родители три коровы, пару лошадей, да покосившийся домик.

– Страшно мне, — вновь громко расплакалась младшая. — Может лучше замуж за Ефима?

Но старшая не дала договорить:

– Ишь чего удумала, девичью красу отдать старому вдовцу. Лучше давай собираться. Среди людей будем, пропасть не дадут. Коров продадим, одежду справим, барахлишко положим в сани.

Ещё снег лежал большими сугробами, когда они с тремя деревенскими семьями прибыли в Великий Устюг, влились в большой караван и подались в неведомые края. Путь пролегал через Архангельск, по северу до Обской губы. Впереди казаки, как проводники и как охрана. За девками шли охотники, землепашцы с семьями. Казаки часто проверяли караван, всё ли в порядке, не отстал ли кто. Проезжая мимо девок, кричали:

– Эй, девки, не отставайте, да глядите веселей, казаки грустных не любят. В жёнки вас везём, самых статных молодцев выберете. Сибири не бойтесь, там просторы, жить богато будете, земли сколь хошь.

– Говорят, там дикие люди живут? — спрашивали молодичи, что посмелее.

– Дикие, но не страшные, — хохотали в ответ казаки, — да они до вас не доберутся, мы не дадим.

В дороге помогал сёстрам молодой парень лет двадцати. Своей лошади у него не было, а всё барахлишко — в мешке за плечами. Он неумоимо шагал следом за их санями. Первой обратила на него внимание Варвара:

– Положил бы пожитки в наши сани, а то сам рядом сядь.

– Да мне не тяжело.

– Как кличут тебя?

– Семён Дежнёв, — весело улыбнулся он, показывая ровный ряд крепких зубов. Русский чуб спал на широкие брови, серые глаза смотрели ласково. На Семёне овчинный полушубок, такая же шапка. Он, видимо, недавно начал бриться, а потому бородачка растёт ещё жиденькая.

По-весеннему тепло светило солнце, они с Варей то сидели в санях, то шагали рядом, мерили версту за верстой северные просторы

запада Руси, с каждым днём всё ближе и ближе к концу дороги. Целыми днями о чём-то говорили и весело смеялись. На привале Семён собирал хворост, разжигал костёр, сообща варили кашу и пока готовился немудрёный ужин, смотрели как постепенно отгорал очередной день, яркое солнце пряталось за горизонт. После ужина Варя с Устиньей ложились отдыхать в одни сани, Семён сверху укутывал их тулупом, подтыкал бока, чтобы не замерзали. Затем кормил лошадей и ложился на короткий отдых в другие сани. Так они и шли, молодые, здоровые, полные сил покорять неведомые земли.

— Варя, сено заканчивается, овса мало осталось, что делать? — спросил Семён на привале.

— Крупы тоже мало, голодать будем, — ответила Варвара, — сходим к казакам. Сторожи, Семён. Устиньюшка, сходим.

— Деньги у вас имеются? — спросил казак. — Купцы продают крупу и овёс.

— Да какие деньги у деревенских? — заступился за них старый казак. — Не жадничай, Иван, отпусти им чего просят, тебе же дадено для путников и деньги, и овёс.

— Ну, так и быть отпущу, — нехотя согласился Иван, — пошли к обозу.

Перешли Каменный пояс — Уральские горы. Когда дошли до Обской губы снег уже стаял, стали ждать ледоход. Вслед за последними льдинами показались суда. Обь поразила их своим величием, широтой и полноводьем. По ней они добрались до впадения Иртыша в Обь. На берегу их ждали казаки из Тобольска. Дьяк зачитал указ тобольского воеводы, чтоб, половину молодежи отправить в Сибирскую столицу.

Семён пришёл проститься с ними, Варя еле сдержала слёзы.

— Не тужи, Варварушка, даст Бог свидимся, — и зашагал следом за дьяком.



Весенние ветры гуляли по Сибири, сильные холода закончились. Днём пригревало солнце, к вечеру подмораживало. Лучшего времени для нападения не придумаешь. Летом невозможно, в труднопроходимом и уединённом месте построен Енисейск. И в крепости жизнь спокойная, только рекой можно добраться, их плоты и лодки издалека видны, легко расстрелять из пушек. Оттого только летом по рекам приходилось посылать небольшие отряды в двадцать-тридцать казаков для дальнейшего освоения Сибири: проведывания и приведения под государеву власть новые земли. А сейчас любое бездорожье преодолеть можно: снег сравнял всё, река покрыта толстым слоем льда. По слежавшемуся снегу везде проедешь и пройдёшь.

Племена около крепости ждали поутру, а они появились к вечеру. Плотным кольцом окружили, сразу запылали костры.

Защитников крепости маловато: два атамана, сотник, два десятника, да около сотни казаков. Воевода, дьяк, два подьячих, да батюшка — не в счёт. Правда есть ещё посадские, но они будут заняты тушением пожаров, подноской ядер, но если враг ползет через тын, вместе с казаками будут сражаться. Не первый раз приходится отбиваться казакам маленького городка, затерянного в сибирской глуши.

— Осада будет длительная. Посадские со скотом в крепости? — спросил воевода.

— Все, со вчерашнего дня ещё, — доложил сотник Бекетов.

— Сегодня не нападут, ночью метель поднимется, видишь, облака низкие, — говорил Уваров сотнику. — Надо бы в посадских домах засаду устроить. Где Васька Бугор?

— Да здесь я, — вперёд вышел и встал перед воеводой статный казак. С весёлыми карими глазами, в шапке набекрень, из-под которой выглядывает кудрявая шевелюра тёмно-русых волос, усы и борода с рыжеватинкой.

— Чему веселишься? — спросил воевода.

— Весёлое времечко наступило, давно в бою не бывал, люблю драться.

- В засаду сядешь. Знают черти, что нас мало.
- У них везде лазутчики. Намеднись, недалеко от крепости двух остяков поймали, — доложил Васька.
- Надо было допрос учинить.
- Не подумали, дети совсем, — ответил сотник.

Половина защитников крепости заняли места, которые распределял сотник, другая половина отдыхала.

— Посадские пусть обливают стены водой, приказал воевода, — как начнут татары горящими стрелами пулять, чтоб не загорелись.

— Лука, охраняй северную сторону, в помощники возьми Зыряна, да подними на башню пушку.

Лука оценивающе посмотрел на своего подопечного: выше среднего роста, крепко сложенный, лет двадцати четырёх, с русыми волосами, серо-голубыми глазами. «Сильный молодец, — подумал о нём Лука, — только таких и берут в казаки».

В отличие от казаков южного порубежья, сибирское казачество было создано искусственно. Принимали всех желающих при условии, чтоб был молодой и здоровый.

— Буду приказывать, а ты делай как скажу, — предупредил утром Лука Дмитрия Зыряна, — вон, смотри, ближе всех к крепости остяцкий туре Лудай, недалеко от нас кочевал, клялся в верности и предал. Веры им нет.

Лука, как старый волк, давно чуял неладное, приближение беды, подозрительная тишина висела в воздухе, это его насторожило.

— Как их много.

— Это ещё не много, вот если в помощь придут киргизы, тогда действительно будет много.

— До Енисейска в Тобольске служил, — рассказывал Дмитрий, — гарнизонную службу нёс. Тихо там, крепость большая, казаков много. Только один раз подходила пегая орда, сутки постояли и ушли, не захотели даже боя принять. Потом сюда перевели.

— А мы славно погуляли с Ермаком Тимофеевичем по Сибири. А киргизы сюда не придут, — уверенно заявил Лука, — поживы нету.

— Смерти боишься, Лука?

Старый казак даже рассмеялся:

— Чего её бояться. Казак только боем живёт и в сечи должен голову сложить. Не дрожи, привыкнешь, через годок славным казаком будешь. Меня держись, сколько сосунков ратному делу выучил. Вон, смотри, что остяки придумали.

Остяки притащили с собой самого почитаемого у них идола, надеялись на его божественную силу, чтобы помог одолеть казаков. Они поставили его около берёзы и стали исполнять ритуальный танец. Шаман подносил идолу жертвоприношения, что именно — Зыряну не видно. Потом шаман наклонился к идолу, долго колдовал, види-

мо, желал узнать, что ждёт их впереди. Остальные стояли на коленях, протянув руки к идолу.

— Это они себя подбадривают, значит, скоро в атаку пойдут. Стрелять буду только по вожакам, видишь их? Одеты богато, шапки как бы с рогами и около него воин с пикой хвостатой.

— Вижу, — ответил Зырян.

— Эх, вдарить бы сначала по идолу, да приказа нет.

Крепость обходил сам воевода, с ним атаманы. Они поднялись на смотровую вышку, оглядели окрестность.

— Ну, здесь силы невелики, остяки слабые воины, хватит одной пушки и с десятка казаков. Основные силы надо сосредоточить с южной стороны. Там татары — воины опытные, храбрые. И что они не начинают? Ждут что ли кого?

— Видимо, ждут. Потом узнаем. Сейчас кто первым ударит, тот и победит. Эй, казаки, всё готово? — закричал воевода. — Как подойдут поближе, вдарите.

— Готовы, — поочерёдно понёсся ответный клич по крепости.

— Стреляй по идолу, — зашептал Зырян.

— Не шипи под руку, — замахнулся Лука, — без тебя знаю.

Он долго целился, остяки перестали толпиться около идола, пошли к крепости, когда прозвучал первый выстрел. Ядро упало рядом с берёзой, никого не затронув.

— Ещё вдарь!

От второго выстрела идол разлетелся в щепки в разные стороны, даже берёза не устояла, переломилась пополам.

Старый казак уже почувствовал азарт боя, стрелял по толпившимся в испуге остякам. Теперь по всей длине острога затрещали ружейные выстрелы, пушечные залпы. Меткой стрельбой Лука кого убил, кого покалечил, живые в страхе стали разбегаться.

— Надо закрепить победу, саблями, бердышами порубим. Вперёд!

Зырян бежал следом за Лукой. У того глаза налились радостным блеском в ожидании схватки. Врезался в самую гущу, привычно раздавая удары направо и налево. Дмитрий замешкался, отстал от казака и увидел, как несколько остяков сзади наступают на него, в руках длинные ножи. Дмитрий забыл о страхе, испугался за своего наставника. Изловчился, ударил саблей одного, другого, азарт битвы передался и ему, страха как не бывало. Пришло желание как можно больше нанести урон врагу. Рядом с Лукой он чувствовал себя уверенно. А тут ещё услышали боевой свист Анкудинова, только он один мог так громко по-разбойничьи свистеть.

Анкудинов еле дождался набата, жаждал сражения, дрожал от нетерпения.

— Охолонись, — схватил его за руку Галкин, — мы с Фёдором договорились после набата идти в атаку. Они с одной стороны, мы с другой.

– Горяч ты не в меру, — покачал головой атаман.
– Панику посею в их рядах.
– И сорвёшь нам план, могут всей силой навалиться на нас, разбить, захватить обоз. Лучше новичков подготовь к бою.
– Кто пойдёт со мной, — немного успокоившись, спросил Герасим. Согласились все.

– Эй, купцы, сторожите обоз.
– Я не останусь, за тобой пойду, — к нему на лошади подъехал Михаил Стадухин.

Герасим посмотрел на колоритную фигуру Михаила, согласился:

– Только шлем одень и кольчугу.

– Одел уже. Не видно что ли?

С восточной стороны казаки пошли в атаку на тунгусов. А тут ещё, как черти из табакерки, выскочили из посадских домов, оставшиеся в засаде, десяток казаков под предводительством Васьки Бугра. Тунгусы приняли рукопашную, но держались не долго, вскоре дрогнули, побежали к обозам, казаки за ними.

Труднее всего было с южной стороны, татары близко подъезжали к крепости, кричали:

– Казак, сдавайся.

Летели горящие стрелы на посадские избы, на огорожу, но это плохо помогало. Пожары вспыхивали редкие, избы, облитые водой, на морозе покрылись ледяной коркой, загорались слабо, а чаще сразу же тухли.

Туда воевода назначил самых опытных, самых смелых: атаманов Ивана Реброва, Илью Перфильева и сотника Петра Бекетова.

– Как только они помчат в вашу сторону, вертайтесь обратно в крепость, — напутствовал воевода, — а мы отсюда встретим.

– Пики к бою, — закричали атаманы. Когда надо они шли впереди, заражая отвагой других.

Открылись ворота с южной стороны и тридцать казаков устремились на татар. Татарская конница полетела навстречу.

– Поворачивай в крепость, — крикнул Бекетов.

Казаки резко повернули назад, татары за ними. Когда их конница приблизилась к крепости на ружейный выстрел, ударили по ней из пушек, стреляли из ружей. Среди татарской конницы началась свалка. Передние поворачивали назад, задние по инерции не сразу повернули и гнали вперёд разгорячённых коней. По ним били и били пушкари. Вот тогда с колокольни раздался тревожный гул. Защитники крепости вновь бросились в атаку.

Из леса на помощь во главе отряда мчался далеко впереди Герасим Анкудинов, дрожал от нетерпения сцепиться, схватиться в бою с противником. Далеко отстали атаман Иван Галкин, Стадухин и ещё человек с тридцать. Татары ринулись врассыпную, повернули в сто-

рону Герасима, но, сражённые страшными ударами, падали на землю истекая кровью.

С северной стороны первым ворвался в ханский шатёр Лука, за ним Дмитрий. Там сидела молодая остячка, со страхом смотря на казаков, прижимала к себе мальчонку лет пяти. Сам Лудай сидел с перевязанной головой.

Лука нашёл мешок и что вещи побогаче клал туда.

— Бери, Митрий, что глянется, наши трофеи, имеем право.

Разбирал барахлишко, только два тёплых полушубка, да меховые сапоги взял.

— Хороша лопатинка, меховая, сапоги сгодятся, на север пойдём.

— Нарты погоним в крепость, там разберёмся.

— Лудай, бери свою бабу и айда.

В пыточной избе Лудая допрашивал сам воевода, рядом толмач:

— Клятву верности давал, почему нарушил?

— Не своей волей — заставили. Большое татарское племя хана Тагула обложило данью и взяли с нас клятву, что весной пойдём на Енисейск, вместе разобьём вас. А если не подчинимся, обещали уничтожить наши племена.

— Там вогулы пришли с богатой данью, — сказал вошедший дьяк Наум, — хотя бы принять клятву верности государю.

— Пусть ждут за крепостью, — приказал Уваров, — сейчас недосуг.

Богатые трофеи достались от остяков, казаки разбирали барахлишко, во многих нартах лежало копчёное мясо, вкусно пахнущее дымом костра.

Но оставалась ещё большая сила татар. На другой день, отдохнувшие казаки, вновь ждали нападения. Но все татары выстроились в боевой порядок со своими знамёнами. Сам хан Тагул подъехал к крепости. Казаки не стреляли, ждали, что скажет.

— Хан хочет говорить с воеводой.

— Я здесь, чего надо?

Уваров, да и все казаки знали, чего хочет Тагул. Ещё до появления русских в Сибири у племён был обычай, чтобы сохранить жизни своих соплеменников, было единоборство, когда исход битвы мог решить поединок двух наиболее сильных воинов.

— Хан хочет, чтобы с вашей стороны вышел один воин, с нашей тоже. Если ваш победит, мы будем платить дань. Если наш победит, вы уходите из крепости.

На широкое снежное поле выехал татарин богатырского телосложения в кольчуге и шлеме с длинной пикой в руках.

— У них силы ещё большие, многих казаков побьют, — сказал сотник.

— Что тут рассуждать? Надо соглашаться. Кто пойдёт? — спросил Уваров.

– Я пойду, — загорелся Бугор.
– Тебе нельзя, горяч очень.
– Может я, — предложил Лука.
– Пойду я, — вперед вышел Илья Перфильев, — приходилось сражаться в бою с этим татаринном.
– Худ очень и ростом невелик, — засомневался воевода.
– Тут не рост нужен, в ловкость. Одел кольчугу Илья, на широком поясе висела сабля, в руках длинная пика.

Когда он появился рядом с татаринном, все их воины покатились со смеху, таким заморышем выглядел Перфильев по сравнению с богатырским телосложением татарина.

Разъезжались и снова съезжались без всякого успеха с той и другой стороны. Илья ловко увертывался от пики, используя неповоротливость татарина. Сам, видимо, искал уязвимое место. Примерился и нашёл, ударил богатыря, да так ловко, что тот зашатался и повалился наземь. В крепости ликованию не было предела.

Ждали или не ждали татары подмоги, казаки так и не узнали. Может затерялась в снежной мгле, в бескрайних лесных просторах. Так, не сделав больше ни одного приступа, татары сняли осаду и скрылись в снежной мути. Только около крепости стояли большие сани с данью. Рядом с возом сидел, обросший седыми волосами, старик:

– Толмачом у них был, старый стал, больше, сказали, не нужен.

Фёдор Уваров сидел в приказной избе, рядом на лавке сотник Бекетов, да дьяк Наум.

– Атаманы где? — спросил Фёдор.

– Казачий круг у них, потом сказали придут, — ответил Наум.

Казачий круг судил новоприборного казака Кольку Габышева.

– Струсил, в схватку не пошёл, — начал свою обвинительную речь атаман Ребров, — товарищей бросил, наш завет казацкий забыл — «сам погибай, а товарища выручай». Что решим, казаки?

– В мешок и в воду, что с трусом валандаться, — кричали казаки.

Колька сидел, низко опустив голову, не смея сказать ни слова в свою защиту.

Но тут поднялся Зырян:

– Слушайте, что скажу, братья-казаки. Какой мужик не растеряется в первом бою. Хоть меня возьмите, тоже как Колька, не знал, что делать.

– Однако Луку спас.

– За него испугался.

– Прав Митрий, пощадим на первый раз Кольку, — поддержал Лука.

– Я берусь за него, — с трудом поднялся раненый Герасим, — через год головорезом будет.

– Ну, если сам Герасим берёт на поруки, тогда, конечно, пощадим, — поддержал Герасима Ребров.

Круг разошёлся по избам на отдых. Проходя мимо Стадухина, Герасим ударил здоровой рукой по плечу:

- Мишка, где так славно драться научился?
- На кулачных боях.
- Пойдёшь в казаки?
- Пожожу пока.

Атаманы пошли в приказную к воеводе. Сидели, поздравляли друг друга с победой, богатой добычей. На столе большой кувшин вина, копчёное мясо. Пили, кто хотел и сколько хотел, не возбранялось.

Казачий голова старик Борис Болкошин докладывал:

– Пятеро погибших, пораненных много, тяжелее всех Герасим Анкудинов, чуть руки не лишился.

– В десятники надо его произвести, — предложил воевода.

– Нельзя, неслух и жуликоватый. Еле удержал его дожидаться набата. Всё равно первым кинулся, не со всеми, отчего и пострадал, — возразил Галкин.

– Вот Зыряна в десятники надо, а Луку Соловьёва в пятидесятники, они туре Лудая в полон взяли.

– Это какого же Луку Соловьёва? — переспросил воевода.

– Да Луку Безухова.

– Захочет ли? От десятника и то отказывался, говорит, ни к чему, рядовым буду.

– Расскажи, Иван, новости от государя, — попросил воевода.

– Большую подмогу ждать надо. С Поморья мужиков пашенных ведут и девок на женитьбу нам, придут в конце лета. Новый воевода с большой силищей в губернский город Тобольск путь держит.

– Пётр Иванович, девок встречать поедешь, иначе всех себе оставят.

– Могут половину забрать. Это как новый воевода прикажет, югом идут. Государь приказал всю Сибирь воевать. Да триста казаков отправят вверх по Енисею, новую крепость строить — Красный Яр, для защиты от степняков.

– Надо на разведку, на новые реки отряды отправлять, — предложил Перфильев.

– Не отряды отправлять, избы строить надо и быстро. В зиму придут, на улице не оставишь, опять же бабы, — закончил беседу воевода.



На караульной башне сидит Зырян и наблюдает, как над белыми сугробами, под лучами тёплого солнца, висит лёгкий парок, кажется, что они дымятся и исчезают. Затосковала душа у служилого по просторам. За зиму надоела гарнизонная служба, весна несёт с собой возрождение не только природе, но и человеку.

— Лука, побродить бы по белу свету, надоело здесь, — сказал он своему наставнику.

— Что же, погуляем, сотник отряд набирает в разведку по Ангаре, то бишь по верхней Тунгуске.

— Долго ли гулять будем?

— Не знаю, к концу лета в Нарым пойдём, обоз с девками встречать на Маковском волоке.

А в приказной избе сидели два атамана Илья Перфильев, Иван Ребров, да стрелецкий сотник Бекетов.

— Тихо сейчас на восточном берегу Енисея, надо бы Ангару разведать, путь к Лене искать, с отрядом будут толмачи и проводники. Ханский сын Гамба знает туда дорогу. Кто пойдёт?

— Сотник пусть отправляется, — зло сверкнув глазами сказал Илья, — а то всё в гарнизоне обитает.

«Никак простить не может, — подумал воевода, — так и старается укусить».

Это теперь Пётр Бекетов сотник, жалованье приличное, жить можно, а ведь было время, когда потомственный сын боярский из обнищавшей семьи, лишённый всего, подался рядовым в Тобольск, чтобы не умереть голодной смертью. Только Сибирь выручила его в то тяжёлое время. О месте сотника он хлопотал не наугад, ещё в Тобольске прослышал об освободившемся месте. Знал, что в Оби утонул, занимавший эту должность в Енисейске, атаман Поздей Фирсов. Енисейский гарнизон подал воеводе челобитную, в которой просил назначить сотником местного подьячего Илью Перфильева, уже проявившего себя в походах по немирным землицам. Воевода согласился с выбором енисейских казаков и отослал их челобитную на рассмо-

трение в Москву. В столице, однако, отдали предпочтение Петру Бекетову. Этому способствовало, надо полагать, сословие сына боярского. Перфильев же получил более почтенный, чем должность подъячего, чин енисейского атамана. Тогда и затаил злобу Перфильев на Бекетова и при каждом удобном случае мстил.

В путь отправились, когда всходило сверкающее всеми лучами солнце. Оно высветило сидевших в струге за вёслами Зыряна с Лукой, сзади Федьку Чикичёва с Лаврушкой Кайгородцевым. На носу сотник с проводником, сыном хана Ингена Гамбой, в ногах у них примостился малолетний сын хана Типл. На ладье Васька Бугор с казаками и толмачом. Бекетов смотрит в расстилающуюся перед ним даль реки Ангара. Туман давно рассеялся и эта синяя даль сливалась с такой же синевой неба.

— Ярлык, смотри по сторонам, сколь дивья в природе, — говорит Лука.

Дмитрий вертит головой по сторонам, но не забывает работать вёслами.

По высоким берегам простирается бескрайняя, никем немеренная тайга. Берега покрылись нежной, свежей зеленью. Мелькают белые стволы берёз, коричневые сосны, кудрявились густой листвой кусты черёмухи, смородины, рябины — всё, чем одарила матушка-природа её берега.

Солнечные лучи набирают силу и Дмитрий скинул с себя суконную рубаху, остался только в полотняной. К вечеру, когда солнце скрылось за горизонтом, отряд остановился на ночлег. Закинули сеть в Ангару, через полчаса улов превышал потребности всего отряда. Обилие рыбы в реке привлекает множество птиц и здесь находят приют даже медведи.

— Ох, и вкусна же ушица, — хвалит Лука, — Митрий, потроши остатную.

Дмитрий подошёл к берегу и вдруг, набрав полные лёгкие воздуха, закричал:

— Эге-ге-гей!

Далеко и долго шумело эхо вдали.

— Ты что это? Спятил? — заругался сотник.

— Это кровь в нём колобродит, ничего, поработает вёслами — остынет, — заступился Лука.

Больше двух недель поднимались вверх по Ангаре, пока не достигли устья маленькой реки.

— Илимка, — сказал Гамба, — по ней пойдём вверх.

Поднимались по Илимке до тех пор, пока можно было пройти на ладье.

— Бугор с пятью казаками, Гамба и я пойдём на ладье дальше, пока можно, а остальные здесь будут рубить зимовье. Правильно ли ведёшь? — спросил сотник у проводника.

– С Илимки волоком пойдём до реки Куты, она впадает в Елюенэ.
– Смотри, твоя семья в крепости, заведёшь в засаду, заплатишься.
– Двигаться будем медленно, затёсы оставлять на деревьях, топорами тропу расчистим. Это я для тебя, Лука, говорю, чтоб знал, если нас долго не будет, ищите по зарубкам. Может поздно вернёмся, зимовать придётся здесь, торопитесь с зимовьем, рыбы накоптите. Ты, Фёдор, и Митрий обойдите всё окрест, опишите, воевода потребует отчёта.

– Фёдор, ты обойдёшь окрест с восточной стороны реки, Митрий с запада. А мы, остальные, будем рубить зимовье.

– Лука, надоела рыба, уток что ли пострелять? — после вечернего ужина предложил Дмитрий, — Федька, пойдёшь со мной?

– Устаю я, далёко хожу, мне уха глянится, хочешь — иди один.

Когда немного начало светать, Дмитрий взял лук и стрелы, пошёл наугад, всё равно набредёт на какое-нибудь озерцо, где сподручней спугнуть дичь. Прошёл с версту, а может больше, наткнулся на девушку, которая пасла скот. Девчушка в красном замшевом платье, в круглой шапочке, обшитой беличьим мехом, сидела на камне около озера, кидала мелкие камешки в воду. Дмитрий подошёл к девушке, остановился. Она на удивление казака не испугалась, не закричала, не закрыла рукавом лица и не убежала, только с удивлением широко раскрыла свои темно-карие глаза. Смотрела на казака и молчала. Дмитрий тоже рассматривал девушку: большие глаза, небольшой носик, яркие полные губы, кожа светлая, не такая жёлтая, как привык он видеть у здешних племён. Девушка явно понравилась Зыryanу. Он подошёл, сел рядом на другой камень.

– Русский казак я, зла не сделаю. Меня зовут Дмитрий. А тебя как?

– Чука, — сообразила девушка, хотя ничего не поняла. Просто, видимо на всякий случай, сообщила своё имя.

Дмитрий посидел, не зная, что ещё можно сказать, потом показал на лук и стрелы:

– Уток постреляю.

Чука молчала, поняла, не поняла, не известно. Казак встал, ушёл к озеру.

– Что так долго ходил? — встретил вопросом Лука. — Худое подумал.

– Уток на озере пострелял, далеко отсюда. Завтра ещё пойду.

Каждый день раненько поутру ходил на озеро, Чука его ждала, варила уху. Каждый говорил на своём языке, друг друга не понимая. Чука переводила взгляд со светлых волос на голубые глаза, показывала пальцем на озеро, мол, вода в нём такого же цвета, как его глаза. Проводила рукой по тёмно-русой бороде, усам и весело смеялась.

Через месяц вернулся отряд разведчиков.

– Теперь знаем, где река Лена, — говорил уставший Бугор, — ладью там оставили.

– Отца отпустите? — с тревогой спросил Гамба.

– Воевода обещал, — уклончиво буркнул сотник.

Когда немного заалело небо, Дмитрий был снова на озере. Уверенно вышел на то место, где они встречались с Чукой, но первым увидел мальчишку, а Чука держала в деревянной чашке, видимо, еду для него. Мальчишка как увидел казака, вскочил с камня и громко крича, побежал к недалеко стоявшим юртам.

– Уходи, сейчас придёт Байре.

Дмитрий уловил тревогу в её голосе, но уходить не спешил.

Вскоре затрещали кусты, выехало несколько всадников. Они долго его рассматривали, стояли молча.

– Русские казаки пришли с миром. Тут недалеко отряд, пойдёте.

Поняли или не поняли всадники, но поехали следом за казаком.

Отряд достраивал крышу, увидели Зыряна с всадниками, насторожились.

– Гамба, поймёшь или нет их? — спросил Бекетов.

– Немного пойму.

– Переводи, если будут платить дань, будем защитой им.

Толмач о чём-то долго с ними изъяснялся, но они только весело рассмеялись и уехали.

– Не будут дань платить. Это эхириты, могучее племя, — уверенно заявил тунгус, — того и смотри налетят на вас.

– Надо какую-нибудь крепь строить, — сказал сотник, — отдыхать не будем, после обеда займёмся.

– Пойду разведую, — на другой день сказал Дмитрий.

– Лучше сознайся, что Чуку увидеть хочешь, — засмеялся Федька, он был посвящен в тайные встречи с девушкой.

– И это тоже, — не стал скрывать Зырян.

Всё казалось было спокойно, Чука с мальчишкой сидели на камнях, сторожили стадо. На этот раз мальчишка не закричал, не убежал, равнодушно разглядывал казака. Только Чука с беспокойством смотрела на него и тревожно говорила:

– Убегай, убегай.

Дмитрий побежал и только успел сказать:

– Готовьтесь к бою, эхириты скачут.

Вскоре действительно слышали топот множества копыт, крики мужских голосов. Казаки успели зарядить ружья, стояли наготове.

За сутки отряд обнёс небольшую площадку частоколом. К укреплению подъехали больше полусотни эхиритов. Так сразу, с наскоку, казаков не взять, эхириты пошли на хитрость:

– Мы князцы Бокой и Борочей, пришли с миром. Принесли дань, пустите в крепь.

Сотник велел пропустить с десяток эхиритов во главе с князцами.

Однако, проникнув в укрепление и тайно пронеся с собой длинные ножи, вожжи бросили казакам несколько соболей и высокомерно заявили:

— Мы отказываемся платить дань вашему царю,— заявили через находившихся с Бекетовым тунгусов,— мы сами собираем дань со многих племён. Вас к себе в рабы разберём и со своей земли не выпустим.

Бекетов чувствовал их хитрость, а потому велел казакам стоять наготове. Эхириты бросились на казаков, остальные окружили крепь, пытались проникнуть внутрь. Казаки успели сделать только один залп и началась рукопашная схватка. Натиск попавших в отчаянное положение казаков было стремительным. Эхиритов многих побили. А у Бекетова погиб толмач. Многие казаки были изранены. У Федьки Чикачёва на правой руке отсекли два пальца. Ваську Бугра прокололи в бок ножом. Порезы, проколы в руках, ногах за раны не считались. Только Лука был невредим и перевязывал раны пострадавшим.

Эхириты растерялись, откатились назад, волоча за собой мёртвые тела соплеменников.

На ночь выставили караул, около частокола сидел Дмитрий, прислушивался, не идёт ли кто. Моросил мелкий дождь, он стекал за шиворот и рубаха противно прилипала к телу. Вдруг почувствовал, что какая-то тень мелькнула около частокола, насторожился, к нему подошла Чука, прижав один палец к губам, чтобы он молчал, другой рукой тянула куда-то в сторону. Казак пошёл за ней следом и за кустами увидел лошадей. Или она пригнала, или эхириты от убитых соплеменников забыли.

Чука показала рукой на лошадей, что-то быстро говорила и показывала рукой вдаль. Зырян закивал головой, мол, понял,— берите лошадей и бегите, иначе убьют. Чука выразительно резанула по шее, вскочила на коня и исчезла в ночной темноте.

Дмитрий разбудил сотника:

— Скоро будет у эхиритов подмога, там есть лошади, заберём их и уедем. Их много, нас мало.

Когда тёплая роса пала на землю и чуть-чуть забрезжило, сели на бурятских лошадей и помчались подальше от эхиритов.

Только Дмитрий попросил сотника:

— Останусь здесь, съезжу в разведку, догоню потом.

— Что? Эхиритка понравилась? Так и скажи. Но одного тебя не оставлю. Федька, останешься с ним.

Дмитрий с Фёдором догнали отряд через два дня. Фёдор веселый, на Ярилку жалко смотреть, мрачный как туча:

— Увидели, что нас нет,— говорил Фёдор,— подумали, наверное, что мы тоже за помощью ушли и откочевали, только места от костров нашли.

Все вернулись в зимовье, далеко ходили по окрестностям, осматривали, не встретили ни одного эхирита. Только нашли мирное племя налягиров. Бекетов трудился над чертежами здешних мест, подробно описывал реку Илимку, Илимской волок до реки Куты, собрался в Енисейск.

— По течению плыть будем, быстро доберемся до крепости, — говорил он. — Чикачёв, Зырян и Лаврушка Кайгородцев, останетесь здесь строить большую крепость. Как река встанет, придём на охоту и хлеба привезем.

— Без Ярилки в Енисейск не вернусь, — заявил Лука.

— Можешь остаться со своим Ярилкой, — разрешил сотник.

Кочевавшие здесь племена налягиров вдруг пришли к казакам:

— Дань платить будем, за это от тунгусов защищайте.

— Защитим, вас мало, тайга большая, зверя много, селитесь поблизости от нас, — разрешил Лука.

— А где эхириты? — допытывался у них Зырян.

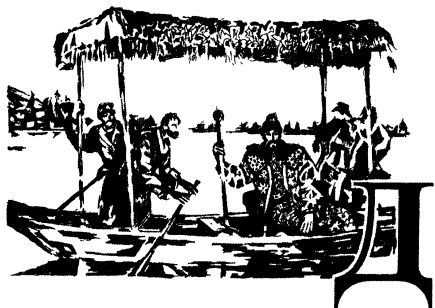
Они поговорили меж собой, потом ответили:

— Откочевали к озеру, Байкалом называется, буряты там кочуют, многолюдные племена.

— Дорогу укажите?

— Укажем.

Остяки, вогулы, тунгусы — кочующие племена вплоть до Енисейска, их мятежный дух постепенно слабел. Только из степей Центральной Азии была постоянная угроза нападения степняков.



Дорога нового воеводы вся Сибири подходила к концу. Из Туринска сухопутьем достигли реки Тобола, там их ожидали суда. Торжественный въезд воеводы был встречен казаками за много вёрст от Тобольска, сопровождали до столицы берегом.

Трубецкой подозвал начальника охраны Антона Добрынского, приказал:

— Чтоб конвой был в полном военном облачении, не гоже воеводе вступать в крепость без парадного строя.

— Как прикажете.

Казаки приободрились, почистили одежду, надели шлемы и латы, прицепили сабли и выглядели молодцами, на воеводу ноль внимания.

— Видишь, как казаки относятся к воеводе, — ворчал князь. — Вольный народ, распустились.

— Так Сибирь же, законов нет, — ответил атаман. Но он знал, что, если вдруг воеводе будет угрожать смертельная опасность, казаки положат жизни за него. А если нет опасности, зачем спины гнуть, у каждого своя служба.

Для нового воеводы подогнали к берегу отдельную ладью, устланную ковровой материей, сверху над сиденьем балдахин, чтобы не напекло голову вельможе. Плыли недолго по течению, до слияния Тобола с Иртышом, где стояла столица Сибири — Тобольск. Как ступил на землю, с крепостных стен прогремели пушки, извещающая о прибытии воеводы.

Из ладьи пересаживали в карету, запряжённую шестериком коней. Впереди, на вороном — знаменосец, отряд встречающих казаков, сзади охрана. Около ворот трубачи трубили в трубы, били в барабаны. Звон колоколов приветствовал воеводу, вступившего в город. Тобольские казаки и стрельцы выстроились в парадном строю, вдоль которого проходил новый воевода. Сулешов встретил его на высоком крыльце воеводского дворца, атаманы поднесли хлеб-соль.

Теперь Трубецкой Дмитрий Тимофеевич стал воеводой над всеми сибирскими городами, а их немало. На огромной территории, кото-

рая увеличила Российское государство в несколько раз, по большим рекам построены кроме Тобольска: Тюмень, Туринск, Верхотурье, Тара, Томск, Берёзов, Мангазея, Пелым, Сургут, Кетский острог, Кузнецк, Нарым, Енисейск.

За локоточки атаманы ввели нового воеводу в приёмную залу, где стояли в два ряда столы, ломившиеся от местной снеди. Угощение богаче, чем в Москве — блюда с чёрной и красной икрой, исходила паром уха из осетрины, солёная стерлядь, фаршированные караси в сметане, жареная нельма. Грибы жареные, солёные. Ягоды какие хочешь и ещё много чего.

— За воеводу, боярина Дмитрия Тимофеевича, — подняв первую чарку, произнёс Юрий Яншеевич. Но Трубецкой заметил, что старый воевода только поднёс к губам, но пить не стал. Ещё много раз поднимали чарки, пили за всех — за государя, за Сибирь, за Тобольск и Бог знает за что. Подвыпивший Дмитрий Тимофеевич говорил Сулешову:

— Ох, сколь богата земля и безлюдна. Лес карабельный на тысячи вёрст. Мы на Белом море суда строим, а здесь реки широки, рыбой богаты.

— Не только лес и рыба, — возразил Юрий Яншеевич, — соль добываем, руду, слюду, а ещё сколько сокровищ в земле — не знаем.

— Весьма лестно отзывался о тебе государь, — заплетаящимся языком говорил Трубецкой трезвому Сулешову.

— За что милость такая?

— Ямщицкую службу возродил, хлеб сеешь. В Верхотурье зерном запаслись, на всю Сибирь хватит.

— Выпьешь за государя? Нет? Мусульманин, потому не пьёшь.

— Крещёный я.

— Ну и что, что крещёный, вина не пьёшь, значит веру нашу не признаёшь. Аль супротив скажешь?

Юрий Яншеевич сделал вид, что не понял язвительного замечания Трубецкого. «Эти русские, когда напьются, — думал он, — буровят сами не помнят что».

— Силы большие наконец-то посланы, теперь со всею Сибирью воевать будешь. Антона Добрынского пошлешь на Енисей, в верховьях крепость строить, защиту от степняков, — напутствовал Сулешов.

Днём ушёл Трубецкой в воеводскую канцелярию. Там Сулешов выложил все записи на стол, ждал его. Неожиданно вошёл атаман Добрынский:

— Разведчики доложили: с севера караван по Оби скоро будет.

— Организуй встречу, определи куда их.

— Караван для Енисейска набран: мужики, бабы.

— Половину баб здесь оставь.

— Когда в обратный путь, Юрий Яншеевич? — спросил Трубецкой.

– Да недели через две-три, думаю, уеду. Обоз подготовлю, охрану возьму небольшую, не буду тебя обворовывать, здесь каждый служилый на счету.

Сулешов вводил нового воеводу во все дела: показывал систему обороны, амбары: набитые пушшиной, богатыми азиатскими тканями, ярким китайским шёлком, сукном, полотном, зерном. Вечерами беседовали о племенах, населяющих эти земли. Несколько дней обозревали окрестности то верхом на лошадях, то по реке на ладье, то по утрам забавлялись охотой на дичь.

– Трудно здесь служить? — на прощание спросил Трубецкой.

– Забот много, покоя хочется.

Опять за столами сидели сыны боярские, немало их служит в Тобольском гарнизоне.

– Суда прибыли с мужиками и бабами. Так половину баб в Тобольске оставили, — доложил атаман Добрынский.

– Мне в служки пошли какую-нибудь молодицу, — попросил Дмитрий Тимофеевич, — прибрать, бельё постирать некому.

Провожали Сулемова не так торжественно, как встречали Трубецкого. Отслужили молебен и в путь-дорогу.

Дали в услужение князю молодую вдовицу Мавру — среднего роста, белотелая, лицо свежее, румяное. Большие карие глаза особенно хороши, когда блестели в них огоньки хитрости. Пленила она не только воеводу, не сводил с неё ласковых глаз Игнашка, кучер Трубецкого.

Целыми днями хлопотала вдовушка в воеводском дворце. Жарила, варила мясо, рыбу, особенно мастерица печь пироги. Помогал кучер: носил воду, получал в амбарах продукты, приносил целыми корзинами. Игнатий подчинялся ей, выполнял приказы:

– Игнатий, помой полы, потряси перину, убери со столов.

Мавра лукаво поглядывала на кучера, сочувственно говорила:

– Надоело, поди, в холопах?

– Надоело.

– В казаки ушёл бы, ты такой сильный.

Кучер излучал такое простодушие, принимал всё за правду, важничал:

– Сбегу в казаки, тогда под венец пойдёшь?

– Пойду.

Игнашка пытался обнять её, но вдовушка отказала:

– Буду законной, тогда и обнимешь.

Последнее время воеводушка перестал звать по вечерам кучера раздеть его, и закралось в душе подозрение, уж не Мавра ли его ублажает. И не далёк был от истины, вечерами, после застолья с атаманами, пьяный князюшка поглядывал с вожделением на красавицу и однажды, когда она взбивала перед сном перину, не выдержал. Почесал ниже пояса, почувствовал свою возбуждающуюся плоть, схва-

тил Мавру в охапку. Откуда только силы взялись и понёс в постель. Молодая, ядрёная вдовушка только довольно захихикала в ответ. Сам же воевода, как откажешь.

Напрочь забыл князь о предостережениях знахарки, чтобы пить настои из трав не переставая, не есть жирного и солёного. Каждодневные пьяные застолья сделали своё дело. Месяца через три начались приступы.

Яшка, как предсказывал кучер, вернулся сам.

— Велели подрасти, — сказал он кучеру, — потом возьмут в казаки.

Яшка каждый день готовил настои из трав, но они помогали плохо и приступы стали повторяться всё чаще. И, в конце концов, князь слёг и больше не поднялся.

Мавра — глядя на его безжизненное лицо — вздыхала, второй месяц красок нет и вытирала рукавом слёзы.

Лекарь, неизвестно откуда взявшийся, сидел около воеводы днём и ночью, но помочь ничем не мог.

— Застой в почках — не жилец, — сказал он батюшке.

— Не реви, Мавра, нам-то может к лучшему, — утешал кучер.

Она припадала к его груди, обнимала за шею.

Наконец Игнашка насмелился, ночью пришёл к ней в закуток за печью, сел рядом. Прежде чем подпустить его к себе, спросила:

— Женишься?

— Женюсь я на тебе, дурёха, баб здесь мало, а жениться страсть как хочется.

Наступило безвластие. Яшка с Игнатием бродили по городу, приставали к казакам, потом о чём-то шептались.

В одно раннее утро Игнашка шепнул Мавре:

— Собирайся, отряд в Енисейск идёт, с ними пойдём.

— Останемся здесь, страшно мне.

— В холопах жить хочешь?

— Не хочу. Поймают нас.

— Кто? Воевода помер, остальным до нас дела нет.

Мавра прихватила кое-что из барахла, залезла в сундучок к воеводе, его ополовинила и на двух санях с Игнатием и Яшкой покинула Тобольск.

На счастье кучера, в Тобольск вернулся отряд во главе с десятиником Ильёй Ермолиным. Игнатий разыскал его в кабаке, сел рядом, предложил выпить.

— С чего угощаешь? — подозрительно покосился Илья, — Дело есть?

— В казаки хочю податься в Енисейск.

— Ты и здесь можешь быть казаком.

— Холоп я покойного воеводы, боюсь, возвращен обратнo в Москву.

Илья знал по себе, что те, кто побывал в Сибири, познал свободную жизнь, больше возвращаться не хотел.

— Не ты один просишься, вот ещё Дежнёв, — и указал на молодого паренька, сидящего рядом с ними. — Собирайтесь, через день выступаем. Воевода помер, а новый — Александр Хованский, ещё не прибыл. Полное безвластие.

Всё-таки дьяк приметил кучера и Мавру, сказал Илье:

— Зачем берёшь? Они же воеводины холопы.

— Были воеводины холопы, теперь государевы, — и вытянул кнутом его по спине. Что сделаешь, Сибирь, безвластие, только и поёжился дьяк от удара.



Первым достиг Енисейска отряд в триста казаков под командованием Добрынского, сына боярского. На встрече воевода заявил:

– Себе ждём подмогу, опять же молодёжь, где всех разместим? Не в обиду будь сказано, отправляйтесь побыстрее.

– Понимаю я, не задержимся, вот только в баньке попаримся и в путь. Сами торопимся, лето на исходе, крепость строить надо.

В нескольких днях пути от каравана судов Добрынского, плыли вверх по Енисею женщины, служилые, ремесленники. Устинья в одном струге с земляками, грустно смотрела в воду. Тит сказал своей жёнке:

– Ты бы поговорила, утешила, а то она всё печалится.

– Устиньюшка, аль что задумала?

– Нет, Прасковьюшка, смотрю, вода потемнела.

– Так лето на исходе. Жениха твоего видела, да вон он, рукой тебе машет.

Устинья подняла голову, Пётр стоял на струге, весело улыбался, кричал:

– Наконец-то нашёл тебя, вон, гляди, Енисейск.

Вдали был виден купол церкви, а вскоре подплыли к крепости.

Прибывших молодок позвали к приказной избе, где воевода с крыльца объявил:

– Вас, молодёжь, прислали сюда в жёнки служилым. Не тороплю находить себе суженого, — повернулся в сторону казаков, — а вы не озорничайте, — погрозил пальцем, — узнаю — не сносить вам головы. Сегодня, с дороги, отдыхайте, размещайтесь в избах по десять человек, это всё, что мы успели построить. Завтра устроим пир, выделю вина, муки, мяса, рыбы. Потом будем ещё строиться, зима не за горами. А вы, будущие жёнки, — продолжал воевода, — в землю не глядите, наравне с нами должны помогать. Здесь не Русь, а Сибирь и её надо обживать.

Воевода знал, что жизнь среди сибирских дебрей, постоянное ожидание набегов, закалит их. Со временем наравне с мужьями будут за-

щищать дом, землю, будущих детей. Научатся владеть ножами, ружьями, иные даже будут охотиться.

В полдень, когда ещё жарко светило солнце, расположились на берегу Енисея, лёгкий ветерок отгонял комаров. На луговых травах, в блюдах, тушёная утяттина, гусятина, отварная лосяттина, рыба жареная, варёная, фаршированная, шаньги, пышки, ягоды, солёные грибы — всё, чем богата сибирская земля. Не поскупился воевода.

Все пока столпились на берегу, ждали воеводу. Вскоре Уваров пришёл в окружении старых ермаковцев.

— Давайте угощаться, чем Бог послал, приглашаем всех, — сам уселся немного в стороне, чтоб не смущать молодёжь, где специально для воеводы и ермаковцев было приготовлено угощение.

Пётр Бекетов стоял рядом с Устиньей.

— Сколь богат край и пустынен, боюсь я здешних мест, — сказала она сотнику.

— Да, край богат, — подтвердил он, — лес, луга, зверья, рыбы полно, а туземцев не бойся, скоро присмирят, видела, какая силища была.

— Не испугались силищи, Варвару украли, — завздохала, заплакала Устинья, вспоминая волок от Нарыма до реки Тыи.

— Зачем в лес одни ушли? Они только и могут, что отбившихся уворывать.

До Нарыма по Оби плыли благополучно, а как ступили на землю, да пошли пешком, тут и случилось несчастье с сёстрами и круто изменило жизнь Устиньи.

— Пропадём мы здесь, — говорила младшая старшей, та немного успокоилась после разлуки с Семёном, казалась повеселевшей.

— Ты о плохом меньше думай, — ругалась она и бодро шагала впереди младшей.

Лошадь у них одна пала из-за бескормицы, другую продали ещё в Обдорске. Обоз растянулся на вёрсты и продвигался медленно.

По вечерам опускался холодный туман и, хотя во временных балаганах устилали землю толстым слоем травы, к утру всё равно замерзали. Травы густые, высокие, никогда некошенные завяли, плохо держали тепло. Сопровождающие их казаки на ночь выставляли караулы, жгли костры.

На очередном привале земляк Тит Сысолятин успокоил их:

— Проводники сказывали, скоро приедем к реке Тые, там нас ждут струги.

Они сидели вокруг костра, ели немудрёный ужин. Теперь они держались около земляков, порядком уставших мужиков и баб.

— Пойдём, сходим на сон грядущий, — позвала Варя сестру и первой зашагала к густым кустам недалеко от дороги. Отошли немного в сторонку, кусты плотно скрывали их, начинало темнеть.

Устинья наклонилась над травой:

— Смотри, сестрица, здесь растут такие же ягоды, как и у нас, — не успела закончить, как кто-то навалился на неё, зажал рот ладонью, перекинул через плечо, понёс в гущу леса, подальше от людей, потом хотел надеть на голову мешок. Устинья успела укусить похитителя за плечо и закричала:

— Помогите.

Похититель злобно ударил по голове, сердито залопотал по-своему. Перегнул через седло и быстро поскакал, подгоняя коня плёткой. Видимо, крик её все-таки услышали, сзади затрещали кусты — их догоняли.

— Стреляй, ускачет, — услышала она родную речь.

Прозвучал выстрел, похититель закачался в седле, потом упал, лошадь остановилась.

— Смотри, Пётр Иванович, татарин девку украл.

Когда сняли с головы мешок, она увидела двух стрельцов, один постарше с чёрной бородой и усами, другой совсем мальчик, весело скаливший зубы.

— Что? Напугалась? — спросил что постарше.

— Только весной обещали больше не нападать, веры им нет, — сказал молодой.

— У них каждое племя живёт на особицу, — ответил что постарше.

Девушка вытерла слёзы и несмело посмотрела на них.

— А, да ты баская какая, вот тебе Пётр сын Иванов, невеста. Пойдёшь за него, — не унимался молодой спутник сотника.

— Пронька, обыщи татарина.

На земле, раскинув руки, лежал бородатый мужик, рядом стояла лошадь, спокойно щипала траву.

— Здесь нельзя отрываться от людей, вмиг своруют, татары следом идут. Каждый обоз стерегут, как только кто зазевался, кто отобьётся в сторону — всё, пропал.

Устинья заоглядывалась вокруг:

— Где сестра?

— Какая сестра?

— Моя, старшая, Варвара, мы с ней в Сибирь едем.

— Пронька, вокруг объезди, может где увидишь.

Пронька скрылся в тайге. Устинья грустно смотрела на сотника.

— Как кличут тебя? — а сам не спускал с неё больших карих глаз.

— Устинья.

— Вот что, Устинья, с сестрой ты простишься, где мы её отыщем? Это только в Енисейске, как на место прибудем, у татарских ханов потребуем, чтоб вернули девку, только они могут узнать, где она.

Вскоре вернулся Пронька:

— Всё кругом объехал, не видать, да и темно уже.

Устинья залилась слезами:

– Как жить буду без неё?

– Поживи пока около земляков, а как прибудешь в крепость, найду тебя. Пронька, отведи Устинью, я здесь посторожу.

– Думаешь, вернётся?

– Мусульмане своих не бросают.

Земляки давно всполошились от долгого отсутствия сестёр, не знали, что делать.

– Может случилось что? — спросил Тит.

– Варвару украли, — Устинья горько и безутешно заплакала, приближаясь к своим.

Земляки растерялись, не знали, что сказать, только жёнка Сысолятина подошла к плачущей, прижала к груди:

– Поплачь, полегчает.

Пётр сидел всю ночь, недалеко в кустах, около мертвеца, к рассвету всё-таки не выдержал, задремал, но сквозь сон услышал лёгкие шаги и шум чего-то падающего на землю. Открыл глаза, сквозь мутный рассвет увидел лежащую женщину, труп татарина не было. «Проспал, — похолодело в груди стрельца, — а бабу наверняка зарезали». Подошёл ближе, так и есть, не ошибся, увидел безжизненное тело. На руках отнёс к землякам. Устинья, увидев тело Варвары, громко заплакала, запричитала:

– На кого ты меня оставила? Как жить мне теперь?

Глянул на попутчиков Устиньи. Они сидели около потухшего костра, рядом стояла каша, никто к ней даже не притронулся, все переживали потерю. На стрельца глянули с ненавистью, как будто виноват он. Пётр понимал состояние этих людей. Пусть переживут одни — так лучше. Для них это первая смерть, для него очередная. Здесь, на далёкой стороне, земляки ценились как родственники. Теперь они будут помогать друг другу во всём — в горе и радости, делиться последним куском хлеба, последней щепотью соли. Эту землю мало завоевать, её надо защищать.

Вечером пришёл Пронька, принёс ухи целое ведро:

– Ну, землячки-сибирячки, горе горем, а есть надо. Помянем усопшую.

И не ушёл пока все не поели, только Устинья на время утихла, заснула беспокойным сном.

На следующее утро подъехал Пётр, в поводу ещё лошадь.

– Пора в дорогу.

– Подожди малость, — попросил Тит. Он заканчивал выстругивать крест. Пётр помог поставить его на свежий холмик. Сколько ему самому приходилось вот так выстругивать кресты, хоронить воинов по всей Сибири.

– Устинья, попрощайся с сестрой, — попросил он.

Теперь Устинья старалась держаться около сотника, только с ним она чувствовала себя в безопасности. Она тихонько лила слёзы, не в силах успокоиться.

— Не горюй, Устиньюшка, лучше о себе подумай. Скоро приедем в крепость, там столько женихов, глаза разбегутся.

Устинья внимательно посмотрела на Петра — вид благородный, росту выше среднего, широк в плечах, густые чёрные брови вразлёт, нос небольшой, прямой.

— Я уже нашла, — слёзы высохли на глазах у девушки, — или не по нраву?

Теперь она боялась потерять ещё и его.

— По нраву, по нраву, — успокоил её сотник.

Время ещё не подлечило рану, не притупило боль потери сестры. Воспоминания прервал Пронька:

— Пётр Иванович, воевода кличет.

— Пронька, сиди рядом с ней, сторожи, да не заглядывайся, — пригрозил сотник.

— Уже сговорились? И когда только успели? — удивился Пронька.

— Не твоё дело, говорю, сторожи.

На лугу поднял чарку воевода:

— За нас с вами, казаков и переселенцев, что будут обхаживать эти земли.

После первой чарки молодежи стали посмелее разглядывать кандидатов в женихи. А женихи скромностью не страдали, сами с любопытством рассматривали невест. После второй чарки осмелели ещё больше и то тут, то там стали раздаваться весёлые голоса, смех. Заиграли на дудках плясовую. Казаки, играя бровями, глазами, вальяжной походкой шли к понравившейся молодежи, вызывали на пляс. Другие завели хороводы. Сгущавшиеся сумерки ещё больше поддали смелости.

Ермаковцы сели в круг ещё дальше, в похождениях молодых не участвовали, считали себя стариками. Когда гуляли с Ермаком, они только-только вышли из отроческого возраста. Атаман оберегал их, в бой посылал только напоследок, добивать уже побеждённых. Теперь головы их посеребрились, спины сутулились, но по-прежнему учили новоявленных казаков ратному делу и обычаям казачества. Болкошин сидел со своими сверстниками, пили вино, вспоминали старые баталии, молодость. О почётной смерти товарищей вспоминали добрым словом, но когда идут на битву, десятки лет сбрасывают, спины расправляются, глаза загораются прежним озорством, крепко держат в руках саблю, ещё многое помнится от старой удали, душа требует разгула. Первыми бросаются в сечу, держатся друг за друга в бою. Братская спайка во всём, взаимовыручка. На похоронах своего товарища не плачут, не бьются головами, а принимают смерть, как уход

казака в Царство Небесное, говорят при этом напутственные слова:

– Скоро, брат, встретимся.

Держат себя независимо, отстаивают свою свободу, особенности быта. Теперь этому учат молодых, добровольно вступивших в казацкую семью. Принимали их терпимо, но подозрительно, до тех пор, пока не проверят в бою. И, если новоявленный казак показал насколько он храбр и смел, получал от стариков полное доверие.

– Жаль, нет здесь моего побратима Луки.

– Где он сейчас?

– На Ангаре со своим Ярилкой новую крепость строит.

После весенней баталии, когда Дмитрий Зырян выручил Луку, спас от смерти, он прозвал его за красоту, небесный цвет глаз и волос, таких густых, как лучи весеннего солнца, за удаль, ярость и храбрость в бою — Ярилкой. Это прозвище так и прилипло к нему.

Несколько парочек уже отделились от общего хоровода, сели на берегу Енисея, вели разговоры. Казаки с надеждой смотрели на своих избранниц, те лукаво опускали глаза.

Болкошин не забывал своих обязанностей, зорко смотрел, что делается на лугу. Двое пьяных казаков ушли с девицей за кусты, это показалось ему подозрительно. Он встал, отошёл к кустам и увидел двоих молодых казаков, которые сцепились между собой, в ход пошли сабли. В сторонке стояла девушка, да не так уж и хороша собой была, вся в крупных веснушках, белые волосы, такие же брови. Она хлопала бесцветными ресницами и с любопытством смотрела на двух распетушившихся молодцев. Старый казак как увидел, откуда прыть взялась, закричал:

– И это казаки! Из-за бабы сцепились?

Пьяные казаки объяснили ему:

– Кто победит, за того и замуж выйдет. Мы так договорились.

– Спросим вначале у девки. Которого выбрала? — строго посмотрел казачий голова на девку.

– Никого, — не оробела девка перед строгими очами старика.

– Как никого? Иль другой казак по нраву?

– За казака не пойду. Землепашца либо ремесленного выберу.

– Чем казаки не по нраву? — закипело в душе Болкошина.

– Они люди вольные, все в походах.

– Зачем головы им заморочила?

– Они меня не спрашивали.

Казачий голова дёрнул девку за косу:

– Вот отдам в монастырь, куковать в девках будешь. Вон отсюда. А вы идите за мной. Из-за бабы сцепились как два кобеля. Вон сколько девок, любую выбирайте.

Казаки с опущенными головами шли следом. Он посадил их рядом с собой, налил полные чарки вина:

— За казацкое братство, — подождал пока они выпили, — а теперь миритесь. Вздумали бабу делить. Нет большего позора, чем казакам между собой драться. На первый раз прощаю, ещё замечу, выгоню с казачества.

Новоявленные казаки ушли, каждый подошёл к понравившейся девчонке, встали рядом в хороводе.

Болкошин ещё долго наблюдал за молодёжью, потом надоело, присоединился к ермаковцам, затянул с ними песню:

Ай, как на речке, на реке,
На речушке Енисейке.
Ай, там жили, поживали,
Люди вольные.

Река их кормила, защищала, была домом и дорогой, а корабль как родина. И свои права на эту реку, и эту свободу они должны завоевать и охранять. В песнях казачьих отражался их мир — привольный, справедливый. Вспоминали седобородые своего атамана Ермака:

Ой, там жили, проживали
Люди вольные —
Все Яицкие, Донские,
Енисейские.
Собирались они
Во единый круг,
Думу думали,
Думушку крепкую.
Вот кому-то из нас
Атаманом быть?

Но тут подлетела пьяненькая бабёнка не первой свежести:

— Атаманы, хватит печалиться, давайте в хоровод.

Но старые друзья как будто и не заметили её, пели про молодые годы, вспоминали походы, прожитую жизнь.

К Петру, сидевшему с Устиньей на берегу, подсел пьяный Илья Перфильев:

- Ты откуда, девица?
- Из Великого Устюга.
- Землячка значит.

От выпитого вина щёки у девушки покраснелись и сейчас она была особенно хороша. Илья ласково заглядывал ей в глаза, тянул за руку в хоровод. Петру надоела назойливость, отозвал атамана в сторону:

— Не пяль глаза на Устиньюшку, она мне невеста.

– Ну, невеста, ещё не жёнка, — захохотал Перфильев, зло посмотрел на сотника, — теперь чья возьмёт.

А на лугу всё громче и веселее раздавались девичьи голоса:

Сядем, сядем со мной рядом,
Земляниченька моя,
Да, чтобы скукошка распала
От тебя и от меня.

Дроля к промыслу уехал,
Ночь была туманная.
Дроля мне рукой махал,
Жди меня, желанная!

Под перепляс звучали поморские частушки, под весёлый смех казачков.

Немного в стороне водили хоровод более степенные вдовицы. Но и им хватало тоже уже не особенно молодых служилых.

Как у наших ворот, как у наших ворот,
Ай люли, у ворот, ай люли, у ворот.
Да стоял девок, стоял девок, стоял девок хоровод.
Ай люли, хоровод, ай люли, хоровод,
Да молодушек, молодушек, молодушек табунок.
Ай люли, табунок, ай люли, табунок.

Когда совсем стемнело, на небе загорелись яркие звёзды, луна взошла на небосводе, хмельной воевода решил урезонить разгулявшуюся молодёжь:

— Хватит гулеванить, с утра принимайтесь за работу, избы строить, зима скоро. Которые пару себе нашли, прошу в приказную избу, пожалуем на особицу.

Молодёжь нехотя стала расходиться, только старые ермаковцы остались на лугу. Воевода им не указ, они вольные казаки, их дело воевать, ходить в походы.

Петру трудно расставаться с Устиньей. Не спокойно у него на душе. Слишком назойлив Илья, ни на минуту не оставляет их вдвоём. Пётр пытался силой оттолкнуть от девушки Илью, не получилось, слишком крепко стоит на ногах атаман, только ехидно похохатывает. Не может же Пётр каждую минуту сторожить Устиньюшку. Илья может воспользоваться его отсутствием и, как знать, такой казак, славившийся своей удалью и отчаянной храбростью, может расположить к себе девушку, устоит ли она перед его чарами. Так и проводили вдвоём Устинью до избы, где остановилась она со своими земляками.

Пётр ещё спал, когда в избу вбежал Пронька, подлетел к лавке, зашептал:

— Пётр Иваныч, вчерась пьяный Перфильев хвастался — отобью, де, девку у Петьки.

Пётр быстро оделся и пошёл к избе, где жила Устинья. Ему неожиданно повезло, она сидела на крыльце, низко опустив голову.

— Здорово ли почевала, Устиньюшка?

— Не могу спать, всё о сестрице думаю.

— Пойдём, погуляем, посоветуемся.

Они вышли к Енисею, шли медленно, смотрели по сторонам. Как хороши эти залитые солнцем просторы, и хотя, можно сказать, конец лета, всё в природе начинает увядать, усыхать, падать на землю созревшим семенем, чтобы лечь в землю до весны, а потом, под тёплыми лучами солнца, вновь вырасти.

— О чём советоватьсь будем? — улыбнулась Устинья.

— Замуж за меня пойдёшь?

— Зачем торопиться?

— Боюсь отобьют, — честно признался Пётр, — богато заживём, жалование приличное, изба есть. Что ответишь, Устиньюшка?

— Боюсь я Сибири, — ответила Устинья.

— Вот боишься, потому что не знаешь её. Не тревожься, скоро народ понаедет, край здесь благодатный, благословенная земля, лучше чем в Великом Устюге. Лучше будет, если сыграем свадьбу сейчас, вместе с другими.

— Тогда пойдём к воеводе, скажем о своём решении, — ответила Устинья.



С тех пор как прибыли большие отряды с Московии и Поморья, жизнь во многом изменилась в Енисейске. Посадские добывали железо, процветало кузнечное дело, портняжное, строили сами суда, открыли слюду — употребляли вместо стёкол, добывали соль. Теперь это настоящий город, за палисадом сотни изб: служилых, ремесленников, купцов, крестьян. Далеко за горизонт тянутся поля.

Племена на западной и восточной части реки притихли, знали, что силы казаков с каждым годом растут и для них же лучше жить в мире с русскими. Сунулись было тунгусы к вогулам отобрать рыбное озеро, те пожаловались новому воеводе Кондыреву:

— Житья от них нет, — говорил вождь, — усмирите их.

Кондырев поручил Анкудинову:

— Герасим, бери своих дружков, сходи к обидчикам, накажи.

У Герасима правая рука Колька Габышев. С тех пор, как казачий круг чуть не приговорил его к смерти за трусость, изменился казак, как и обещал Герасим — сделал из него настоящего головореза, наглого, хитрого, бесстрашного. Он всегда рядом со своим наставником, да ещё Евдоким Курсов.

— Хватит ли вас троих-то? — засомневался воевода. — Может ещё кого-нибудь возьмёшь?

— Справятся, — рассмеялся дьяк Наум, — впервой чо ли? Наум так и служит в воеводской канцелярии, возвращаться не думает. Женился на вдове, построил дом рядом с воеводским, писать челобитные перестал, у самого ватага есть.

С тех пор племена перестали между собой враждовать. А Герасим с дружками гулял в кабаке, угощал казаков.

— Откуда столь денег имеешь? — допытывался Прохор Колесов, новичок.

— Он меха в таможду сдал, деньги получил. Охота нынче прибыльная, — хохотал Колька.

— Какая охота? Лето же.

— У тунгусов займы взял. А ты пей, ешь, да поменьше спрашивай.

Мы здесь все для государева дела стараемся, — прищурил хитрый глаз Герасим.

Два года тому назад было отправлено три отряда под началом атаманов Ивана Реброва, да Ильи Перфильева, третий повёл Василий Бугор, на разведку к Лене.

Первым с донесением об реке Лене вернулся Бугор. Он представил новому воеводе подробную отписку: что повидал, какие народы обитают, богатства и чертеж тех мест.

Кроме Кондырева в воеводскую канцелярию пришли послушать Бугра Болкошин, сотник Бекетов, атаман Галкин, десятники Зырян, Илья Ермолин, Лука.

— Где атаманы Ребров и Перфильев?

— Они ушли дальше вниз по Лене, а я высадился в среднем течении. Река велика и населяют её, — рассказывал Бугор, — народ саха, так они себя называют, людно там и занимаются скотоводством. Меж собой живут недружно, племя на племя, на своих же нападают. Самое сильное племя — кангаласцы, под предводительством тойона Тыгына.

— Приняли вас как?

— Поначалу мирно, а сунулись было ясак собирать, налетели на нас такой ордой, еле ноги унесли. Перезимовали в верховьях, в курной избе, необитаемом месте.

— Другим летом чем занимались?

— Разведали верховья, да там, на чертеже, увидишь. После себя оставил два зимовья, для сбора ясака у впадения в Лену реки Куты и у реки Киренги. Оставил там часть казаков.

На новом месте строили вначале курные избы, потом надстраивали второй этаж, получалась башня. Обносили тыном небольшую территорию, внутри строили церковь, жилые дома, амбары, съезжую, приказную избы. Затем приезжала администрация — это был уже городок — так возникали новые волости, так осваивали территории Сибири.

— Весной отправим атамана Ивана Галкина, дайка чертёж.

Васька протянул воеводе чертёж:

— Поднялись по Ангаре до притока её Илима, потом до верховьев Куты — волоком. Дорога до Лены трудна, дебри непроходимые, кручи каменные, надрывались на волоке, перетаскивая грузы. По меткам шли и просеку делали, блудить новые отряды не будут.

— За это возведём тебя в пятидесятники, — довольный разведкой Бугра объявил воевода. — Наум, пиши челобитную в столицу, мол просим за верную службу государю, за новые землицы произвесть Василия Бугра в пятидесятники.

Воевода, обращаясь к Ивану, наказывал:

— Призывай племена ласково и приветом под высокую государеву руку. Царь-батюшка своих холопов от дани не освобождает. При-

нимай клятву верности, обещаю за это защиту. Велю ноне в дорогу собираться, отряд набираю по своему усмотрению. Построй там крепость, отслужишь годовальщину, на замену придёт Пётр Бекетов.

Бугор на слова воеводы заскрипел зубами:

— Какая ласка? Какой привет? Когда они толпой на тебя наступают, тучи стрел летят. Хорошо тебе рассуждать за тыном сидючи. Не слушай его, Иван, бери больше пороху и свинцу, да пушки не забудь. Людно там, добром ясак платить не будут.

— Не стражай, — обозлился Кондырев.

— Не страшаю, а отряд нужен большой.

— Ещё будет время порассуждать, идите, — отпустил их воевода.

Бугор шёл рядом с атаманом и не узнавал городка, так сильно расстроился Енисейск.

— Так семейных много и ещё, рассказывает воевода, переселенцы идут.

— Зерно привозят, аль своего хватает?

— Часть ещё привозят, пашенных людишек маловато.

Василий понял, чего раньше не хватало городу — детских голосов, детского смеха. Теперь есть кого защищать, есть для кого стоять на смерть. Земля, где могилы предков и живут дети — становится родной и мужикам есть кого любить.

С тех пор как бабы прибыли из Великого Устюга, прошло несколько лет. Теперь в каждой избе по ребёнку, а то и два. Молодое племя подрастает, шумит, живёт только им одним понятной жизнью. Земли отцов и дедов будут знать только по их рассказам. Новое поколение, рождённое на вольных и бескрайних просторах, будет под стать этой земле — сильными, выносливыми, добродушными, терпеливыми, прирождёнными охотниками, рыбаками, землепашцами, трудно их рассердить, но если доведут, пощады не жди. С детства привыкнут к мирной разноплеменной жизни. Другой родины для них не существует. Вырастут и гордо будут называть себя «сибиряками».

С утра прошёл тёплый летний дождь, маленькие ручейки потекли в Енисей. Бугор так задумался, что нечаянно наступил сапогом в ручеёк. Детвора пускала в нём воображаемые лодки, плыли щепочки, похожие на них. Такая щепочка застряла прямо у сапога.

— Ну, дядька, вынь ногу, — около ручейка стоял малыш, он сурово посмотрел на казака, сердито сдвинул брови.

— Не выну.

— Брось, Васька. Не зли мальчика, обжегился бы лучше, — посоветовал Иван.

— Невест всех разобрали.

— На Москве будешь — привезёшь.

— Не хочу, край земли искать буду.

— Ищи, женитьба не помешает.

— Скучно для меня здесь, набегов нет, драться люблю. С Бекетовым пойду снова на Лену, там горячее время будет, — и обернулся на зов женщины.

— Митрий, сколь звать можно, иди обедать, тятка ждёт.

Васька еле узнал в неимоверно раздобревшей женщине Мавру. «И когда только успела нажить такие телеса, — удивлялся он, — добротной одетая, сытая, довольная». Бросила на него мимолетный взгляд и сделала вид, что не узнала. Видимо хорошо живёт, что старых знакомцев не признаёт. Бугор знаком с ней ещё с Тобольска, когда просил Илью Ермолина взять их с собой в Енисейск, а потом помогал в дороге. Тогда они возвращались из Москвы, отвозили государеву казну.

— Это что Игнашки-кучера жёнка? — спросил у атамана.

— Был кучер, теперь казак. Их несколько мужиков принимали, на круге клятву давали, саблю целовали. Голова казачий напутственные слова говорил: «Богу, Царю и Отечеству служите и по первому зову будете выступать в поход, принимать неравные бои, пойдёте в края неведомые и в походе никто из вас не смеет ослушаться атамана».

Сибирское казачество пополнялось добровольцами, новоприборным казакам нравилась равноправная свободная служба. Знай себе собирай ясак и приводи народы к верности государю. Добром не дадут, принимайте бой. Ни о чём тревожиться не надо, справу, жалованье оплачивает государь. Захочешь разжиться — иди на охоту, рыбалку.

Прошли далеко за тын, от него остались у казаков одни воспоминания. Кое-где разрушились башни и их никто не поправляет, ни к чему, воевать не с кем. В верховьях большая крепость Красный Яр, защита от степняков.

— Пошли в кабак, — позвал Иван, — воевода приказал отряд набирать.

А где набирать? Только в кабаке, там празднично шатающихся холостых казаков всегда много. Зашли в первый же попавшийся на пути. За длинным столом увидели старых дружков: Зыряна, Луку, Федьку Лузенина, да Федьку Чикачёва и их новых дружков Семёна Дежнёва, Игнатия, Юрия Селиверстова. Они, видимо, пришли только что. На столе хлеб и вино, ждали закуски.

— В свою компанию примите, православные? — спросил Бугор.

— Места не куплены, — подвинулся Лука.

— Что отмечаете, казаки? — спросил атаман.

— Избу Игнашке срубили, вот и угощает.

— Зырян, а ты что избу не ставишь?

— Зачем? Мне с Лукой хорошо, жениться не собираюсь. Дальше на восход солнца, на новые земли пойду.

— Отряд набираю, со мной пойдёшь? — предложил Галкин.

— Где ты раньше был? Мы уже с Петром Ивановичем сговорились не менять же решение.

— Жаль, такого храброго казака я бы с радостью взял.

Дмитрий от такой похвалы запылал, как жаром взялся.

— Меня возьми, атаман, я ещё никому слова не давал, — сказал Юрий Селиверстов.

— Дорога нами знаема, с Васькой ходили и с тобой пойду, — отозвался Епифан Волынкин.

Так и набрали себе в отряды Иван Галкин и Пётр Бекетов. Только Пётр Иванович поначалу отказывался от Яшки, якобы мал ещё. Но за него вступился Лука:

— В дороге вырастет, сам за ним прослежу.

Как Луке откажешь, на все руки мастер — и корабел, и кузнец, и пушкарь, и воин храбрый.

Яшка прибыл в Енисейск года полтора назад. Лука тогда приютил его с Маврой в своей избе, а ещё Игнатием и Дежнёвым Семёном. Посмотрел как относятся к нему Мавра с Игнатием и отругал их:

— Яшку забираю, ничему хорошему не научите, в холопах жить у вас станет. А я ратному делу обучу.

— Не имеешь права, — оскорбился бывший кучер.

— Права, — передразнил его Лука, — здесь Сибирь и прав тот у кого — сила.

Яшка жалостливо посмотрел на Игнатия:

— С тобой остаюсь, дядя Лука.

Теперь Яшка всегда с Лукой, даже спят рядом на лавках. И всё-таки Лука тревожился за мальчишку:

— Может зря беру, забоишься?

— С тобой не страшно, — успокоил его Яшка.

А весной, как прошёл ледоход, Иван Галкин по проторённым тропам Бугра ушёл на Лену.

Сразу, после того как проводили атамана, воевода велел собираться Бекетову. Отряд основательно взялся за сборы. На берегу строили струги, работой руководил Лука. Члены его ватаги — Ярилко, Лука, Семён, Чикачёв, Лузенин, Игнатий не думали, что жизнь их свяжет на долгие годы одной верёвочкой. Дмитрий поначалу часто вспоминал Чуку, даже на зимовке остался на реке Илишке, обошёл все окрестности, когда охотился, доходил до озера Байкал, но так и не встретил эхиритов. Летом с сотником поднялись вверх по Ангаре, обошли пороги, наткнулись на племена бурятов, те встретили дружелюбно, заплатили дань, оттого и новый острог назвали Братским. Зырян перестал мечтать о девушке и теперь готовился к новому походу. А зима у Бекетова проходила в приятных хлопотах, Устинья родила первенца, и он решил за тыном построить большую избу, помогал весь отряд. Устинюшка давно жалуется на поборы, когда его дома нет. Дескать, из их двора берут лошадей для выполнения подводной повинности, которые гибли на Илимском волоке. Пётр сидел, писал челобитную,

просил освободить его двор от волоковой возки, а также избавить от постоя служилых людей, следовавших в Восточную Сибирь, чтоб назначили казачьим головою на место Болкошина, совсем старый стал и больной. «Вот только с кем отправить, пойду, узнаю, кто едет с соболиной казной в Москву. Если надёжный, отправлю с ним, если нет, то после Ленской годовальщины попрошусь съездить сам. Похлопочу о своей нуждишке и карьере».

— Устиньюшка, в кабаке схожу, узнаю, кто с казной едет.

В кабаке сел рядом с Дежнёвым, слушал его рассказ:

— В Тобольске знавал я атамана Пянду. Он сказывал, что бывал на Лене-реке и знаком с их вольным царём по имени Тыгын. Пянда был там первым русским. Побывали друг у друга в гостях. Очень царь тамошний дивился, сколь мудры и работающи казаки.

— Ясак с них собрал? — спросил сотник.

— Даже не пытался, — повернул Семён голову в сторону сотника, который в казацкой одежде, в башлыкообразной шапке, отороченной светлым соболем и почти сливается с цветом его волос, серые глаза смотрят на соседа добродушно, он как неожиданно появился, так же быстро и убрался. Привёз чертёж реки и подробную отписку тех мест.

— Хан тунгусский, что у нас сидел в аманатской избе, сказывал, — поддержал разговор Пётр, — где теперь живут саха и раньше где они жили. Якуты вытеснили их с той земли: кого побили, кого в рабы взяли, иные разбежались подальше от них. Теперь они возомнили себя хозяевами того края.

Двери кабака снова широко раскрылись, ввалилась весёлая компания во главе с Герасимом. У самого Герасима и Кольки синяки под глазами.

— Кто вас так? — спросил сотник.

— У Лудая был в гостях, прихватил вина, думал посидим, поговорим. А он напился и в драку. Пришлось успокоить.

— Ты обиды не чини и будет почёт и уважение, — посоветовал Дежнёв.

Все знали, что Герасим с походов по окрестностям приносит богатую дань, но и себя не забывает. Говорит охотится, но веры ему нет, врать любит, это он племена обирает.

— Глаза у тебя мутные, врешь опять.

— Попей столько и у тебя помутнеют, — не обиделся Герасим.

Где он, там в кабаке шум, гвалт, ссоры, а то и драки. Кабатчики не сердились, наоборот зазывали:

— Герасим, пошто меня забыл, не заходишь? Что, дохода нет?

— Завтра придём.

Сколько раз выговаривал ему казачий голова:

— Герасим, когда угомонишься?

— Когда все деньги пропью.

В кабаке зашёл Стадухин, сел рядом с Герасимом, немного посидели, даже не выпили, ушёл.

— Мишка твой всё косоротится, добром не поговорит, — заметил Зырян.

— Купецкий сын, гордится, оттого и кочевряжится, стервец.

— Однако с тобой братается.

— Куда он без меня, на охоту вместе ходим, ратному делу учу.

— Знаем, какому делу учишь, — засмеялись казаки, громче всех сам Герасим.

Отряд Петра Бекетова всю зиму строил струги, вплоть до весны, а она неожиданно быстро разгулялась, в несколько дней тепло съело весь снег, потекли, зажурчали ручейки.

— Ранний ледоход ноне будет, — сказал Лука.

Сама река разбухла, потемнела, появились забереги. Казаки подтянули суда к берегу, на свободную ото льда воду. А вскоре с шумом, треском, грохотом, громоздясь друг на друга, глыбы льда поплыли вниз. Казаки стояли на берегу около стругов, баграми отталкивали льдины, близко проплывающие около судёнышек.

— Сколь широка река и величава, много шире Яика, — сказал Лука.

— Как лёд пройдёт и поплывём, дядя Лука? — спросил Яшка.

Это был уже не тот малец, что прибыл из Москвы, а высокий, не по летам, юноша. Всю зиму работал наравне со всеми.

— Не забоишься, Яшка, может у Мавры останешься?

Яшка отвернулся, запыхтел.

— Никак реветь собрался?

— Не возьмишь — бегом следом пойду.

К берегу подошёл сотник:

— Ну как? Всё готово к отплытию? — спросил Пётр у Луки.

На берегу стояла целая флотилия, состоящая из шести стругов.

— Сколь казаков набрал?

— Тридцать, да два толмача. Грузу много, на волоке трудно будет.

— Ничего, казаки привычные, — успокоил его Лука.

— Может в пути встретим Перфильева и Реброва, вон Васька вернулся, а их всё нет.

— Внизу они, сведений никаких нет, может погибли где.

Последние маленькие льдинки ещё плыли по Енисею, когда весь отряд собрался на берегу. Тут же отслужили молебен, батюшка крестным знаменем осенял казаков, желал, чтоб Божья удача не обошла их. Провожал весь город: старые и малые. Казаки приняли благословение и простествовали на струги.

— Ну, с Богом, — услышали на стругах команду сотника и разом взмахнули вёслами. Следом плыли охотники, купцы. Горожане стояли на берегу до тех пор, пока отряд не скрылся за горизонтом.



По Ангаре отряд Бекетова поднимался вверх до реки Илимки, по ней шли неделю, а вот на волоке до реки Куты, притоке Лены, пришлось трудно. Долго переносили грузы, струги. За бочонок вина казаки помогли купцу Федоту Попову и только в начале июня достигли верховьев Лены.

— Бугор, сын Владимиров, плыви первым, дорога тебе знакома, я за тобой, — приказал сотник.

По течению плыли быстро, остановки были редкими, только когда лил дождь, речные волны вздувались от сильного ветра и крупных капель дождя. Тогда на берегу разводили костры, варили горячий обед. Отдыхали, пока успокоится матушка-природа и снова в путь. Берега пустынные, заросли берёзой, сосной, ольхой, кустарником. Бекетов сидел на корме, чертил на бумаге места, по которым проплывали, отмечал притоки Лены. Так плыли до среднего течения реки. Здесь стали появляться конные разъезды, они сопровождали флотилию, стреляли из луков, но ширина реки велика и стрелы были на излёте, не причиняя вреда казакам. Одна такая стрела попала в струг Бекетова. Он её поднял и долго рассматривал, потом показал Луке:

— Смотри, как хорошо уделана. Тяжеловата, наконечник железный, древко из берёзы, не шероховато, ровное, из близости попадёт — глубоко в тело войдёт.

Бугор остановил струг, подождал, пока поравняются с сотником:

— Пётр Иванович, вон, на правом берегу, по-моему, струги атамана Галкина. Плывём к ним, выстрелю вверх, чтоб встречали.

Встречал весь отряд, радостно кричали, поднимали вверх руки. Тянули струги ближе к берегу, братались, били по-дружески друг друга по спине, плечам. Атаман и сотник, как положено на Руси, троекратно облобызались.

— Ну, зови в свои палаты.

— Какие палаты, несколько курных изб построили и всё.

— Чем же зиму занимались?

— Воевали, только пять мелких племён платят ясак и признали государеву власть, — жаловался Иван. — Да и как пойдёшь воевать,

силы-то у нас малые, а племена есть многочисленные. Давай объединимся, ещё на год останусь, одному тебе тоже не справиться.

— Вначале крепость построим.

Всё лето кипела стройка. На курные избы надстроили второй этаж, получилось подобие башни. Поставили стены-частокол со смотровыми башнями. Внутри острога построили церковь, съезжую избу, таможню, кабак, жилые дома. Вот так возник острог и назвали его Ленским. Это был центр новой волости. Близ растущие деревья все повырубали на строительство крепости, до леса далековато, зато издалека видно, кто приближается. Конец августа, белые ночи закончились, темень, хотя и короткая пока, наступила. А потому на каждой смотровой башне на карауле стояли казаки. Дмитрий с Лукой часто стояли вместе. Вдвоём веселее, по очереди спали. Как-то под утро несколько конников подъехали близко к крепости, обстреляли из луков. Лука доложил сотнику.

— Разведку посылают, — ответил Пётр. — Нужно всяк час быть готовыми. Тыгын грозился разбить нас.

— Чего ж летом не нападали?

— Скотоводы. Сенокос был, это для них самое главное, потому не трогали нас.

Здесь две самые крупные силы — у тойонов Тыгына и Легея. Каждый из них претендовал на власть над всеми племенами и меж собой враждовали. Тыгын сильнее и воинственнее борогонца Легея. Среди воинов Тыгына много батыров — так они называют особо храбрых и смекалистых. Тойоны — крупные скотоводы, во владения входят малые рода, много рабов из чужих племён, слуги свои же, из обнищавших родов. Живут тойоны самостоятельно, никому не подчиняются.

Сотник зашёл в приказную избу, там, как всегда, много казаков. Сидели вокруг стола, ели уху.

— Пётр Иванович, садись, ушицу похлебаем, — приветствовал Иван Галкин. — Подвиньтесь, братья-казаки.

Сотник сел рядом с Галкиным, тот подвинул свою миску поближе, подал ложку.

— Мыслью я, Тыгын напасть хочет, сегодня разведка их была.

— Правильно мыслишь, — подтвердил атаман, — днями ожидать надо.

— Дозорные посты надо бы за крепостью выставить, — предложил сотник, — пойду, своих пошлю.

— Лука, бери двоих, иди в засаду, — говорил сотник старому и опытному казаку, — если что, сам боя не начинай, беги в крепость, предупреди.

Лука взял Ярилку и Яшку.

— Яшку зачем? — возмутился Зырян. — Толку от него не будет. Уснёт.

— Забыл себя? — рассердился Лука. — Терпению учить буду, пусть привыкает.

Когда стемнело, троём тихо вышли из крепости, низко сгибаясь, пошли в сторону леса. Трава густая, высокая, правда, порядком пожухла, но спрятаться в ней можно.

В одну из таких ночей, под утро, послышался топот множества копыт, фыркание лошадей, негромкие голоса. Лука толкнул Яшку в бок:

— Яшка, у тебя глаз вострый, посмотри, что впереди.

Яшка продрал заспанные глаза, пополз вперёд и быстро вернулся:

— Дядя Лука, там большой отряд конников.

— Быстро в крепость, предупреди наших и, чтоб тихо было.

Когда Яшка тихо и незаметно исчез, следом за ним — Лука с Зыряном.

— Боя не примем, пусть думают, что ничего не знаем. Они внезапно хотят.

Яшка первым тихо постучался в тын крепости. Несмотря на раннее утро, на смотровой башне не спали:

— Кто там? — из башни на него смотрел Фёдор Чикачёв.

— Тихо ты, предупредить надо сотника, большой отряд недалеко от крепости.

— Ты первый что ли пришёл? Вон, Епифан Волынкин с Вычезжаниным раньше вас прибежали.

Тихо казаки заняли на башнях и вокруг частокола места, приготовились к отражению.

Когда немного рассвело, из леса галопом помчались всадники, подъехали к крепости, окружая её со всех сторон, думали, застали казачков врасплох, слезли с коней, побежали к частоколу.

Бекетов стоял рядом с Лукой:

— Подпусти поближе, высматривай тойона, бей по нему.

Казаки были хорошо вооружены, имели семь пушек, десять полковых пищалей, ружья, большие пушечные и оружейные запасы.

Крепость молчала до тех пор, пока толпы наступающих не достигли её на сто шагов, потом ударили все разом пушки, затрещали ружейные залпы.

Для наступающих это было неожиданно. Многие из них впервые слышали ружейные выстрелы и пушечные залпы, растерялись, не знали, что делать. Пушкари воспользовались их замешательством, били и били ядрами по скоплениям противника. Многие пали на землю мёртвыми, раненые громко кричали. Другие не растерялись, стреляли из луков, не видя цели. И, не причиняя казакам большого вреда, наконец, побежали врассыпную, ловили коней, старались убежать.

В это время открылись крепостные ворота, и казаки пошли врукопашную. Хотя в несколько раз больше было нападавших, но силы свои они распылили по окружности крепости. Этим и воспользовались казаки, пошли в атаку туда, где, по их предположениям, должен

быть Тыгын. Во всём железном облачении: шлем, кольчуга, щит в одной руке, в другой сабля, верхом на лошадях они представляли большую силу, от которой трудно отбиться.

— Секи, руби злодеев, — орал Герасим. Рядом с ним Михаил Стадунин. Когда казакам угрожала смертная опасность, купцы и охотники шли в одном ряду с ними.

— Ярилко, вперёд, тут ихний тойон, — кричал Лука. И откуда только столько прыти взялось у старика, поле битвы было его страстью.

Среди врагов выделялся своим колоритным видом седовласый высокий воин, его-то и заметил Лука. Неожиданно воин закачался в седле, затем рухнул с лошади на землю. Приближённые остановились, слезли с коней, старались поднять. Налетели казаки, кто сопротивлялся, порубили, других взяли в плен. Раненый в грудь воин истек кровью.

— Яшка, Герасим, несите его в крепость, — крикнул атаман.

Посмотрев внимательно на раненого, признав в нём тойона, атаман Галкин приказал:

— Уж не Тыгын ли это? Позовите Ваську, он его видел.

Васька подъехал, посмотрел на него, обозлился:

— Помнишь, как вы нас гнали? Теперь мы вас погоним. Говорил, давайте миром сговоримся, не послушал.

— Признал значит? — спросил Иван. — Верно Тыгын?

— Он, видел его несколько раз.

Казаки много слышали о его храбрости и потому считали своим долгом посмотреть на него. Раненый лежал на лавке, зло сверкал глазами. Тыгын среди своих низкорослых сородичей выглядел действительно богатырём. В аманатской избе вдоль стен стояли широкие лавки, посреди стол, вот и всё убранство. На всех лавках лежали раненые враги, сейчас они вызывали только жалость у казаков. Лука с Яшкой подходили к раненым и делали перевязки. Дошла очередь до Тыгына. Лука осмотрел ранение, покачал головой:

— По моим приметам не жилец он. Яшка, дай отвар.

Яшка поднёс, но Тыгын пить отказался. Лука хотел перевязать рану, тот оттолкнул его.

— Гордым хочет помереть, ладно не трогайте его.

Все вышли из избы, остались только Лука с Яшкой, добровольные лекари.

На второй день новое событие ошеломило всех.

Тойон борогонцев Легей, во главе небольшого отряда, прибыл к острогу. На верхушке пики были привязаны пять чернобурок и соболь, знак того, что он признает власть Белого царя и добровольно обязуется платить ясак.

Атаман Галкин и сотник приказали проводить его в приказную избу.

Толмач долго расспрашивал Легея, наконец сказал:

— Язык плохо знаю, только понял, что Тыгын хвалился перед всеми, что сам один разобьёт казаков.

Когда Легей ушёл, сотник сказал атаману:

— Трудно пришлось бы, если бы Легей помог.

— Знамо дело, — хмыкнул Иван, — не один день дрались бы.

Неожиданно перед ледоставом в Ленск прибыл коч Ильи Перфильева с юкагирскими князцами.

— Думали, не жив ты, — приветствуя Илью, сказал Иван. — Где пропал?

— Спустились по Лене до моря, повернули на восток, открыли реку Яну.

— Князцов зачем взял? — спросил Иван.

— Они поведали, что дальше на север есть ещё крупные реки, тоже текут в Ледовитый океан. Те места богаты рыбой, зверем, костью. Есть ещё река Нерога, там серебряная руда есть.

В приказной избе слушали рассказ многие казаки.

— Побывать бы ещё там, — говорили они, — сильный враг повержен, теперь здесь тихо будет.

— Не время ещё, — остудил их пыл атаман, — сил мало, года два обождите.

Все думали, что Перфильев с Петром будут опять ссориться, но он равнодушно смотрел на сотника и ничего не говорил. Видимо, время и трудные походы сделали своё дело, время вылечило раны.

— Здесь зимовать будете или как река встанет, лошадьми до Енисейска отправитесь? — спросил Галкин.

— Не знаю ещё, лошадей много надо, груз большой везём. Лошади здесь сами из-под снега корм добывают.

— По реке трава не растёт, по берегу лугов нет, плыли, всё кустарником да деревьями заросло, искать луговые места замучаешься.

— А то, может, нам поможешь воевать? — предложил Галкин.

— Попрошаю казаков, как они решат.



Борогонский тойон Легей обедал в своей главной ставке, рядом сидела молодая, редкой красоты якутка, любимая жена Отон. Такой богач может позволить иметь нескольких жён. Первую жену считал старухой и редко заглядывал к ней. Отон знала это, а потому капризам не было предела. Недавно Легей принимал у себя купцов из Ленска, купил жене всё, что понравилось: в чёрных смоляных волосах гребень покрыт позолотой, длинные серебряные серьги с красным камнем украшали маленькие ушки, на руках браслеты, кольца, даже платье не из замши, а из красного шёлка. Только ножки обуты в якутские ичиги, но голенище разукрашено цветными кубиками. Легей заплатил дорогой калым за её красоту. Отон из семьи, правда, небогатой, но жившей в достатке. Отец заломил такую цену, чуть не половину его состояния. Торговались долго, а Отон, хитрая бестия, заходила к ним, то кумыса принесёт, то кёрчах с ягодами, как будто дразнила его. Наконец отец сдался, всё-таки сильный, богатый зять, под его крылом жить можно спокойно, никто не тронет. Заплатил двадцать коров и три табуна кобылиц. Пухлые ярко красные губки так и хотелось нюхать-целовать. Щёчки нежные, как лепестки подснежника. В юрте, кроме их двоих, были слуги. Подносили супругам кушанья: жирные рёбрышки жеребёнка сменили на говяжьи языки, сорат, взбитые сливки, сметану. Легей всё запивал кумысом. Вошёл воин, дежуривший около входа:

— Господин мой, там тойон Кириной приехал.

— Приведи,— приказал он воину.— А ты, быстро в нашу спальню,— никому не показывал Легей свою красавицу.

Сам тихо встал с орона, пошёл к дверям встречать знатного гостя. Его ввели слуги под руки, у порога стоял сам хозяин, приветствовал гостя, проводил к столу. Слуги уже всё убрали и ставили новые яства — исходящие жиром внутренности кобылицы, большие трёхногие чороны до краев наполненные кумысом, куски мяса, масла.

— Уважь, друг, с дороги пообедай со мной.

Кириной сел рядом, взял большой кусок мяса, отрезал около губ ножом не таким как у них, а какие носят казаки. И одет был Кириной

как русский — в суконный кафтан и такие же штаны. На ногах сапоги, даже шапку казачью одел, на ремне болтается сабля. Но не принято хозяину первому начинать разговор, надо подождать пока насытится гость. Кириной долго ел мясо, запивал кумысом, довольно чавкая жёлтыми крупными зубами. Наконец насытился, вытер губы куском тонкой замши. Хозяин приготовился слушать.

— Ясак заплатил?

— В этом году ещё нет.

— Не плати, я платить не буду, отказываюсь. Со многими тойонами переговаривал, чтобы от государевой руки отложились. Те, которые не согласились со мной, решили платить, я их разгромил, живые испугались, убежали, говорят, дальше, на север.

— Ты же клятву давал на верность, а теперь предал.

— Не предал, передумал.

— Богатый, вон какую справу купил, — позавидовал Легей, — сколько соболей отдал?

— Нисколько, — засмеялся Кириной, — купцов ограбил и убил. Казаки отряд послали искать, мы их приняли с честью, а ночью всех сожгли.

— Заживо, спящих? Много?

— Двадцать шесть.

— Не боишься мести?

— На Алдан кочуем и тебе советую так же поступить.

Ещё поговорили немного и Кириной собрался в обратный путь. Легей проводил до дверей, дальше нельзя, таков обычай. Слуги подхватили его под руки, помогли усесться на коня.

Когда Кириной уехал, затих стук копыт его отряда, Легей задумался. Душила зависть, ему пришлось за все украшения и одежду для жены отдать сто соболей. А мог бы поступить как Кириной, так задумался, что даже не слышал, как вошёл воин и подошёл к нему.

— Что тебе?

Воин наклонился к нему близко, тихо зашептал:

— Батыр Кириная сказал, что они убили купцов и отряд казаков ночью в юрте сожгли.

— Утром поедешь в крепость, сдашь ясак и скажешь казакам, что рассказал тебе батыр.

А сам подумал: «Посмотрю, если Кириная не тронут, сам так сделаю».

Воины Легея сдали ясак, потом долго искали толмача, чтобы перевёл:

— Яшка, приведи татарина, их языки схожи, — приказал атаман.

Сдатчиков ясака пригласили в приказную избу, заставили повторить сказанное воином Кириной.

В избе сидели атаман Галкин, сотник, Илья Перфильев, Лука, Зырян и ещё с десятков казаков. Здесь полная свобода, кто хотел, тот и приходил и сживал часами за беседой.

— Так вот кто к шатости все племена призывал, тойон Ньюриктейской волости Кириней, — сказал Бекетов.

— Наказать надо, чтоб другим неповадно было, — сказал Галкин.

— Мы поможем, всем отрядом пойдём, — поддержал Перфильев.

— Пушки возьмём, в крепости малую охрану оставим, всеми силами навалимся, — загорячился Герасим, — отомстим за братьев-казаков.

— Далеко ли до Алдана? Кто там бывал?

— Были с Лукой и Зыряном в тех местах, путь известен, — вступил в разговор Фёдор Лузенин, — со скотом далеко не ушли, ещё догоним.

— Отряд Ермолина пожгли, — сообщил Лука Якову.

Яшка целыми днями учил ратному делу Типла, сына хана Ингена. Не захотел возвращаться в своё стойбище Типл, отцу сказал:

— К сильным пойду, не хочу по лесам прятаться, как Тапкай.

Казаки искали Тапкая, но не нашли, видимо, почуял беду и увёл свой род в лесные дебри. Скрывался даже от своих соплеменников. За годы Типл подрос, служил у казаков толмачом. Он принял христианскую веру, дали ему русское имя Ефим. «В казаки примем годика через два, мал ещё», — пообещал сотник. А Яшка за последний год вдруг резко пошёл в рост, из неуклюжего подростка превратился в статного, красивого юношу, даже усы пробились, кудрявый русский чуб, широкие брови вразлёт нависали над глубоко сидящими глазами, оттого темно-синие глаза казались в гневе чёрными. Его недавно поверстали в казаки, дал клятву верности казаческому братству и впервые по такому торжественному случаю Яшка выпил чарку вина.

Когда Лука сообщил Яшке, что отряд, в котором был Игнатий, погиб, резко сказал:

— Значит Игнатий сгорел? Мстить пойду за него!

— Рано ещё, бой крепкий будет, племя большое.

— Я казак, ты не должен держать меня.

— Тогда велю в дорогу собираться.

Не один день гнали коней к стойбищу Кириней, его на старом месте не было, откочевал. Однажды перед большим лугом Лука слез с лошади, пошёл по примятой траве, по следам, только ему одному понятным, сзади Фёдор Чикачёв. Шли долго, остановились на часок, отдохнули, снова в путь, следом отряд казаков.

Примятая трава не могла скрыть множества следов, оставленных скотом и людьми.

Наконец Лука остановился, подошёл к сотнику:

— Недалеко коровье стадо, пойду разведую.

Не было долго, Галкин начал нервничать:

— Зря отпустил одного, вдруг попал в засаду.

— Жди, придёт, бывалый.

Лука действительно вернулся, да не один, а с чумазым подростком:

— Это раб Кириней, путь укажет.

В стойбище Киринаея никто не ждал нападения, шла мирная жизнь. Около урасы разложены дымокуры, из камельков вились чёрные дымки, хозяйки варили ужин. В центре стойбища большая юрта с шестом, на вершине которого болтались хвосты соболя и чернобурки.

— Вот эта юрта тойона?

— Эта, — указал мальчишка на юрту поменьше, — его воинов.

На краю стойбища стояли балаганы:

— Не бейте по ним, — просил подросток, — это мои сородичи, рабы.

Лука и его дружок Дмитрий настроили пушки и через минуту прогремели залпы. Ядра летели точно в юрту Киринаея, а Димка ещё всадил и на крышу, где находились воины.

— Теперь стреляйте из всех ружей подряд, — приказал сотник.

Шум, крики, стоны, плач — всё смешалось в стойбище.

— Берём всех в копья, — орал Яшка и первым бросился к юртам.

— Поджигай, — вторил Лука.

Мальчишка, напуганный боем, побежал к своим, те сгрудились около балаганов, в страхе ждали, что будет дальше. Мальчишка раскинул руки перед родичами, кричал:

— Не бейте, не убивайте.

Страшны казаки в атаке, а теперь ещё мстили за своих товарищей, мстили без пощады. Пылали юрты, метались живые люди, коровы, лошади.

— Коров и лошадей не трогайте, пригодятся, — в громе криков слышался приказ сотника.

Мало кто остался в живых. А тех, кто остался, рабы били палками, женщин таскали за волосы, мстили своим обидчикам.

— Теперь пусть покажут место, где лежат убитые купцы, — попросил Федот Попов.

— Темно уже, с утра покажут.

Военная добыча была огромной, стадо коров, наверное, с полутысячи и табуны кобылиц не считаны.

— Половину стада погоним в крепость, с молоком жить будем, — распорядился сотник, — половину оставим здесь.

— Содержать кто будет?

— Да они, — указал сотник на рабов.

Федот Попов зашёл в юрту Киринаея, его и всех домочадцев разнесло ядрами, но полностью она не сгорела, в углу, за хозяйским ороном, нашли товар купцов.

С утра казаки занялись своими заботами. Кто в уцелевших юртах искал меха, молодые за волосы тащили в лес якуток. Они визжали, царапались. А рабы одобрительно смеялись.

— Что будем делать с бабами и детьми? — спросил атаман сотника. — Юрты все пограбили, другие сожгли и разрушили.

— Пусть похоронят своих убитых, пока мы здесь отдыхаем.

Рабы отвели казаков на то место, где похоронены купцы. Вырубили из берёзы крест, поставили на могилы. Юрта, в которой сожгли казаков, обрушилась, якуты закидали сверху землёй, получился большой холм.

Киринееву центральную усадьбу разгромили, остальная часть племени жила разбросано, в пяти-десяти километрах от него. Часть казаков, во главе с Бугром, проверили всех, показали рабы и рапортовал Бекетову:

— Люди все разбежались по тайге, юрты пустые, коровы бродят между юртами. Мы всех пригнали сюда.

Оставшихся в живых нюриктеев заставили раскопать сожжённых казаков.

— Пусть посмотрят на дела свои.

Трупы решили прижать земле в братской могиле. Могилу своим побратимым копали сами. Остались от казаков чёрные обгорелые головёшки, не узнать. Только Яков признал Игнатия по выбитым в бою передним зубам. Яков как увидел, слёзы закапали, в горле комок застрял, убежал в кусты, чтобы никто не увидел слёз его. Что-то оборвалось в душе, можно сказать родного человека потерял. Лука заметил, пошёл следом:

— Не след казаку придаваться горю.

— Если бы в бою убили, а то заживо сгорел. Один ты у меня остался.

— Не один, посмотри, сколько казаков и все твои братья. Пойдём к ним.

На братской могиле поставили крест, отслужили молебен, оставили десятника Василия Бугра с товарищами строить новую крепость.

Обратно ехали молча. Не радовала большая добыча, не радовала победа. С той поры не стало веры к саха урянхаям. На клятвы, на услужливые поклоны, на лстивые речи один ответ:

— Надо проверить, может опять обман.

Илья Перфильев ехал рядом с сотником и атаманом Иваном Галкиным:

— Трудно нам здесь мир установить.

— В Западной Сибири проще, там племён мало, — добавил Галкин.

— Дальше на север племена тоже редкие, — сказал Перфильев, — сотни казаков хватит.

— Поживём, посмотримся, решим сколько послать, ответил Бекетов.



Всю зиму два отряда атамана Галкина да сотника Бекетова не знали отдыха. Ходили по улусам, призывали тойонов принять высокую государеву руку. К весне военный пыл тойонов иссяк, вся часть средней Лены приняла подданство Белого царя, так они именовали русского государя. Принимали христианскую веру: новокрещённые несли службу в качестве рядовых служивых людей и получали за это жалование рублёвым окладом и хлебом. А крещёные тойоны получали звание «сына боярского».

Весна пришла как-то неожиданно, под сияющими лучами солнца обновлялась природа, прошёл ледоход. Когда Лена очистилась ото льда, Перфильев засобирався в дорогу с большой данью в Енисейск. За ледоходом плыли струги новоприбывших купцов, охотников, казаков. На Руси стало известно о богатой далёкой реке. Охотников влекли рассказы бывавших здесь служивых, купцов о богатых охотничьих угодьях, хотелось попытать счастья, разбогатеть. Казаки стремились на службу, на годовальщину, может дольше, как придётся. Иные купцы, сами не хотели рисковать, искали верных людей и отправляли приказчиками с товаром. На трёх стругах прибыли приказчики Еремей и Антип. Они сошли на берег, раскланялись перед атаманами и сотником.

Еремей с плутоватыми глазами, рыжебородый, больше похож на татарина, льстиво заглядывал в глаза, говорил:

— Видел на Москве дьяка, Ваську Пояркова, сказывал, что воеводы собирают большой обоз, путь держат к вам. От Енисейского воеводы Кондырева указ имею. Зову ко мне на струг, попируем.

— Вино есть? Мы своё давно выпили.

— Имеется и вино, и табак.

— Табаком не балуемся, ещё царь-батюшка, Михаил Фёдорович, за такое зелье наказывал.

— До царя-батюшки далеко, до Бога высоко. А мы балуемся, хорошо на досуге, после чарки вина табачку выкурить.

— Уломал, уломал, — захохотал Иван, — пойдём.

У приказчиков струги забиты товарами. На одном из них расположились два атамана, сотник и приказчики. Пили вино, вели беседу.

— Что там воеводушка Ждан Кондырев сообщает? — спросил Бекетов у Ивана, который читал указ.

— Сообщает, чтоб готовились к прибытию воевод, избы для них строили.

— Сколько же их прибудет? — спросил Пётр.

— Двое, Поярков сказывал, дорога дальняя, мало ли какой случай, заболел, утонет или ещё что.

— Видел я их на Москве, огромные обозы с запасом на три года, — вступил в разговор Антип, — но будут здесь не скоро, может через год-два.

— Сколь товару привезли, с кем торговать будете? — спросил Илья. — Непокойно ещё здесь, убивают и грабят вашего брата, да и охотников тоже.

— Не все, есть спокойные улусы, — возразил Галкин.

— Мы с ратными людьми пойдём, они в трату не дадут.

— Больше на север не ходок, — заявил Перфильев, — в Москву напрошусь с государевой казной.

«Зря челобитную не отправил, — подумал Бекетов, — сейчас точно вместо Болкошина он станет казачьим головою в Енисейске». Но вслух ничего не сказал.

— Разбогател? — нацелил хитрый глаз на Илью Еремей.

— Не беден, — рассмеялся атаман.

Сколько сдал соболей, сколько попридержал, никто не скажет, казаки умеют держать язык за зубами.

Еремей набил табаком трубку, протянул Илье:

— Спробуй, хорош табачок, да расскажи, где побывал? Что повидал?

Илья затынулся, закашлялся, покачнулся, откинул голову за борт.

Еремей захохотал:

— Это попервам, пообвыкнуть надо. А ты, Пётр Иванович, тоже спробуй.

— Давай.

Илья пришёл в себя, передал трубку Бекетову.

— Здесь, на Лене, небо сияет слабо, а вот на Яне, особенно внизу, такое небо ночью зимой, разноцветные огни горят, как будто купаешься в этом сиянии. Закончатся огни, луна светит ярко, как день, всё видно, — начал свой рассказ Илья, — зимою ночи длинные по двадцать часов и больше.

— Совсем дня нет? — удивился Антип.

— Да нет, в середине дня, не день, а серая муть. Морозы трескучие, надобно одёжу носить только из меха. Зато летом солнце не заходит, всё время день.

— Вот бы там побывать, посмотреть своими глазами, — заговорил Еремей.

— Побываешь, какие твои годы. Ну посидели, теперь пойдём с вами в кабак, к казакам, надо с ними проститься, — сказал Илья.

Пьяный атаман хвастался в кругу казаков:

— Открыл реку Собачью, то бишь Яну, обложили юкагиров данью. Вот привёз с собой двоих родоначальников. Герасим, позови их, вином угостим. В низовье стоит на левом берегу зимовье, Жиганском называется.

Герасим привёл вожakov рода, посадил рядом с атаманом, доложил:

— Гуляют по крепости, везде заглядывают, всё руками трогают.

— Сроду ничего, кроме тайги да тордохов не видывали, потому и любопытствуют, чтоб потом своим рассказать, — ответил Илья.

— Не убегут?

— Куда? С вами пойдут на Яну. Они говорят, дальше на восток есть ещё большие и богатые зверем и рыбою реки и текут они тоже в Ледовитый океан. На Яну можно попасть и сухопутьем. Выходить надо в конце зимы, может, проводника сыщете.

— Сами отыщем, — заявил Постник.

— Атаманы твои не знают? — интересовались казаки.

— Говорят, горы переходить надо, а перевал в горах не ведают.

Антип вытащил кисет с табаком, набил трубку, раскурил, положил на стол:

— Трубку люблю. Курите?

— Слыхивали про табак, сами не пробовали. Ну-ко, дай, затянусь, — проговорил Герасим.

— Курите, денег не беру. Куда его? Никто не курит. Разве что себе оставлю.

Задымили все, не продохнуть, кашляли, плевались.

— Зелёе и есть зелёе. Вина бы дал.

— Торговать пойдём, дам.

— Скоро поплыву со своей ватагой в Енисейск, так что прощайтесь, братья-казаки, — стал прощаться Перфильев.

— Вместе поплывём, — вторил Галкин, — я тоже с ясаком плыву.

После рассказов Ильи о новых землях и их богатстве многие казаки решили побывать там.

— Я с отрядом пойду, — заявил Зырян.

— Молод ещё, опыта мало, — отрезал сотник.

— Тогда отправьте меня на разведку, — продолжил Постник Иванович по прозвищу Губарь.

— На следующий год, как потеплеет, покумекаю кого отправить.

Многие дела решались в кабаке за чаркой вина.

Фёдор Чикачёв и его дружки: Вычегжанин, Евдоким Курсов, да Фёдор Устьцельменец через сутки несли гарнизонную службу.

— До чего приелась гарнизонная караульня, — заговорил Евдоким. — Федька, попросим сотника, чтоб отправил с отрядом.

— Лучше челобитную сотнику напишем, — предложил Устьцельменец.

— Вот ты славно придумал.

Сказано — сделано. Челобитная в тот же день была у Бекетова.

— Готовьтесь, пойдёте, — пообещал он, — с отрядом Постника.

В конце зимы, когда день стал длинным и закончились морозные туманы, сотник позвал к себе Губаря:

— Постник Иваныч, просился на разведку? Ныне велю собираться.

— Я готов, Пётр Иваныч, скольких казаков взять можно?

— Разрешаю числом тридцать.

Когда Дмитрий Зырян узнал, что его не берут в отряд, рассерженный пришёл к сотнику:

— Пётр Иваныч, прошу меня отправить с Губарем.

— На следующий год отряд возглавишь, на перемену Постнику.

Искали проводника, который бы знал горный перевал и, как не странно, но помогли в этом князцы, которых привёз Илья Перфильев. Повадились они в приказную избу, часами на полу сидят, ничего не говорят, прислушиваются к разговору казаков. Не раз им говорил сотник:

— Сходили бы на охоту, чем тут без дела сидеть, Митрий, сходи с ними, может бояться.

— От караульной службы освободи, — попросил Зырян.

Они-то и привели измождённого соплеменника:

— Из плена освободили, — объяснил Зырян, — соплеменник ихний, перевал ему ведом, только он не с Яны, а с Индигирки.

— За перевал часто ходил на охоту, — рассказал о себе пленник, — глухарей бил. По осени поймали меня хосууны, привели к себе в стойбище, кормили плохо.

— Имя твоё как?

— Имчен.

— Перевал укажешь?

— Укажу, если отпустите.

— Всех отпустим, — ответил сотник, — вон ещё отроки одноплеменники ваши, их заберёте, рабами у Кириanea были.

— Мальцов не возьмём, — запротестовал Губарь, — дорога дальняя, неизвестная.

— До перевала дойдёте, там Имчен позаботится о них. Имчен, не бросишь их? — спросил сотник.

— Не брошу, с нами жить будут.

Отряд Постника был готов к походу. Ждали только, когда пройдёт разгулявшаяся вдруг метель. А она несколько дней не успокаивалась. Когда закончилась, всё кругом обновилось, покрылось белым сияющим снегом. Следом за метелью ещё одно приключение задержало отряд. Пропали князцы и Имчен с ними.

— Сбежали, — огорчился Постник, — теперь самим придётся тот перевал искать.

— Подожди немного, пойду у мальчишек узнаю, — сказал Лука.

— Так и есть, мальцы говорят, на охоту ушли, в дорогу мясом запастись.

Юкагиры вернулись на другой день, лыжи приспособили под волокушу, на ней лежал лось.

— Далеко ходили, — радостно сообщили они Губарю, — надолго мяса хватит.

— Предупреждать надо, без вас хотели идти.

— По следам догнали бы.



Зырян с Яшкой несли караульную службу на надвратной башне:

— Замёрз я, а целая ночь впереди, — жаловался Яшка.

— Тебе Лука говорил, оденься потеплее, а ты «зима на исходе, не замёрзну», — передразнил его Дмитрий.

Яшка переминался с ноги на ногу, старался согреться:

— Собачья служба, — ворчал он.

— А ты думал, казаки только вино пьют?

Лука чуял, а может знал, внизу заскрипели шаги:

— Где вы тут, сосунки?

— Здесь мы, дядя Лука.

— Слышу, зубами застучал от холода, на вот тебе, Яшка, иди сюда.

Лука принёс тулуп, в нём что-то было завёрнуто. Из развёрнутого тулупа достал котелок с мясом.

— Ну, дядя Лука, как догадался?

— Ешь, не разговаривай.

— Теперь мороз не страшен, в желудке горячо — телу тепло, — повеселел Яшка после ухода Луки.

Завернулся в тулуп, сел в угол и засвистел носом. Часа два поспал, Зырян разбудил:

— Теперь я посплю, ты постой.

Но уснуть Дмитрию не пришлось.

— Митрий, как будто полозья скрипят, слышишь?

— Кто бы это мог быть? Как назло туман поднялся, ничего не видеть — всматриваясь в ночную темь, сказал Зырян.

Полозья заскрипели ещё ближе, послышалось фырканье лошадей, и к воротам подъехал обоз.

— Наши едут, пойдём встречать, — и Яшка с Зыряном спустились вниз.

Обоз остановился у ворот, громко застучали:

— Спите что ли?

— Идём, идём, — радостно ответил Яшка.

Казаки с трудом узнали десятника Постника Губаря и его спутников.

— Вот черти, еле узнал вас.
— Пройдёшь за год такой путь, как мы, тоже отощашь и обносишься.

— Федька с вами? — спросил Зырян.
— Там остался с пятнадцатью казаками.

Несмотря на глубокую ночь, весть о прибытии обоза быстро разнеслась по Ленску, сбежались все казаки во главе с сотником. Бекетов приехал из Енисейска на вторую годовальщину. Только считалось, что в экспедицию на новое место посылают на год, на самом деле первая годовальщина Ивана Галкина длилась два года, а Бекетова — два с половиной. И теперь неизвестно, сколько времени пробудет здесь сотник, пока пришлют новый отряд на перемену.

— Павел, — окликнул сотник рослого казака, — Хабаров, чёрт глухой. Помоги с обозом, не видишь, казаки устали, даже нога за ногу заплетается.

Несколько казаков бросились на помощь, обоз поставили около амбара, коней обтёрли, накрыли попонами, бросили сена.

— Отдыхайте с дороги, завтра отчитаетесь.

Только на следующий день к вечеру Постник с казаками появился в кабаке.

— Ну, рассказывай, где побывал, что повидал?

— Вышли мы чрез хребет, дальше не знаем куда, пошли наугад, через месяц вышли к какой-то большой реке. Так намучились, идя по дебрям, как Илья, назвали реку Яну Собачьей.

— А что, князцы дорогу не показывали? — удивились казаки.

— Они как перешли перевал, в другую сторону отправились, к своим. На Яне, дескать, ламуты кочуют, ещё в полон возьмут. До ледохода струг построили, спустились вниз, остановились в среднем течении, построили острог, Верхоянском назвали. Федька остался там.

— Перевал как миновали?

— Верхоянский хребет? Так его издалека видно, метки всю дорогу оставляли, крест христианский, блудить не будете. С нами якуты шли, тоже видать о богатствах той реки прослышали.

— Как иноземцы встретили?

— Пытались якутов выгнать со своих земель, пришлось вступить, они бы не справились. Много их собралось. Заявили нам, якобы, якуты заняли их охотничьи угодья. Сцепились, крепко дрались, многих побили, а иные израненные ушли.

— Угодья богаты ли? — интересовались охотники.

— Богаты и зверем, и рыбой. Тайга там нехожена, зверь непуганый, охотникам раздолье. Не то, что здесь, якуты давно пушного зверя повыбивали, — говорил Губарь.

— Так здесьлюдно, дьяк рассказывал, тыщ двадцать будет, а может больше, — сказал сотник.

— Сами охотились?

— Вестимо. На государево жалованье не проживёшь, — не скрывал Постник.

— Я скупаю для государевой казны, — подтвердил Бекетов, — у казаков и иноземцев, деньги выделили в Сибирском приказе. Пойдёшь ещё в экспедицию?

— Малость отдохнуть надо, путь дальний, тяжёлый.

Утром сам сотник зашёл в избу, где жили Зырян, Лука, Яшка, Дежнёв, Типл, Попов Федот. В избе у входа большой стол, в углу слева камелёк. К задней стене избы примыкают широкие полаты, на которых вповалку спали казаки. На скрип дверей казаки проснулись, сели, потягивались.

— Митрий Михалыч, иди на перемену Постника. Да торопись, времени на сборы мало. Только девятнадцать казаков с тобой пойдёт, боле нету.

— Я с ним пойду, — отозвался Федот Попов.

— Ваше дело купецкое, с кем хотите, с тем идите, можете сами вагату собрать. Лука, получи скобы, гвозди, бумагу, пороху — вобщем всё необходимое.

— Сами знаем, не впервой, — ответил Лука.

Как всегда перед дальней дорогой, отслужили молебен, получили благословение от сотника. Службу правил простолюдин, священнослужителей ещё не было.

В поход пошли ясным весенним днём, впереди Дмитрий. Обоз растянулся на целую версту, у каждого казака по два коня. Один под седлом, второй с поклажей, да с десяток нарт под грузом. Рядом с Дмитрием провожатый Постник.

— Держитесь этих меток, — напутствовал Губарь, указывая на деревья, где были высечены на уровне человеческого роста кресты, — не заблудитесь, точно к перевалу подойдёте. Ну, с Богом, я возвращаюсь обратно.

В первый день прошли вёрст двадцать, не больше.

— Здесь ночлег устроим, — объявил Зырян.

— Что так? Могли бы ещё проехать, не устали, — сказал Федот, у которого под товаром занято несколько лошадей, ему помогали Яков и Типл.

— Для начала хватит, завтра в путь поднимаемся ранним утром, остановимся поздно.

Так экспедиция спокойно, без происшествий, ехала целый месяц. Только когда вдали завиднелись горы, встретили хосуунов-удальцов, разведчиков новых земель. Они подъехали к Зыryanу поделиться об увиденном. Эти смельчаки ходили через перевал в поисках удачи:

— Далеко ходили, всю зиму жили только одной охотой, встретили какой-то род, хотели ограбить, но они оказались проворнее нас. Обстреляли стрелами, гнались за нами, еде удрали.

— Поранили? — спросил Дежнёв, он немного понимал якутский и теперь переводил.

— Нет, у них стрелы с костяными наконечниками, наши панцири не пробивают. В тайге зверя много, в реках — рыбы. Лугов около рек, озёр не счесть, скот можно разводить. За своими сородичами вернулись, всем родом уйдём в те края.

Якутские разведчики отдохнули, Семён Дежнёв ещё поговорил с ними и они уехали.

А горы всё ближе, всё дальше отряд шёл в неизвестность, только Лука задавался вопросом, что их там ожидает, мирно ли примут их иноземцы или воевать придётся. Он смахнул снежный куржак с бороды и усов, оглядел отрядников и увидел, что все весёлые, переговариваются меж собой, другие мурлыкают себе под нос. Ни о чём не думают, молодые, что с них взять.

Подъезжая к Верхоянскому хребту, заметили саха урянхаев, ничего хорошего ждать от них не приходилось, а потому остановились от них за полверсты.

— К отдыху надо подготовиться, — сказал Дмитрий.

Казakov не надо подгонять, каждый знал свои обязанности. Лука варил мясо, Дежнёв заготавливал дрова, Яшка расчищал от снега площадку, где они должны расположиться на сон. Лузенин Фёдор и Вычегжанин рубили лапник, застилали место отдыха. Федот Попов помогал Луке. Остальные, во главе с Семёном Моторой, сидели на карауле.

И каково же было их удивление, когда к ним пожаловали сам родоначальник с шаманом.

— Лавкей я, — сказал он, — от Сахея ушли.

Зырян ничего не понял:

— Яшка, зови Дежнёва он кумекает по ихнему.

— Садитесь с нами, — пригласил их Лука.

Из расспросов узнали, что бегут от своего же тойона, надоело жить в услужении, работать на него, хотят жить самостоятельно, да и сохранить свой, и так ставший немногочисленным, род.

— Решили искать благодатные места на севере, а наши разведчики уже побывали по другую сторону гор, за перевалом. Искали соплеменников, которые ушли раньше их. Чужое племя побило всех, потому что хосууны увидели только несколько лошадей и трупы мужчин, женщин и детей увели, наверное, в рабство.

На следующий день Лавкей позвал казаков на обед. Убили лося, наварили мяса. Казаки пришли в стойбище, Зырян сел рядом с Семёном, чтоб переводил. Прислуживали женщины и подростки. Каждому в деревянное блюдо положили по большому куску мяса. Сидели одни мужчины, вели деловые разговоры.

— Ближе, на восход солнца, там есть многочисленные племена шитолицых — чукчами называются. Мужчин всех убивают, а детей

и женщин уводят в рабство. Все племена их боятся. Воинственные и жестокие, — рассказывали разведчики, — земли там богатые зверем и сенокосными угодьями. Реки, озёра полны рыбой.

Под навесом из тонких лиственниц стояло стадо коров, хрумкали сено. Вдали виднелось стадо кобылиц. Лавкей заметил, что казаки смотрят в сторону животных, сказал:

— Это всё, что нам удалось угнать.

— Не преследовали?

— Нет, с казаками собираются воевать. Мы от них далеко зимовали. Пока хватятся, распутица будет, не догонят нас.

Рядом с Лавкеем сидел шаман с густыми чёрными, как смоль, волосами, заплетёнными в косу и с подозрительным выражением глаз.

Там, видимо, и присмотрел купец Федот Попов Урумэччи, когда девушка подносила ему мясо и с улыбкой поглядывала на него.

— Когда пойдём через перевал? — спросил Семён Мотора.

— Лошади отошали, надо подкормить, да и самим отдохнуть.

Федот стал бывать каждый день в стойбище и всё норовил подойти к девушке. Но стоило только приблизиться, она со смехом убегала, и опять призывно блестели её глаза. Видимо понравился сановитый купец, благородный на вид, лицо хотя и плоское, но приятное.

Первым заметил Лука:

— Девка приглянулась, дак купи.

— Думаешь, отдадут за русского?

— Хороший калым дашь, может, согласятся.

— Лука, пойдёшь со мной сватать? — спросил Федот, — вот только на калым что дать, не знаю.

— Больше всего ценят железо.

— Может пару ножей? Или котёл?

— Что попросит. Дежнёва и Семёна Мотору возьмём с собой, они жили два года среди них, обычаи знают.

Когда к балагану Лавкея, покрытого конскими шкурами, пришли казаки, сразу догадался, о чём пойдёт речь, но виду не подал. Рядом с ним на медвежьей шкуре сидел шаман, внимательно рассматривал мужиков.

Казаки принесли полный мешок мяса. Около ног Лавкея Дежнёв положил несколько шкурок чернобурок и вышли.

— У них при сватовстве так положено, — объяснил он Федоту.

Когда сваты вышли Лавкей спросил шамана:

— Отказать? Всё-таки дочь.

— Нельзя отказывать, на новые земли идём, защитят. Калым железом бери.

Шкурки чернобурок сразу исчезли за спиной родоначальника.

Когда казаки вернулись, чернобурок не увидели, значит сватовство состоялось, теперь можно договариваться о калыме. Эту заботу

взял на себя Дежнёв. Лука ушёл варить мясо на костре, юрты не ставили, всё равно скоро уйдут из этих мест. Договорились за два ножа, топор, для батыра — копьё, железный шлем и латы.

— Свадьбу играть не будем, в дорогу пора, — предложили сваты.

— Приданного у неё нет, берите как есть, — отрезал отец, жалко ему стало коров и лошадей, в новом месте, где скот возьмут, — только одежду дам.

Так Федот в дороге обзавёлся женой, только отслужили молебен, службу правил Лука.

На другой день к вечеру повстречали отряд знакомого по Ленску Ивана Родионовича Ерастова из Красного Яра.

— Иван Родионович, с нами пойдёшь на Яну или своим путём? — спросил Дмитрий.

— Своим путём, отдельно. После вас перевал пройдем и повернём на восток.

Через несколько дней подошли близко к хребту, гребня не видать, весь в тумане. Когда он рассеялся, стало видно, что облака задевают за верхушку, настолько он высок.

— Переходить будем к вечеру, когда снег сверху подмёрзнет, а внизу ещё рыхлый. Будем проваливаться и меньше скользить. В седле не усидеть, опасно, в поводу лошадей поведём, — советовал хосуун Лавкей, — перевал крутой, берите в руки палки.

Шли тихо на расстоянии друг от друга. Тропа вьётся зигзагами по круче, потому продвигались медленно. Шли больше версты под тусклым небом, среди голых скал, снег скрипит под ногами и под копытами лошадей. Хребет миновали благополучно, остановились, оглянулись назад и долго смотрели на горы. Теперь они кажутся не такими страшными как перед переходом, а прекрасными и величественными.

— Подождём тестя, — предложил Федот, — как они? С нами пойдут или нет.

Остановились около большой лиственницы, где на высоте человеческого роста высечен православный крест.

— Наши проходили, казаки Губаря, — заметил Дежнёв.

— Лавкей, вы с нами или сами по себе?

— По вашим следам пойдём, у нас коровы, лошади, часто отдыхать будем.

— По меткам идите, — показал Попов Лавкею крест на лиственнице, — не заблудитесь.

Отряд продвигался по снежной целине, ехали долго, никого не встречая в пути. Однообразная утомительная езда вызывает дремотное состояние, только иногда помешает куропатка, вспорхнувшая из-под копыт лошади. Уставший всадник вздрогнет и опять повесит голову. Через десяток дней путешествия по белому безмолвию решили основательно отдохнуть и поохотиться.

Перед обедом вдруг подъехал на олене к ним ламут, чем очень удивил казаков.

— Чоола я, у нас Постник был, у него огниво видел, — объяснил через Типла ламут, у них языки схожие, — ясак взяли и дальше уехали. Огниво у вас есть? На соболишек выменяю.

Все посмотрели в сторону Попова, тот сидел рядом со своей Урумэчи, оживленно жестикулируя, видимо, жена ещё плохо понимала русский язык.

— Федот, огниво есть на продажу?

— Есть, — и долго учил Чоолу, как им пользоваться.

Когда сделали запас мяса, ранним утром пустились в путь. Яркая луна освещала дорогу, а потухшие звёзды говорят, что заря недалеко.

Перед самой Яной встретили ещё ламутов, те тоже попросили огниво продать и заплатили дань.

— Откуда они узнали? Сорока на хвосте им новости приносит что ли? — спросил Яшка.

— Нам только кажется, что они ничего не знают друг о друге. Есть в них что-то такое, которое нам не понять, — ответил Лука, — эти народы долго будут загадкой для нас.

Впереди ехал Лука, показывая пример терпения и выносливости, следом — Семён Дежнёв, его тезка Мотора под стать Луке. «Да и слабых в такой поход не брали, не выдержат», — думал Яков. Он пытался не отставать, но к концу дня от непривычки столько времени проводить в седле, невероятно уставал, но никогда бы не признался Луке. Зато тот всё понимал, смотрел на своего воспитанника насмешливо:

— Что, отрок, устал? — и первым шёл за дровами для костра.

— Ну и мужик, — восхищался им Дмитрий, — корабел, кузнец, воин, для нас дар Божий.

— Забыл? Ещё и батюшка, — захохотал Федот Попов.

— Ты шибко-то не хвали, — нахмурился Лука.

Через месяц напряжённого пути, наконец, достигли Верхоянска.

— А мы давно заметили вас, — ещё издали кричал Чикачёв, — вот уж радость, так радость.

— Евдоким, вари мясо.

— Всю дорогу ели мясо, надоело, может рыба есть?

— Найдём, муки привезли? У нас давно закончилась, хлебушка охота.

— Сегодня пир горой закатим, у нас и вино есть, — говорил Зырян, троекратно целуясь с Федькой.

Весь вечер и всю ночь гуляли казаки — пили, пели, плясали. Утомились только поутру.

— Фёдор Алексеич, караул не ставишь? — видя, что все казаки утомились, улеглись вповалку прямо на полу, спросил Лука.

— А кого нам бояться? Поначалу, правда, налетали не один раз янские ламуты. Да что они могут сделать против ружей со стрелами из

кости, никакого вреда не причиняли. Копья грубые, с остриём из мамонтового бивня, прикрученные к дереву тальниковой лозой, топоры такие же. Да и ростом они против казаков как дети малые, низенькие. Сейчас притихли, платят ясак и присягнули на верность государю.

Последние слова Лука уже не слышал, усталость сказалась. Уснули все мертвецким сном. Не знали янские племена — сейчас, сонных можно бы порубить всех.

Несколько дней хватило казакам, чтоб основательно отдохнуть, восстановить силы. Однообразие надоело быстро, хотелось что-нибудь делать.

— Семён Иваныч, — обратился к Дежнёву Зырян, — с ясаком обратно в Ленск отправлю, не супротив?

— Как скажешь.

— Я повезу, надоело здесь, — обозлился Чикачёв.

— Погоди, не спеши и тебе дело найдётся.

— Что задумал, Митрий?

— Может, в новые землицы пойдём, на Индигирку. Как, казаки?

— Пойдём! Куда ты, туда и мы.

В избе жарко топился камелёк, на нём в большом котле Урумэччи варила уху. Она легко двигалась по избе, мягко шурша торбазами. «Не зря назвали её Урумэччи, что по-русски значит бабочка, — думал Дмитрий, — бабочка и есть: лёгкая и быстрая».



Большее года как появился у Герасима, кроме Кольки Габышева, ещё один верный дружок Терентий Нестеров. Куда бы ни шёл или не скакал, они всюду рядом с ним. В рот смотрят, любое желание выполняют.

— Весело с ним, — говорили они казакам.

Сразу после ледохода, в середине мая, отправил их атаман с Павлом Хабаровым вверх по Лене изучать притоки её. Хабаров подробно описывал, рисовал чертежи земель, даже нашёл залежи соли и пахотные земли.

Только не интересовали Герасима ни новые находки, ни красивые места:

— Пусто здесь, людей нет, скушно. И почему якуты здесь не селились? Смотри, сколько лугов сроду некошенных и теплее, чем там.

— Кто их знает, — отвечал Хабаров, — думаю, вместе хотели жить.

— Хотели да теперь расхотели, на север бегут.

Одно занятие у Герасима — ловить рыбу, стрелять дичь — кушать ведь надо. И такое, по его понятиям пустяковое дело, так надоело, что сказал Хабарову:

— В Ленск поплыву, не антиресно здесь.

— Мы с тобой, — откликнулись на его слова Колька с Терентием.

— Струг у тебя есть, — продолжал Анкудинов, — двое казаков с толмачом, небось справитесь и без нас.

— У саха уряняхав скоро праздник Ысыах, погуляем, — и почувствовал такую свободу, такую радость и засвистел, загрохотало эхо по реке, далеко разнеслось и затихло где-то внизу.

Вернувшись в Ленск, разыскал Стадухина.

— Мишка, дай товару, да не бойся, потом разом за всё рассчитаюсь.

Купец давно отложил от него, здоровался сквозь зубы, смотрел подозрительно, знал, что обещания так и останутся обещаниями.

— Нет товару, сам знаешь.

— Тогда дай денег — у других купцов куплю.

— Куда едем? — спросил Колька, когда купец дал им денег.

— К борогонскому князю Легею.

Праздник Ысыах связан с возрождением, обновлением природы и началом нового года. Подъехали к улусу Легея ранним утром, ещё солнце горело где-то за дальней тайгой, а все люди уже наряжённые ждали главного участника праздника — шамана. Церемония началась с восходом солнца, когда шаман, одетый во всё белое, с опахалом в руке, появился перед священным костром. Разжёг его и начал с похвалы богам — Юрюнг Айыы тойону — священное божество солнца. Толмач прислушивался к речи шамана и переводил казакам.

— Мир сотворён Айыы тойоном. Первый конь был спущен на землю самим Юрюнг Айыы. Священный огонь спустился с небес и считается сыном Айыы. Богиня деторождения Айысыт.

Мало что поняли казаки из сбивчивого перевода толмача, да и не старались понять. Разглядывали, во что одеты женщины и мужчины. На женщинах длинные из замши подобие кафтанов, с прямым разрезом сзади, скроенные в талию, с меховой оторочкой и декоративными нашивками. В ушах серьги с подвесками, перстни, браслеты из меди, но больше из серебра. Летняя одежда мужчин тоже из замши, подпоясана кожаным поясом, который покрыт орнаментом с серебряными или медными пластинками. К поясу подвешен нож в кожаных ножнах. На ногах высокие кожаные сапоги с мягкой подошвой, такие же сапоги и у женщин, только верхняя часть голенища украшена орнаментом из квадратов или треугольников разноцветной замши.

Казаки внимательно разглядывали участников Ысыаха. У всех чёрные волосы, почти круглые головы, узкие глаза, широкие скулы, низкая переносица — они все казались на одно лицо. И чтобы отличать их друг от друга нужно долго прожить среди них.

— Смотри, Герасим, как много у них украшений из меди и серебра, — зашептал Колька.

— Значит есть здесь и медь, и серебро, — ответил Герасим, — надо у Легея разузнать.

— Не скажет, — уверенно ответил Колька, — в секрете держат.

— Напоим вином, пьяный скажет, — уверил друзей Терентий.

— Они только кумыс пьют, а от него не опьянеешь, — заверил Колька, — пил уже.

— Хватит болтать, давайте посмотрим на их обычаи, — приказал Герасим.

После окропления кумысом священного костра и на все четыре стороны света, шаман поочередно обращался ко всем божествам, прося у них размножения лошадей, рогатого скота и всякого благополучия. На этом торжественная часть закончилась и Легей пригласил казаков к себе в гости. Летом у тойона стояла берестяная ураса. Пол весь застелен циновками, на оронах коврики. Посреди камелёк из долблёного толстого дерева, мазан глиною. Внутри комаров нет, но есть резкий запах багульника. «От комаров», — решили казаки.

Легей усадил всех напротив себя за трёхногий стол. Подали свежие сливки, сметану, кёрчах с ягодами, жирную жеребятину на деревянных блюдах, в больших чоронах кумыс.

— Нищее у тебя жилище, — сказал Герасим, — ну а выпить хочешь?

Легей очень удивился такой оценке, считая себя богатым. У него много коров, несчитанные стада лошадей, но промолчал — нельзя грубить гостю. За всеми этими стадами ухаживали либо рабы, либо жёны. Даже не подал виду, что обиделся.

— Колька, вытащи из мешка вино.

Герасим налил полные чороны вина, произнёс:

— За здоровье хозяина.

И выпили всё до дна, в том числе и толмач, он давно пристрастился к нему.

Легею впервые пришлось пить вино, запах показался незнакомым и неприятным, но, видя, что все пьют, выпил сам.

От выпитого вина поведение тойона начало резко меняться. Вначале он повеселел, начал хвалиться:

— Я самый богатый, у меня много скота, лошадей, мехов, рабов.

— У тебя и серебра много, где добываешь? — хвалил Герасим.

— Только тебе скажу, на севере на реке Нероге, там его много.

— Давай лучше ещё выпьем, потом поговорим.

От следующего кубка он вдруг обозлился на Герасима, начал орать:

— Зачем пришли на нашу землю?

— А вы зачем?

— Мы первые.

— Врёшь, первыми были тунгусы.

— Почему ясак собираете? Мы вам ничего не должны.

— Вы тоже со своих собираете. Зато мы вас защищаем.

— Дай вина, — потребовал Легей, не допил, свалился на орон.

Казаки вышли из юрты. На большом лугу много народа, молодёжь танцует свой бесконечный осуохай. Другие занимаются вольной борьбой, бегом, перетягиванием палки. Погода жаркая, небо голубое без единого облачка.

— Братцы, давайте тоже повеселимся, — сказал Герасим и вынул из кармана дудку, заиграл, притопывая ногами. Всегда весёлый Колька с Терентием запели казачьи песни под перепляс. Люди саха перестали танцевать осуохой, окружили их. Казаков порадовало такое внимание, ещё веселее, громче, шлёпая руками по груди, по заду, по голенищам, смеясь, закрутились волчком Колька с Терентием.

Утром Легей не мог поднять головы, так она болела. Позвали шамана. После камлания, шаман сказал ему:

— Русский дух в тебя вселился.

— Выгоняй, — приказал тойон.

— Не могу, у них дух сильнее моего.

— Зови казаков. Они ещё здесь?

Герасим пришёл, посмотрел на Легея:

— С похмелья болеет, сейчас вылечу, Колька, дай вина.

Герасим поил понемногу:

— Ну как? Полегчало?

— Дай ещё.

— Хватит, ешь мясо, попей кумыса, поспи и всё пройдёт.

Казаки поехали в Ленск и когда уже близко была крепость, случилось непредвиденное. Казаки не ожидали, из засады выскочила толпа якутов, окружили казаков. Те успели выхватить только сабли, началась драка не на жизнь, на смерть. И перебили бы всех, подмога пришла откуда не ожидали. Батыры Легея пришли на помощь. Анкудинову рассекли плечо, у толмача разбита голова.

— Чьи это воины?

— Это Сахей, он ваших сборщиков ясака всех убил. Наш тойон велел проводить вас.

Вдруг Герасим услышал нечеловеческий душераздирающий рёв, обернулся, в кустах бился в рыданиях Колька Габышев. Вот уж от кого не ожидал Анкудинов, так это от него. Всегда был то безудержно весёлый, то злой, но чтоб увидеть рыдающим, такого не было.

— Терентий, брат мой, отомщу, ох и отомщу, — кричал между приступами воя Колька.

— Отомстим, — уверял его Герасим, — а теперь бери друга и повезём в крепость, там похороним.

Но Николай вытащил саблю из ножен, обмакнул в крови друга, поцеловал окровавленное место. Это была клятва казака о мести, и он её не нарушит никогда, это знали все.

Печальная это была процессия, впереди, поперёк седла лежал убитый Терентий, сами шли пешком.

— Где вас черти носят? — встретил их сын боярский Парфён Ходырев, который командовал отрядом казаков Ленска после того, как Пётр Бекетов отбыл вторую годовальщину, увидел казака, лежащего поперёк седла, — Перепил что ли?

— Хуже! Убили!

— Кто вас так?

— Батыры тойона Сахей.

— Видать правду доносят, что Сахей сборщиков ясака убил всех.

— То же самое сказали воины Легея.



После дальнего странствия нет ни-

чего лучше, как хорошенько попариться в бане. Вся усталость с грязью и потом выйдет из тела. Герасим от души хлестал своего земляка Дежнёва берёзовым веником, рассказывал:

— Сахей купцов убил, на нас из засады налетел. Терентия Нестерова убили, хорошо воины Легея выручили, а то бы нам всем хана была. Вас прибыло двенадцать казаков, да здесь двадцать, охотников, купцов попросим помочь. Пушки с собой возьмём, разобьём тойона Сахея.

— Это если подберёмся незаметно.

— Пойдём к Ходыреву, помаракуем.

— К цирюльнику Хасану дай сходить, да в кабаке посидеть, с казаками поговорить.

— Это дело,— согласился Герасим,— казаков угостить — первое дело, а с утра к Парфёну пойдём.

Утром Семён с Герасимом отправились в приказную, не дошли, как Семён услышал знакомый голос:

— Эй, Сёмка, погодь-ка,— к нему подошёл Юрий Селиверстов.

— Что тебе?

— Твою знакомицу встретил, за ясаком ездил, по дороге увидел. Говорит, что к Сахею в гости едет, не понял только то ли она племянница жене, то ли ему самому.

Семён вспомнил, в прошлом году ездил с Димкой вдвоём за данью в ближайший улус, там и увидел её. «Хороша девка,— подумал он тогда,— глаза большие и лицо не плоское, как у других девушек, носик аккуратненький». Чуть конём не наехал на неё:

— Чья ты?

Девушка отпрянула от него, но посмотрела лукаво, смело:

— Абакаяда Сычю.

Теперь он вспомнил о ней и сразу родилась идея, а что если жениться, тогда воинствующий Сахей поневоле смирится с присутствием казаков и начнёт платить дань. Решил посоветоваться с сыном боярским — приказчиком.

— Вот что я решил, как смирить гордыню Сахея.

Они сидели в канцелярии, ели лосятину со свежее испечённым хлебом.

— Ну, говори, — заинтересованно глянул на него Парфён. Он знал, да и от других наслышан о честности и храбрости казака:

— Говори, что надумал.

— Что, если жениться на его родственнице? Родство у якутов высоко чтится. Калым заплачу ружьём.

— Ну дурак, так дурак, — покачал головой Анкудинов.

— Да ты что? Прав Герасим. С Сахеем породниться? Да он такой жестокий, убил купцов, из засады налетел на Герасима, чуть всех не перебил.

— И ещё побьёт. Он хитёр и коварен — знаю. С ним даже великий Тыгын считался.

— А если сплосхаешь? Если не сумеешь договориться?

— Не бойсь, не оплошаю.

— Если ружьё дашь, начнёт стрелять. Ты понимаешь, какую силу в руки даёшь?

— Понимаю, но одно условие, ружьё дам, а патронов только с десятка. Сахей за патронами к нам будет хаживать. Поселимся недалеко от него, чтобы якобы девушка не скучала о родных. Там острожек поставим, жить, торговать, собирать ясак удобно. Железа у него мало, всякого товара купцы привезут, а мехов у него много, богатый. Человек он не глупый, поймёт, что с нами лучше жить в мире.

Парфён задумался, нервно забарабанил по столу, потом ответил:

— Ну что же, попробуй. Но дело такое — воеводу ждём.

— Пока придёт, дело будет сделано.

Семён с Герасимом и Фомой Пермьяком отправились к Сахею. Дежнёв не первый год жил в Ленске и понимал по-якутски. Отъехали вёрст сто, а может больше, Герасима с Фомой оставил в засаде, дальше поехал один. По расчётам стойбище недалеко. Тут его и поймали воины Сахея, даже не заметил, как они очутились возле него. То ли с дерева прыгнули или из кустов.

— Стой, куда?

Воины удивились, один — без ружья, без сабли, такой казак им не страшен. Ещё больше насторожились, что пленник говорит на их родном языке.

— Проводите меня к тойону.

Под охраной привели к стойбищу. В центре улуса подошли к большой богатой юрте, украшенной резным орнаментом. Во дворе несколько столбов-коновязей, вершины которых заканчиваются конскими головами. У Сахея, как у вождя, около входа стоят батыры во всем воинском облачении — копьё, лук, стрелы с железными наконечниками, полные тулы, с поясов свисали пальмы.

— К тойону Сахею посланник от казаков.

Воин вошёл через изразцовую дверь и вскоре вернулся.

— Пусть заходит.

Семён вошёл в богато украшенную юрту. По бокам тянулись ороны-лежаки, идущие вдоль южной и западной стен жилища, они были широкие и поэтому ложились спать поперёк. Ороны имели разную высоту. Самый низкий — на правой стороне, рядом с входом, а более высокий — хозяйский, чтобы счастье хозяина не было ниже счастья гостя. Все ороны покрыты разноцветными ковриками из конского волоса и меха, на полу циновки. Камелёк освещал полутёмную юрту и скамейку всю заставленную деревянной посудой: долблённые чаши на низком поддоне самых разных размеров. Чаши украшены валиком в виде плотно свитого шнура. Кумысная посуда: трёхногие чороны украшены кистями из конского волоса, разнообразные мутовки и ковши. На полу, рядом со скамейкой, кожаные, берестяные и глиняные сосуды дополняли домашнюю утварь.

Семён привык к полумраку и увидел тойона.

Сахей недоброжелательно, даже враждебно, оглядел казака. «Что ему надо, — думал он, — один, без оружия, убить успею, лучше выслушаю».

Семён подошёл поближе к Сахею, тот сидел на ороне, перед ним стоял трехногий стол, на нём дымилась в деревянном блюде жирная жеребятина.

— Говори, — приказал он.

— Хочу взять в жёны вашу родственницу Абакаяду Сычу.

Сахей оторопел, всё что угодно ожидал он от казака, но этого и в мыслях не было.

— Калым, отдам ружьё, — продолжал казак, — медный котёл, слюду дам вместо пузыря в окно вставишь, светло будет.

Сахей сидел с открытым ртом, до него видимо не дошло. Ещё что? За родственницу ему дают ружьё, которое стреляет издали и разит сразу насмерть. Никакие роговые пластины не спасают, даже железные. Это может быть последний мирный разговор, пойти под государеву руку и платить ясак. А если не соглашусь? Тогда всей силой навалятся на меня и разобьют как Тыгына, как Кириinea. Возьмут в плен меня, детей, будут издеваться над нами, дочерей опозорят. Ещё свеж в его памяти поход Тыгына на русскую крепость. Вольным царём величал себя. И где его царство? Рабы к казакам убежали, проводниками, толмачами служат, а саха урянхаи ушли дальше, на север, не десятками, сотнями бегут, казаков в защиту берут. Рать Тыгына несметная подступила к крепости, в два кольца окружили и приступом взять хотели. Казаки подпустили их близко и ударили из пушек в самую гущу воинов. Близких из ружей, луков постреляли. Ещё раз налетали на крепость, только воинов ещё больше потеряли. Многие

испугались, разбежались. Под конец, когда Тыгын со своими приближёнными думали, что делать, казаки открыли ворота, на быстроногих конях с саблями, копьями помчались в ставку Тыгына и пленили многих. Тыгына раненого на руках в крепость унесли, там и помер. Потом рассказывали, сам Сахей не видел, сыновья Тыгына — Бэджэке, Откурай, Чаилай — были у него, просили поддержки. Собираются отомстить за отца, помощи просят у всех племён. Долго тогда собирали трупы своих сыновей, мужей и отцов на поле сражения женщины. Казаки их не трогали. Женщины поднимали руки к небу, громко плакали и неизвестно кого, то ли Тыгына, то ли казаков проклинали.

«Если пойти с сыновьями Тыгына? Какой толк? Всё равно разобьют. Больше воинов, чем было у их отца не соберут. Это разведка, — решил окончательно Сахей, — если убью, будет повод придти с большой силой и разбить. Нет, надо сделать по-другому, иначе». Тойон поднял голову, посмотрел на казака, тот по-прежнему стоял посреди юрты, ждал ответа.

Из-за камелька, из-за замшевой занавеси, украшенной кистями из конского волоса, появились трое юношей, один нёс табурет, сплетённый из тальника, другой — жирные рёбрышки жеребёнка, третий — большие чороны, украшенные тонкой резьбой, наполненные кумысом.

— Садись, угощайся, — пригласил казака тойон.

Оба уткнулись в чашки и было слышно только чавканье Сахея. Наконец он насытился, вытер губы куском тонкой замши, поднял свой чорон:

— Пей, буду ждать через неделю сватов без оружия.

Семёну пришлось есть жеребятину, чтобы не обидеть хозяина и пить кумыс. Ни того, ни другого он не любил. У казаков грех есть конину, для них это животное святое, но ради мира чего только не сделаешь. Однако мясо жеребёнка он нашёл вкусным, а кобылье молоко, сдобренное сливками, приятным. После того как они опорожнили чороны, Сахей встал с орона, пошёл провожать гостя до дверей, дальше не пошёл, не позволял сан.

Когда Семён вышел из юрты, жена Сахея со слезами на глазах заговорила:

— Кому ты отдаёшь нашу красавицу? Людям чужой крови, откажи.

— Хочешь, чтобы твои дети были живыми? — загремел тойон.

— Хочу, но её родители могут отказать.

— Мне не откажут. Не твое дело вступать в мои дела, занимайся хозяйством.

Воины Сахея проводили Дежнёва до тропы, где встретили, дальше пошёл один.

— Перетрухали мы, — встретили Семёна его дружки, — хотели уже в крепость возвращаться. Ну как? До чего договорились? Не томи, сказывай.

— Через неделю поеду со сватами. Поедем, дел много, надо упряжь искать богатую, одежду справить новую, подарки. Готовьтесь к свадьбе, дружками будете.

Ходырев как услышал, что Семён вернулся, разыскал его, потребовал, чтобы рассказывал всё подробно:

— А как невеста? Согласна?

— По моим приметам — согласна.

— И какие же такие приметы?

— Спрашивал её, ничего не ответила, только заулыбалась. Справа мне нужна богатая, опять же подарки.

— Ну, этого добра найдём. У купцов товару купим. В заглазнике меха есть? — Ходырев знал, что казаки охотятся для себя, на царское жалованье не проживёшь.

— Есть, — не стал скрывать казак, — соболя, белки, чернобурки.

— Пошлину заплати.

— Само собой, десятую часть отдам, как положено.

Через неделю Семён со своими дружками Герасимом и Фомой ехал по протоптанной конями тропе в улус к Сахею. Под богатой одеждой казаков было спрятано оружие на случай засады. Впереди, в богатой сбруе — Семён, рядом, стремя в стремя — Герасим:

— Сомневаюсь я, обманет Сахей, заманит и убьёт. Чует моё сердце, не к добру затеял ты сватовство.

— Другого выхода не вижу, да и девка по душе пришлась.

— Не дурак он, понимает, что лучше миром с нами жить, а не воевать. Парфён обещал, если не вернёмся, с пушками придёт. Он как раз и понимает, что лучшее проявление в мирных намерениях — это породниться, — добавил Фома.

— Надысь кузнец Мирон подходил ко мне, — вступил в разговор и Герасим, — правда или нет, что Дежнёв женился на якутке. Я сказал: «Правда, — на что он ответил, — тогда и я женюсь». Так что ты не единственный, а первый.

Троих друзей встретили пышно, далеко за улусом ждали батыры и сопровождали до самого дома. Сам Сахей вышел встречать, помогал сойти с коней, их привязали к коновязи. Абакайда стояла рядом с тёткой, разодетая в платье из белой замши, такие же торбазы, посередине лба белая полоска замши концами заплетена в косы. Грусти в её глазах не было, даже улыбнулась, глядя на жениха.

— Давай калым, как обещал и забирай невесту, — заявил Сахей. — Свадьбу устройте в крепости. Я ваших обычаев не знаю, а потому только отобедаем с нами и езжайте в обратный путь.



песчаному пологому берегу реки Лены подплыла гружёная лодка:

— Колька, сними ичиги, прыгай в воду, — командует Герасим, — подтяни лодку.

Габышев послушно снимает якутские летние сапоги, закатывает штаны и подтягивает лодку.

— Что за край, — ворчит Николай, — ни утро, ни день, ночи и те светлые.

Вдвоём сгрузили рыбу, сеть вытащили на берег.

— Как унесём? Груза много, нас двое.

— Смотри, вон ещё лодка плывёт, никак Мишка Стадухин, его попрошу помочь, — сказал Герасим.

— Как же, держи карман шире и не думай, не поможет.

— Михаил Василич, помоги рыбу донести.

— Не могу, у самого груз, — и отвернулся от казаков.

— Самондравный, вечно ноздри воротит, — ворчит Колька, — по племенам шныряет.

— Разбогател, сука, раздулся как пузырь, — отвечает Герасим.

Стадухин отошёл, оглянулся, внимательно посмотрел на них. На Герасиме новая замшевая рубаша, сапоги на мягкой подошве, Колька тоже обут-одет во всё замшевое, новое.

Михаил не выдержал, снова подошёл:

— Герасим, где взял такую одежду?

— По нраву пришлась? Легей подарил. В ней хорошо, комар не прокусывает и прохладно.

Казаки тогда удивились щедрости Легея и Герасим спросил толмача:

— Признайся, тойону чего сказал?

— Чтоб заплатил за лечение, а то снова заболит.

Товар, что купил на деньги Стадухина, выменял на меха, даже серебряные подвески выменял на иголки, дудку — на ичиги.

— Долг думаешь отдавать или нет? — спросил Михаил.

— Вот мех продам и возверну тебе деньги.

— Мехом и отдай мне.

— Что ты злишься, да сердисься, или мало тебе добра сделал? — зашипел Герасим. — Жадный, обождать не можешь?

— Ты помог, охоте научил и ратному делу, — словно читает мысли казака Николай, когда отошёл от них купец.

— Ничего, не серчаю, ещё пригожусь.

— Прошлым летом с Галкиным отправил в Москву большой мешок соболей, и в этом отправляет. Там лавка у них, отец торгует.

— Ты пока чисть рыбу, я за казаками пойду, — Герасим набил трубку табаком, затянулся, выпустил дым через ноздри.

— Бесовским зельём балуешься, а меня воротит от него, — сказал Колька.

— От комаров помогает, они дым не любят, — и зашагал к крепости. Вскоре вернулся с Дежнёвым.

— Не всю почистил? Семён, помоги ему. Я в мешок сложу. Кабатчик, сволочь, говорит всю куплю, если почистите.

— Погуляем, — обрадовался Колька, — давненько винца не пивал. Не успели уйти, к берегу подошли приказчик с купцами.

— Герасим, смотри вверх на реку, струги плывут, да как много. Никак воеводы или Галкин. Как встречать и не знаю.

— Хлебом-солью, да с поклоном.

— Нету хлеба. Да и струги на подходе. Вино только и то немного.

— Вино есть, а говоришь встречать нечем.

Купцы Кожевников и Стадухин подошли ближе к воде, важные. Стадухин держал большой кувшин, Кожевников — чарки.

— Налей мне для успокоения, — попросил Парфён.

Герасим с Николаем вошли в воду, приняли на руки одного воеводу, чтоб не замочил ног, отнесли на сухое место. Со вторым случился казус. Толстоват, тяжеловат оказался второй воеводушка, не удержали и все вместе окунулись в воду.

— Святое крещение принял, — хохотал Герасим.

Воевода стряхивал с одежды воду, недовольно бурчал:

— Дам в рыло.

— Но-но, потише, здесь тебе не Москва, — Герасим ощерился как собака, — сходишь в баню, да винца выпьешь и все дела.

Под локотки подвели к костру, горевшему на, распутившихся зеленью, лугу.

Вечером воеводы высказывали своё недовольство:

— Приняли воевод плохо, изба для них маловата.

А струги всё прибывали, разгружались прямо на берегу. Самым последним в караване плыл отряд атамана Ивана Галкина, то была радость, расположились на берегу, около дымокуров, делились новостями.

В середине лета 1641 года прибыли первые официальные наместники вновь присоединенных земель: Пётр Петрович Головин и Мак-

сим Богданович Глебов. Поначалу присылали двух воевод с одинаковыми полномочиями, так как путь длился больше двух лет и мало ли что может случиться с одним из них. Воеводы прибыли с военным и казённым снаряжением, хлебными запасами на три года, а ещё: двое — письменные головы, свыше трёхсот казаков и стрельцов, два подьячих, четыре попа и один дьякон Ефима Филатова, несколько толмачей. Всего с первыми воеводами для отправления всяких государевых дел прибыло свыше четырёхсот человек. Шумно и тесно стало в крепости. Теперь, когда прибыла царская власть, Ленск стал именоваться уездным городом. Первым навестил воевод тойон Легей.

Караульным на дозорной башне был Колька Габышев:

— Опять Легей едет, хитрый, силы смотреть. Герасим, сам доложи атаману.

Галкин зашёл в воеводскую избу:

— Там Легей прибыл, принять бы надо, весьма сильный, богатый и влиятельный тойон.

Пётр Петрович вышел на крыльцо встречать гостя в парчовом одеянии с широким поясом.

— Пригласи Максима Богдановича, — подсказал Галкину воевода.

— Был уж, нездоровится ему, с постели не встаёт.

Головин поморщился, но промолчал, ничего не сказал о Глебове.

Казаки впустили тойона в крепость вместе с небольшой свитой. Впереди ехал воин, в руках держал высокий шест, на вершине которого прикреплены хвосты чернобурок и соболь.

Одежда воеводы поразила тойона, и он не мог скрыть восхищения, вся из какой-то блестящей, никогда им невиданной ткани. А у них только начинало появляться сукно, полотно, и то от русских купцов. Головин был доволен, что произвёл на него ошеломляющее впечатление.

— Прошу хлеб-соль мои отведать, — пригласил он Легея.

Тут же дьяк Василий Поярков с казаками внёс вначале хлеб, немного погодя жареную рыбу, отварное мясо, кувшины вина с чарками. Через полчаса Легей с Головиным беседовали до тех пор, пока Василий всё приготовил:

— Пожалуйте к столу.

Легей тоже приказал внести подарки — связку соболей, мясо, кумыс, сметану, масло. Он знал, что русские любят молочные продукты. От чарки вина Легей отказался:

— Не пьём мы, — не забыл угощения Герасима, боялся болезней, зато налил в большие чороны кумыс. В свою очередь воеводе не приходилось пить подобный напиток. «Выпью, — решил он, — потом будет что поведать о далёких народах в кругу бояр».

Воеводе явно не понравился ни сам Легей, ни его пустой разговор. А когда за столом стал есть руками и громко чавкать, недовольно по-

морщился и молчал пока тот наелся. Наконец тойон встал из-за стола, слегка кивнул головой:

— Тебя жду гостевать.

Воевода проводил его до крыльца, долго смотрел вслед. «Лошади не такие, как у нас, — думал он, — маленькие, косматые, пузатые. Да и сами ростом мелковаты».

Когда вечером зашёл к Максиму Богдановичу, справиться о здоровье, второй воевода спросил:

— Ну как гость?

— Больше принимать не буду, дикари, одно слово — туземцы.

На этом дружба воеводы с Легеем закончилась. Головин не ездил, на приглашения отвечал, что работы много, некогда по гостям разъезжать и к себе не приглашал. Да и другие заботы навалились, надо к зиме готовиться, дома строить, дань собирать. А от Глебова толку нет никакого, всё больше лежит.

— Ты бы, Максим Богданович, делом занялся, чем лежать целыми днями.

— Нездоров я, — отвечал и отворачивался от Головина.

«Может, действительно, болеет, — думал Головин, — искупали в воде казаки, вода холодная, поостыл».

— Может, винца выпьешь, полегчает, — сочувствовал Головин.

Первым делом Головин решил упорядочить налоговую систему, ввести новшество — сделать перепись населения и всего скота. С двух коров брать одну шкурку соболя. Притихшие было рода и племена забурлили. Никогда не видевшие бумаги, не знавшие письменности, они решили — казаки натравливают на них злых духов. Воевода велел разослать отряды казаков во все улусы. Но толку от этого было мало. Успели переписать только ближние, остальные при приближении отрядов казаков все разбегались, скот угоняли — где их в тайге поймаешь. Всеобщим недовольством воспользовались сыновья Тыгына. Они ездили по улусам и подговаривали тойонов подняться на Ленск, навалиться всеми силами и разбить наголову русских. В крепости знали об этом, доносили рабы-перебежчики. Надо сказать, что в Сибири в среде казаков не было ни рабства, ни крепостного права. Не раз беседовал Головин с атаманом Галкиным о здешних племенах. Часто с ними сживал дьякон Ефим Филатов.

— Ещё тунгусы рассказывали, что народ саха занял их земли, колонизировали территорию средней Лены. Их кого побили, кого взяли в рабство, иные успели убежать. Постоянная борьба саха на юге, до вытеснения на север, продолжительная война с северными племенами за новую родину приучила их воевать. Тойоны поддерживали своё благосостояние, — рассказывал атаман, — военной добычей, данью с покорённых чужих племён. Поэтому они и не могут смириться, что не они будут собирать ясак, а казаки. К нашему приходу они

враждуют уже меж собой. Саха урянхай воинственны и боем жестоки, но с нами им трудно справиться. Нам Москва помогает, мы хорошо вооружены, а им помогать некому, обозлили они соседние племена.

— Миром надо договариваться, приветом и ласкою, как учит нас царь-батюшка, — заговорил дьякон, — негоже воевать.

— Мы первыми не трогаем, батюшка, — возразил Галкин, — которые с нами миром, их наоборот защищаем.

Дверь в приказную открылась, вошёл караульный казак, ввёл оборванного юношу вместе с толмачом, тот перевёл:

— Отряд, который ходил за ясаком, их из засады воины саха булавами убили. Он видел.

— Своих выдаёшь?

— Не свой, я раб сына Тыгына Бэджэкэ. Все улусы сыновья его уговаривают воевать с вами.

— Это Прокопия Винокурова отряд, смелый был казак, — сказал Иван.

Головин резко встал, сказал батюшке грубо:

— Вот твоя любовь к ближнему, вот твои мирные переговоры, вот результат. Послали с миром, а их убили.

— Господин встретил их ласково, ясак сдал, на обратном пути засаду устроили, — добавил раб.

— Веры им нет, бесчинствуют, огнём и мечом надо искоренять скверну, — заговорил снова Головин, — атаман, бери отряд, езжай за телами.

— Пока казаки ездят за телами, пойду, проверю склады, — поднялся воевода с лавки, зашагал к выходу из приказной. Идя мимо пушного амбара, увидел двух якутов с мешками, выходящих в открытые двери. «Дань принесли, — решил он, — зайду, посмотрю». И надо такому случиться, что на глаза ему попала с плешинной шкурка:

— Это что? Порченные шкурки принёс!

Принимал подъячий Поярков, пытался застопиться:

— Одна плохая, остальные-то хорошие.

— А эта? — поднёс к глазам Василия ещё одну, — это что, спрашиваю? — Совсем разгневался воевода, — спина-то облезлая. Так-то ты исполняешь государеву службу. Замечу ещё — батогами велю поучить, а этих, — он повернулся к сдатчикам, стоящих с опущенными головами, они и без толмача поняли о чём идёт разговор, — отведите на съезжую, на первый раз десять батогов, чтоб знали и другим поведали, за порченные шкурки бить будем.

Битье батогами ещё больше обозлило якутов. Лучшего времени для сыновей Тыгына организовать сопротивление не было. Сбылись показания раба, не прошло недели, как атаман позвал Головина на караульную башню. Воевода увидел, что вокруг всей крепости стоят воины в боевой одежде: шлемы, панцири, на некоторых железные кольчуги, сбоку сабли. «У казаков забрали», — подумал Головин.

У остальных пальмы, копыя, луки, а из-за спины торчат полные тулы стрел с железными наконечниками. Вдали виднелись обозы.

— Готовься к отражению, атаман, — приказал воевода. — Как приблизятся шагов на триста, стреляйте все разом из пушек, ближе подбегут, палить из ружей, — приказал воевода.

Такой свирепой бойни здесь не было никогда. Гибли с той и с другой стороны. Воины лезли напролом, в одном месте прорвались в пролом частокола. Тревожно зазвучали колокола. От пушек и ружей погибли многие, но это не остановило тойонов. Вновь и вновь вели воинов в бой. В самой крепости шла рукопашная. Сражались все обитатели крепости: казаки, охотники, купцы, дьяки, подьячие, воеводы. В полдень саха урянхаи откатились от крепости к своим обозам. Атаман Галкин повёл казаков в атаку. Одни испугались стремительной атаки казаков, скрылись в тайге. Другие встретили стрельбой из луков, с пальмами в руках. Атаман первым налетел на врага, умело отражая удары неприятеля. Но его окружила целая толпа саха урянхаев. Они сумели найти уязвимое место, стрела поразила шею и атаман упал, добила его пальмами.

— Атамана убили, — закричал Герасим, который сражался недалеко от него, бой закипел с новой силой. Отряд атамана озлобился, мстил, не щадили никого, побили многих. Многие и пленили, увели в крепость. Допрашивал сам Головин, пленных пытали, били кнутом.

Через три дня хоронили убитых казаков, атамана Галкина, купца Кожевникова, многие умерли от ран.

Только Легей выиграл, потому что не помог, в последний момент передумал. Жадность пересилила, боялся и не без основания. «Побьют моих людей, — думал он, — развеют моё богатство по ветру, главное, красавицу жену заберут казаки и будут с ней баловаться». Это больше всего пугало тойона.

Головин в течение месяца пытал зачинщиков бунта, где они скрываются, из какого рода, племени. Для устрашения на глазах у своих соплеменников велел повесить двадцать три человека. Затем разослал отряды по тем улусам, которые участвовали в нападении на крепость, напутствовал:

— Если не признают государеву власть, накажите.

— Добром клянитесь, не то побьём, — грозились казаки, вынимая из ножен сабли, заставляли на глазах сородичей целовать её.

— Охлонись, хватит, — просил Головина дьякон Филатов, — грех так бунить.

Но тот только сверкал злыми глазами, тянул:

— Царь-батюшка советовал приветом да ласкою общаться с сибирскими народами, — передразнивал дьякона воевода. Ранее он бы и не помыслил такое вольнодумство, а здесь Сибирь и не такое с рук сойдёт.

Но беда не приходит одна. Весной наводнение снесло почти весь Ленский острог, не всё сумели спасти. Порох подмок, зерно испортилось, много потерь в хозяйстве и снаряжении. Воеводы решили перенести крепость на Еюков луг, в местечко Табага. Первым делом построили тын с пятью башнями, затем занялись внутренними строениями. Вначале возвели церковь и воеводский двор, затем амбары, съезжую и таможенную избы, тюрьму и жилые дома. Трудились все с раннего утра до позднего вечера.



Дождь, как из ведра лил второй день и нет от него спасения на караульной вышке. Грубые, неплотно пригнанные доски пропускали воду. Семён Мотора, молодой красивый казак с бледно-синими глазами, с открытым смелым характером, Никита Власов, лихой наездник, да Андрей Горелый несли гарнизонную службу. Они должны следить, вдруг кто надумает неожиданно напасть, кто тайком пройдёт за тын и решит передать восточку аманатам. Казаки забились по углам, где меньше вода попадает за шиворот.

— Этот дождь покоя не даёт, — ворчит Семён.

— За всё лето первый раз, вот и прорвало небушко, — рассмеялся Андрей.

— Жрать хочется, другой день голодный — хлеба дают мало и кабатчики, стервы, в долг не дают. Говорят, сходите на охоту, лося завалите, мясом бесплатно кормить буду, либо рыбы наловите, — жалуется Никита.

— Сходить-то на охоту или рыбалку можно, да воевода запрет наложил, дескать убьют или в плен возьмут, — поддержал Горелый. Он и прозвище получил за то, что руки обожжены:

— Говорит, жалованье пропиваете, потому и голодаете. А велико ли жалованье? Десять рубликов, когда одна рубаха стоит рубль, шуба — четыре. Сходишь в разведку и придёшь голый, вся одежда сопрела и порвана.

— Пойдёмте, пройдемся по крепости, никто не придёт в такую пору, у иноземцев сенокос, — предложил Андрей.

Не успели отойти, в ворота застучали.

— Кто? — Семён подбежал и заглянул в щель.

— Открывай, служивый, свои.

— Герасим, — обрадовались казаки, — ну этот выручит.

Анкудинова казаки любили, хотя все знали, что он враль и мелкий жулик. Но рыжий красавец с буйным волосом, на все упрёки только улыбался своей редкозубой улыбкой:

— Рот широко не разевайте.

Он был не один, за ним шёл Васька Бугор, оба несли в мешках что-то тяжёлое. Вот и сейчас весело захохотал:

- Рыбы несём, пойдёмте в кабак за компанию.
- Денег нет.
- Я угощаю, — заверил Герасим.
- Ну, коли так, пойдём, — рассмеялись в ответ казаки.

Кабак днём и ночью открыт, когда только спит хозяин, на вид неповоротливый, разжиревший, в засаленной, давно не стиранной рубахе. Завидев Герасима с мешками за плечами, заухмылялся:

- Вари уху, дармоед, — приказал Анкудинов.

Больше на караульную башню в тот день казаки не пришли, разморило от сытной еды, уснули в кабаке на лавках.

Кто-то всё-таки донёс воеводе. Головин приказал прийти им в приказную.

В небольшой приказной избе сидел Головин, от скуки стучал пальцами по столу, тихо разговаривал с подьячим Василием Поярковым. Когда вошли казаки, сердито посмотрел на них:

- Так-то вы службу несёте? Почему ушли с караула?
- Отошли на час, поесть, голодные, — начал оправдываться Семён.
- День, никто не придёт.
- Отведи их на съезжую, пусть поучат батогами, — приказал подьячему.

— А ты, воевода, шибко не шаперся, здесь Сибирь, — отрезал Горелый.

- Не Москва, а казаки не холопы, — добавил Никита.
- Давно ли казаками-то стали?
- Да и ты воеводой только второй год, а будто родился им.
- Как разговариваете? Марш на съезжую, Васька, проводи их, двадцать палок на первый раз.

Троица вышла на крыльцо, мимо, как всегда навеселе, Герасим со своими собутыльниками Колькой Габышевым да Васькой Бугром.

- Что это с вами? — остановился Герасим.
- Православные! Что деется, воевода велит нас батогами бить.
- Где это видано, чтоб казаков батогами били? — кричали казаки.

Следом вышел Васька Поярков, за ним сам воевода Головин, закричал, затопал ногами:

- Волоките их силой.

Но ни один казак даже не пошевелился. Герасим подмигнул Бугру:

- Вдарь в колокол, чтоб все казаки пришли.

Вскоре собрались не только казаки, но и все жители крепости.

- Аль случилось что? — спрашивали любопытные.
- Ты слухай.

Казаки продолжали кричать:

- Это вольных казаков батогами бить! До чего дожили, голодаем.

Толпа загудела, крики со всех сторон.

— Жалованья на жизнь не хватает, десять рублей в год рядовому, да небольшое хлебное и соляное довольствие.

— Рубаха стоит рубль, одной на год не хватает.

— Лыжи два рубля.

— Хлеб ржаной, напополам с отрубями. Запретил охоту, рыбалку.

— Для вашего спокойствия запрещаю, ещё ненароком убьют, — оправдывался воевода.

— С голоду пухнуть лучше? — кричали казаки.

Воевода начал ругать казаков за подстрекательство и набросился на них с кулаками:

— Лентяи, пьяницы.

— Рыболовная сеть пятнадцать, а лошадь двадцать. Разве хватит жалованья. Как нам без охоты жить?

Громче всех закричал Анкудинов:

— Бейте его.

Воевода понял, дело оборачивается не в его пользу, шмыгнул в канцелярию.

В канцелярии Глебов выговаривал Петру Петровичу:

— Остынь, могут и убить, подожди, ещё челобитную государю пошлют.

— Пресеку, весь обоз самолично проверю.

— Слухи о тебе идут мерзкие.

Казаки недовольные условиями жизни с прохладцей относились к караульной службе. И не первый раз самовольно уходили.

Послышался топот многих ног, в приказную ворвались казаки, за руки-за ноги выволокли воеводу из избы, Ваську Пояркова — за волосы. Глебова не тронули. Казаки кричали великим шумом:

— Вольной жизни конец пришёл.

— Самого батогамы побьём.

— Бейте его.

— С атаманами лучше жилось.

— Его приспешников, особо письменных голов, указчиков подлых бить надо.

— Руки-ноги обломаем им.

Воеводу повалили на землю, вываляли в грязи, как раз дождь прошёл. Пинали в бока, в голову, куда нога достанет.

Ваську таскали за волосы из стороны в сторону. Волосы летели клочьями.

— Пёс смердящий, вор, сучий сын.

— Эх, никогда не слышал, как воеводские косточки трещат, — крикнул Герасим и наступил воеводе на руку. Воевода взвыл нечеловеческим голосом.

Поярков вылез из толпы казаков, побежал в церковь к дьяку Ефиму Филатову.

— Никак вороги подошли к крепости? — спросил дьякон. — Из-за чего столько шуму?

— Батюшка, спаси. Казаки смертным боем воеводу лупят, нас за волосы таскали.

Филатов спехом прибежал, взошёл на крыльцо, поднял крест над головой:

— Братья! Стыдитесь. На кого руку подняли? На царевых слуг.

Казаки остановились, подняли головы. Поярков воспользовался затишьем, подбежал к воеводе, хотел поднять. Но казаки сбили его с ног, били заступников боярина: подьячих, купцов — кто под кулак попадёт. Разъярённые казаки кричали:

— Убьём его до смерти, в мешок и в воду.

— Одного убьём, второй на голову сядет.

— Не сядет, он смирный.

— Смотрите, только один глаз подбит, надо и второй, — и Васька Бугор со всей силой ударил в лицо. Воевода не устоял, свалился под ноги казакам.

Пришлось батюшке самому пройти сквозь толпу казаков:

— Анафеме предам, если воеводу порешите, — кричал он. Только тогда и отступились, а то уж мешок приготовили. Дьякон еле довёл воеводу до канцелярии, там Головин упал на лавку.

— Не взыщи Пётр Петрович, правду скажу, нельзя мне молчать. Оскудел народ, оттого и шумит.

— Им острастка нужна, хотел поучить, вразумить.

— Казаки привыкли вольно служить, в неволе не будут.

— Челобитную государю напишу. Поносные слова говорили, матерно ругали. И кого? Самого стольника, воеводу, цареву слугу!

А на улице казаки не расходились, кричали:

— Убить воеводу надо, а лучше утопить.

В канцелярии всё слышно.

— Батюшка, выйди, успокой их, — попросил Глебов, — только тебя послушают.

Дьякон снова вышел на крыльцо с поднятым над головой крестом:

— Братья, охолонитесь, наказывать провинившихся воеводы не будут, на том крест целую.

— Пусть обещают впредь не применять к служилым наказания батогами.

— Обещаю взять вас под свою защиту.

А в канцелярии Максим Богданович выговаривал сослуживцу:

— Сколько раз говорил, не надо столько жестокостей. Ещё легко отделался, могли бы убить.

— Повесили бы их.

— Всех? Кто? Ох и глуп же ты. Войско что ли пошлют? Да они все разбегутся. Где найдёшь?

Батюшка ещё долго совестил казаков, призывал разойтись и, пошумев ещё немного, они успокоились.

— Приструни сначала воеводу, — сказали на прощание служилые, — а то взаправду убьём.

На другой день Глебов пришёл навестить сослуживца, тот лежал и стонал от боли.

— Что делать, Пётр Петрович? Анкудинов подговорил тридцать казаков, обокрали амбары, забрали самый большой коч и уплыли вниз.

— Изловить, в пыточную засадить.

— Это ещё не всё, надысь лазутчика поймали, обратно из крепости направлялся. Только под пытками признался, что де собирают силу огромную, хотят снова воевать.

— Когда ожидать?

— Не сказал, самому не ведомо.

— Врёт, нет у них сил таких.

Тут в спальню дверь распахнулась, вбежал Поярков, заполошно заголосоил:

— Что делается, беда-то какая! Угнали морской коч, обокрали амбары, напились допьяна и с песнями следом за Анкудиновым. Я хотел было устыдить Ваську Бугра, да где там, только в рыло ключи бросили, кричали: «Уйди добром, а то покалечим, как воеводу», — сам покосился на Петра Петровича и не смог сдержать смеха, не лицо, сплошная синь, но один глаз чуть приоткрылся, зло глянул:

— На себя посмотри, вся левая косица синяя.

— Не голоси, вишь, боярин болеет, — прикрикнул Глебов. — Запомнил, кто больше всего воеводу поносил?

— Знаю.

— Пиши на них указ, чтобы отправлялись на север, в дальние края.

— Может погоню отправить? — спросил подьячий.

— Сил у нас таких нет, чтобы за ними гнаться. Вдруг иноземцы снова придут, с кем отбиваться будем, — ответил Глебов. — Пиши челобитную государю о казаках и проси помощи.

— Принеси вина, — приказал Головин Пояркову.

Тот принёс полный ковш вина, сунул в руки:

— На, не пролей.

По мере того, как воевода пьянел, всё больше успокаивался. Хотел воевода скрутить в бараний рог казаков — не получилось. Те, кто познал казацкую вольницу в сибирских просторах, государевых слуг не боялись, признавали только тех, кто проявлял заботу о казаках.

— Поносные слова говорили, матерно ругали, били, — плакал вельможа пьяным голосом.

Недели через две опухоль с лица Петра Петровича спала, только желтизна гуляла по лицу, под глазами, на скулах. Рука ещё плохо слу-

шалась его. «И надо было повредить правую руку, — с горечью думал воевода, — писать не могу». Поднялся с постели, зашагал в канцелярию, там только подьячий и Глебов.

— Максим Богданович, челобитную царю-батюшке отписали?

— Нет, ждали, когда поправишься.

— Тарас, кликни мне Пояркова, — попросил Пётр Петрович подьячего.

Подьячий непонимающе посмотрел на воеводу:

— Так нет его.

— Как нет?

— Да уже дней с десятков как на юго-восток с отрядами ушёл.

— Как ушёл? Самовольно? — загремел Головин.

— Я дал согласие, — ответил Глебов.

— А ты меня спросил?

Глебов поднялся с лавки:

— Ты кто такой? Почему должен перед тобой ответ держать? Я такой же воевода как и ты, с такими же правами.

— Ладно, ладно, хотя бы посоветовался.

— С тобой? Да ты дня трезвым не бывал.



Мечта Анкудинова быть атаманом — давняя, но всё не получалось — не выбирали. Дескать, горяч, слишком лихой, а надо быть спокойным, рассудительным. С чужими племенами терпеливыми, а не так, как он — налетит и сразу: платите дань, а не то побьём. И родилась в голове мысль, надо стать вольным атаманом, уйти в дальние края и жить по своему усмотрению, по своему уставу. Тайно вёл разговоры среди казаков, чтобы знать, о чём думают. Многие, очень многие были недовольны службой при Головине. И этот случай представился. Как бы воевода не клялся, что не будет мстить, Анкудинов не верил, да и другие тоже. «Всем докажу, какой добрый атаман из меня выйдет», — и стал откровенно призывать казаков:

— Пошли, братцы, на вольные хлеба, хуже этого не будет.

— Ну, пошумели, воеводу измочалили, злость на нём сорвали, а дальше-то что? Герасим дело говорит, подумайте, казаки, — поддержал Колька.

— Оставаться здесь не след, — заговорил снова Герасим, — воевода со свету сживёт. Предлагаю нагрузить самый большой коч товаром, хлебом, оружием и пойти гулять по свету.

Многие казаки оторопели, то гулять, чувствуя государеву поддержку, то самим вольно — дела разные.

— Живут здесь племена незнаемы для всех и мы так можем. Амбары тихо возьмём, — продолжал Анкудинов.

— Как же тихо? На них пудовые замки.

— А это что? — Герасим показал связку ключей.

Предусмотрительным оказался в пылу драки, в суматохе своего замысла не упустил, украл. Как только сумел? Казаки дознаваться не стали.

— Тогда оно, конечно, так и сделаем, — облегчённо вздохнули казаки, хорошо, когда о тебе кто-то душой болеет.

— Для нас, казаков, главное — должны быть военные походы, военная добыча, — убеждённо заговорил Габышев, — а мы в крепости торчим, на одном месте сидим, казачье ли это дело? Нам природой дадено мотаться по белу свету в поисках добычи и битвы.

— Верно понимаешь казачью службу, Николай, надоело здесь сидеть, погулять охота, мир посмотреть,— поддержали другие казаки.

— Дело добровольное, кто пожелает погулять, айда со мной.

Казаки загудели, закивали в знак согласия головами.

— Выбираем тебя атаманом, люб ты нам,— предложил Колька.

— Этим летом погуляем по Лене, там видно будет. Кто пойдёт со мной, сегодня ночью, как затихнет крепость, будем грузиться на коч, на нём и морем ходить можно.

Набралось желающих тридцать казаков.

— Кто выдаст наши замыслы — поквитаемся,— пригрозил Анкудинов.

— Не бойсь, казаки умеют держать язык за зубами,— пообещали остальные.

Такая радость обуяла Герасима, наконец-то сбылась его мечта — он атаман. Караульных казаков связали, которые противились, малость побили.

— Будем вольно жить, без воевод, построим свою крепость, сами ясак собирать будем. Кто нас остановит? — говорили вольные казаки.

Такая натура у джентльменов удачи, не могут жить мирно, им нужны приключения, битвы, бродить по новым, неизведанным землицам. Так и появились на Лене пираты.

Ватага Герасима уже не знала, как всполошила своим бегством воевод, всю их канцелярию. Виданное ли дело, чтобы казаки отклонились от государевой милости. И где? В Сибири — на неведомых землях!

А коч, нагруженный до краёв, под весёлые пересмешки казаков, взял курс вниз по Лене, по течению. Казаки, особенно своевольный Колька Габышев, не мог простить воеводе то, что заставлял избить их батогами. Он заглядывал в лицо своему кумиру, спрашивал:

— Герасим, сил подкопим, на Ленск сходим? Хочу воеводу в реке утопить.

— Утопишь одного, другого пошлют.

— Другой потише будет.

— Ты лучше по сторонам смотри, красота-то какая!

Плыли уже несколько часов, настала пора, когда заря ещё только разлилась по чистому небу. Берега реки окутаны тёмной зеленью травы, кустарников, деревьев. В природе всё отцвело и созревающими зёрнами, плодами, упали на землю, пережить зиму, а весной снова дать плоды. Весёлые говорливые речушки, переливаясь в лучах солнца серебряными бликами, соединялись с водами могучей реки. Крики птиц возвещают о том, что здесь кипит жизнь. Ликование в природе с такой силой охватило молодую Колькину душу, что он забыл куда и зачем держит путь.

Власть совершенно преобразила Герасима, он изменился на глазах. Как только коч скрылся из острога, вышел на водные просторы реки, плечи его распрямились, голос окреп и огласился командным языком гребцам:

— Правьте серёдкой, река сама понесёт.

— Где остановимся, атаман, — спросил Колька.

— Внизу остановимся, в Жиганске, там воеводы не посмеют появиться.

Герасим окидывал реку хозяйским взором, на него возложена большая ответственность перед казаками, три десятка мужиков — сила. Поглаживая слипшиеся лохмы на голове, в душе выиграла гордость за себя. А течение несло коч и гребцы лишь слегка шевелили вёслами. Мыслями Герасим был далёк от действительности, размышлялся о большом богатстве, где-нибудь в укромном месте, на берегу красивого озера и чтоб недалеко от реки. «Мест здесь таких много, баб красивых найдём, будем вольно жить ни от кого не зависеть», — думал Герасим.

Неоглядный простор реки был пустынен, в спину дул тёплый ветер. Река становилась всё шире, тёмные волны, брызжа белой пеной, сердито колотились о борт. Говорливые ручьи и маленькие речушки делали её ещё шире, полноводней. Иногда скалы вырастали прямо из воды. Вдруг ясный день заволокли серые слоистые облака, которые, казалось, плыли вместе с ними и далеко сливались с водами. Ветер крепчал и холодел. Река подбрасывала коч, а разразившийся дождь грозил захлестнуть судно.

— И что за природа? То ясный день, через час шторм. Правьте к берегу, — закричал атаман.

Берег песчаный, пришлось выходить по воде на берег, потом тащить коч. А ветер крепчал, зато дождь почти прекратился.

— Атаман, смотри, — показал Габышев вдоль берега. Он увидел бурого медведя, зверь лениво ковылял, учуял их, привстал на задние лапы, удивлённо посмотрел и поковылял дальше. Непуганный, пристрелить бы, да далеко.

И пошёл шалить атаман Герасим со своей ватагой по реке. Первым ограбили, возвращающегося с низовьев, купца Гусельникова с приказчиками. Гусельников-отец поднимался вверх к Ленску, после того, как побывал внизу. Не расторгвался, там лесов нет и соболей тоже — тундра. Только выменял на товары полста белых, как снег, пушистых песцов, да голубых, на пробу. Может московским купчихам приглянутся. Навстречу плыл коч, ничего не подразумевающий купец подплыл прямо к казакам, приветствовал их:

— Здорово, казаки, куда путь держите?

Анкудинов хитро рассмеялся, крикнул:

— Ну, казачки-разбойнички, потешимся.

Охрана Гусельникова малая, всего шесть молодцев, да они особо не сопротивлялись, видя, как Герасим приставил нож к горлу хозяину:

— Дёрнешься, зарежу.

Слёзы закипали в глазах купца:

— Оставь мне хотя бы часть товара.

Но Герасим предупредил:

— Не шаперся, а то и коч заберём.

— Свои же, за что грабите?

— Были свои, теперь чужие, — отрезал Герасим.

— Купцов не жалко, богатые, — поддержал Колька атамана.

— Атаман, песцов брать?

— Не надо, оставьте ему на разживу.

Купец смотрел, как казаки шарятся в его товаре, берут, что понравится, скрипел зубами, но сделать ничего не мог. Даже мешок с мукой забрали.

— Муку оставьте, — попросил купец.

— Крепость недалече, с голоду не издохнете.

Пришлось Гусельникову на пути делать остановку, добывать мяса, хорошо хоть ружья не забрали. «Предусмотрительно сделал», — радовался купец, оставил в Ленске сына с деньгами, а то бы нищим остался.

А добычи много, таможня в тот год зарегистрировала свыше четырёхсот человек, отправившихся на дальние реки для торгу и промыслу. Пятнадцать кочей отчалили к морю, и Лена стала самым обжитым краем. Сюда ехали купцы, охотники, поселенцы.

Следующим ограбили коч казанских купцов, хапнув товару на тысячу двести рублей, по тем временам огромная сумма.

— Строить крепость не будем, — решил атаман, — займём Жиганск, как знали строители Алексей Архипов да Лука Яковлев, что нам спонадобится.

— На берегу стоит, избы пустые, — радовался Колька, — даже баня есть.

— Что, если кабак построить? — спросил Герасима Никита Власов.

— Кабатчика где взять?

— Всю жизнь мечтал кабатчиком быть, да всё не получалось, — признался он.

— Казак ты.

— Одно другому не помешает.

И заполярный острожёк превратился в весёлый городок. Сюда воевода и вообще разное начальство сроду не заглядывали. С берегу всех, кто проплывает мимо, видно, даже если плывут ночью. А через острог шли суда на Оленёк, Яну, Индигирку, а обратно промысловый люд — купцы, служилые с добычей и выручкой.

Худая слава быстро разнеслась по реке и Жиганск стали обходить стороной. От потерпевших посыпались жалобы воеводам и самому царю.

А что касается самих пиратов, те вели жизнь весёлую. Ещё пару кочей ограбили. Награбленное всё сваливали в общую кучу, потом делили. Ближе к осени, когда начались заморозки и пропал гнус, Анкудинов заявил:

— Товару много, на зиму хватит, по племенам сходим, сами охотиться будем.

— Баб бы ещё, — говорили казаки.

— Будут и бабы, — пообещал Герасим.

Ещё в середине августа, когда казаки спокойно спали в курных избах, вдруг слышали игру на дудках.

— Кто бы это мог быть? — всполошился Герасим.

Прямо к берегу к ним подплыл морской коч. Казаки не спеша выходили на берег:

— Здорово, вольное казачество!

— Здорово! Коль не шутишь.

Последним вышел на берег Васька Бугор. Анкудинов как увидел его, схватился за оружие.

— Воеводы послали?

Но Бугор успокоил его:

— Тебя ищем, удрали мы из Ленска, тоже подались в вольные казаки.

Анкудинов, а следом за ним ватага, радостно захохотали:

— Теперь нас сила, айдате к нам. Вот на кого не думал, так это на тебя, Васька, десятник, первооткрыватель Лены, правая рука атамана и вдруг в пираты.

— Ну, мы сговорились с двадцатью казаками и следом за тобой. Решили — вниз спустимся, малость пограбим, зимовать к вам придём.

— Знают где мы?

— Знают, купцы челобитные строчат самому царю-батюшке.

— Против нас делов не замышляют?

— Сил у них нет. На весь Ленский уезд двести с небольшим служилых. Ну ладно, поплывём, а вы нас ожидайте. Может, избу срубите?

— Подмогнём, — согласился атаман.

Поплыли вверх за лесом и натолкнулись на племя ламутов. Они рыбачили, на вешалах вялилась нельма, жир стекал в деревянные копытца, подставленные под них.

— Забираем шамана, ясак будете приносить. А то кормить не будем.

Прошло несколько дней, вечером казаки сидели в большой избе. У казанских купцов отхватили два бочонка вина и теперь гуляли. Герасим играл на дудке, пьяные казаки одни пели, другие плясали, третьи развалились на лавках, спали пьяным сном.

— Пойду до ветру, — Герасим встал, сунул дудку в карман, вышел на улицу. Ночь разгулялась светлая, ярко светила луна, звёзды, как голубые

шары, перемигивались в небе. Шёл уже обратно, как на тропе выросла невысокая фигура. Герасим пригляделся повнимательней. «Вроде баба, молодая, ядрёная», — подумал он, для верности провёл ладонью по груди. Нет, не ошибся, точно баба. А она протянула мешок из рыбьей кожи:

— На, ясак.

Герасим вытащил из кармана дудку, немного поиграл:

— Хочешь дудку? — баба протянула руку, — Не бесплатно, за это тук-тук надо, — и Герасим показал руками характерные движения. Баба заулыбалась, закивала головой.

— Пойдём, — зашли в пустую избу, там только шаман спал прямо на полу. Атаман взял его за шиворот и выкинул за двери.

— Что так долго ходил, атаман, я уж решил искать тебя, поиграй на дудке, — попросил Колька.

— Дудку я протук-тукал, — засмеялся Герасим.

— Как это? — не понял Колька.

Герасим бросил на стол мешок, вытащил оттуда десять соболей.

— Ясак принесли за шамана. Баба принесла, ну а дудку я за тук-тук отдал.

Только теперь казаки поняли значение его слов, захмыкали.

— А нам когда? Хоть поделился бы.

Бабёнки как прознали, что казаки дают подарки, откуда только набрались. Съехались на заработки тунгусские, ламутские, якутские даже ненецкие бабёнки. Они гнали вино из какой-то сладкой травы и кислой ягоды. И джентльмены удачи наворованную добычу лихо прогуливали в острожке.

Шуга шла по Лене, когда вернулась ватага Васьки Бугра.

— У нас и бабы есть, — на радости встречи сообщил Герасим, — отдельная изба. Только бесплатно не дают, быстро приспособились.

— За ночь чего берут?

— Как столкуетесь. А ночь зачем? Ещё подумает, что жениться хочешь. До полуночи поваландаешься и хватит.

— Как их делите?

— Кто какую сгребёт, не тужи, всем хватит. И кабаков полно.

Вобщем, любой возвращающийся из странствия казак, мог облегчить свой кошелёк, если он был у него. Казаков не грабили, что с него возьмёшь? Да и свой человек, служивый.

Гуляли беззаботно всю зиму, а как солнце начало пригревать и побежали ручьи в Лену, ожила тайга, перелетные птицы большими стаями летели на север и затосковала душа казаков, запросилась в дальние дороги погулять, посмотреть мир. Вслед за птицами, побродяжничать по новым местам, неизведанным землям. Летом спустились вниз, вышли в море, повернули на восток и в конце лета были на Индигирке. Приказчиком зимовья был Лаврушка Кайгородцев, встретил их как братьев:

— Болтают, вроде бы вы грабежами занимаетесь,— говорил Лаврушка, угощая их ухой,— врут, я думаю.

— Уже успели донести.

— Да был тут таможенный целовальник Епифан Волинкин, он и сказал. Ещё сказал, если захотите вернуться обратно в Ленск, то отдадите всё награбленное и можете служить государю дальше.

Это было правдой, к выходкам Анкудинова и Бугра в Сибирском приказе отнеслись спокойно, только пришёл приказ: если вернутся, пусть возвратят награбленное и служат дальше.

— Где твой дружок Дмитрий Зырян?

— Кто его знает, второй год ни слуху, ни духу, как ушёл на новые земли.

— Не обессудьте, но мы и у вас пошарим. Вяжите их,— приказал атаман.

Где справиться пятерым с таким количеством казаков как у Анкудинова. Только Лаврушка чуть не прослезился:

— У нас только ясак. Что сдавать будем?

— Наберёшь ещё.

Ограбив Индигирское зимовье, вернулись обратно в Жиганск. Всю зиму опять пировали, ходили по окрестным стойбищам, торговали, собирали дань. Ближе к весне близживущие племена откочевали от них подальше и где их найдёшь в этих дебрях.

На следующее лето судов прошло меньше, они знали чего можно ждать в Жиганске, держали ружья наготове, да и охрана многочисленная, кричала им:

— Вертайтесь назад, наказывать не будут.

Осенью приплыл на коче с данью Фёдор Чикачёв с пятью казаками. Пока добирались до Жиганска наступила зима, водный путь оказался закрытым.

— Если ограбишь, не расскажу как попасть на новые земли. А они богатые зверем и рыбой. Соболей там много и русских до нас не бывало.

— Зимовать здесь собрался или пехом по льду доберёшься?

— Перезимую.

Анкудинов грабить его не стал.

От Чикачёва пираты узнали о новых землях:

— С Алазеи плыву, Зырян богатую дань отправил. Да ещё на Индигирку попутно заходил, там у Лаврушки, которого вы ограбили — казаки сами охотились после вас — взял пушнину. Теперь возвращаюсь в Ленск. А ещё дальше, на восход солнца от Индигирки, есть богатые реки Алазея и Колыма. Вы здесь весело живёте, народу много. Избы, чумы, тордохи, кабаки, баб много.

— И ты повеселись, соболя есть? — спросил Колька.

— Вестимо, есть.

Раззадорил казаков рассказами о богатых краях Фёдор и захотелось уйти. Надоел Жиганск, надоели бабы, захотелось к своим. Вначале потихоньку шептались, крадучись от атамана, потом громко, на очередной гулянке Колька Габышев заявил:

— Атаман ты наш, любушка, надоело здесь, душа новых мест просит.

Все выжидательно посмотрели на Анкудинова, ждали, что скажет.

— Давно хотел услышать, об чём шепчетесь, ждал когда сами расскажете. А я как вы.

— Да и мы за тобой хоть в ад.

— Тогда, как пройдёт ледоход, за добычей на новые места поплывём, на новые реки — Алазею и Колыму. Готовиться сейчас начнём, коч ремонтировать, а то может новый срубим.

Началась горячая пора, одни ходили на охоту, другие разделявали огромные туши лосей, вялили над кострами, третьи приводили в порядок коч. Ватага Бугра тоже решила проведать новые края, но куда — на запад или восток от Лены, не могли решить, не было общего мнения.

Труднее всего было отвязаться от баб. Они никак не могли понять, то было так много желающих, а теперь смотреть на них не хотят, да ещё выгоняют. Каждый вечер приходили к ним, тянули за руки, откровенно предлагали услуги. Первым не выдержал атаман:

— Колька, бери кнут, бей, пока не уйдут.

Колька только ждал команды:

— Вон отседова, надоели, — и раздавал удары всем, — потаскухи чёртовы.

Фёдор Чикачёв, вернувшись с соболиной казной на Лену, рассказывал: «Митька Ярилко с пятнадцатью казаками, сделав на Индигирке-реке коч, пошли той рекой вниз до моря и шли две недели к востоку — парусом. До устья Алазеи-реки и там поднялись вверх до юкагирского князца Омока. Перезимовали в верховьях Алазеи и после ледохода вниз шли, потом повернули на восток. Меня отправили с ясаком сюда».



После того как Зырян отправил Семёна Дежнёва с ясаком в Ленск, они с Лукой и Яшкой обошли окрестности Верхоянского острожка, поохотились. Ему не захотелось жить на более или менее освоенной Яне, привлекали отдаленные, ещё неизведанные места, где можно было больше добыть пушнины. От этого зависела жизнь сибирского казака, ибо жалованья не хватало.

— Дядя Лука, здесь охотники и казаки соболя повыбивали. Может, пойдём на Индигирку? Она ещё не изведена.

— Пойти-то можно, да ведь весна, половодье скоро, застрянем где-нибудь. Казаков мало, да ещё здесь оставить надо. Благополучно ли доберётся Семён до Ленска? Сколько случаев бывало, казаки бесследно пропадали с данью в тайге. Не думай, что здесь племена мирные.

И как в воду смотрел Лука, как потом узнали, по дороге налетело на Дежнёва около сорока иноземцев, воинственные и из засады. Семён был серьёзно ранен стрелой в ногу.

Но Зырян возразил:

— Всё равно, где застревать, здесь ли, там ли. Зато места новые разведаем. Людей возьмём самых верных.

— Тогда торопиться надо со сборами. Пойдём коньми.

— Значит, согласен? — обрадовался Дмитрий.

Выступили на свой страх и риск в поход с Яны с одиннадцатью членами отряда. Малочисленность может вызвать удивление, но в те годы это было обычным явлением, сами племена тоже были малочисленны, да ещё враждовали меж собой.

Поначалу всё складывалось удачно, прибрежные речные просторы были пустынные. Потом лес сменился трупобами, глухими урманам, вдруг в самой гуще увидели небольшое стойбище, человек двадцать пять, не больше. Подъехали к жилищам, коническим шатрам, покрытым шкурами.

Гости и хозяева внимательно разглядывали друг друга. Хозяева низкорослые, одеты в одни шкуры, узкоглазые, нос небольшой, плоский, широкие скулы и небольшой подбородок. Глаза до того тёмные,

что радужная оболочка сливается со зрачком. Лица у мужчин безбродые. Казакам они показались все на одно лицо. Рядом с вождём стояло несколько воинов при всём своём вооружении: шлеме и панцире из лосиной кожи, в ровдужных рубашках, плотно сидящие на плечах, подпоясаны ремнями, с них свисали ножны с ножами, сделанные из кости. Мужчины смотрели на казаков, не зная, как их принять. Зато женщины смотрели на казаков с весёлой беспечностью, словно видели их не в первый раз.

— Вроде род гостеприимный, — сказал Лука, слезая с лошади, — отдохнём немного и дальше пойдём. Эй, Типл, поговори с ними.

— Кто такие?

— Яндигирцы мы, охотимся здесь, вождь Джангай.

— Поесть дадите?

Женщины весело заулыбались, зашушукались, легкой походкой разбрелись по чумам. Многочисленные украшения на груди из птичьих косточек тихо постукивали, точно зажурчал весенний ручеек. Развели мужчины костёр, в него положили камни, в деревянном корыте в воду женщины положили разделанную зайчатину, когда камни раскалились, бросили их в корыто и так проделали несколько раз, затем выложили в большую деревянную чашу, подали казакам. Казаки приступили к трапезе, но тут же, не сговариваясь, выплюнули на землю.

— Оно же недоварено, — возмутился Попов Федот, — нет, такую еду есть не буду. Сварим сами из своего мяса. Урумэччи, помогай.

Урумэччи с готовностью наполнила котёл водой, повесила на треноге над костром, посолила, наложила мяса. Яндигирцы наблюдали, только маленькая девчушка закричала:

— Сгорит посудина.

— Не сгорит, железный, — улыбнулась Урумэччи.

Зырян внимательно посмотрел на девчушку: глаза сообразительные и смешливые. Узенькие, угловатые плечики закрывала соболиная накидка.

За вечер варили в котле несколько раз, наелись сами, накормили хозяев. Только после этого мужчины сели, завели разговоры.

— Казаки мы, пришли к вам с миром.

Дети природы, они сразу почувствовали доверие к ним.

— Примите государеву высокую руку, поклянитесь в верности, платите ясак. За это мы будем защищать вас от всех ваших врагов.

— Мы слышали от других яндигирцев, что на Индигирке есть крепость, но сами не видели. А ещё дальше есть богатая река Алазея, там живут алазейцы. Мы по Яне кочуем, те места не знаем.

— Пора отдыхать, — первым встал Федот, за ним все остальные. Расположились на сон под открытым небом, подстелив под себя необработанные шкуры, которые дали гостеприимные хозяева.

Зырян вдыхал полной грудью весенний воздух, похолодавший к ночи. Смотрел на слабо алеющий горизонт тёмного неба, думая, что с яндигирцами можно легко договориться и жить в мире и согласии. Благо земли здесь необъятные, малозаселённые и места хватит всем.

Утром Лука подошёл к Зыряну:

— На охоту зовут, на диких оленей. Пойдём?

— В дорогу надо мясом запастись, идите, — разрешил он, — а я по тайге пройдуся.

Отошёл немного от стойбища, огляделся. Множество куропаток сидят на ольховых деревьях, клюют набухшие почки, на него никакого внимания. «Непуганые, — думает казак, — пострелять что ли на обед, не хочется. Людей много, куропатками не накормишь». В снежные метели, когда они ехали к Верхоянскому хребту, видели как куропатки зарываются поглубже в снег, когда бледное небо немного сереет, выпорхнут на короткое время, поклюют почеч и снова в снег. Сейчас они постоянно сидят на дереве, вертят своими маленькими головками с бусинками-глазами. Вдруг около лица Зыряна пролетела стрела и прямо куропатке в бусинку-глаз. Она упала с дерева, а соседки куропатки проследили её полёт на землю и даже не сменили места своего обитания, не вспорхнули. «Наверное, в меня метили», — подумал он. Но тут подбежал мальчонка лет семи-восьми, взял куропатку и ушёл к стойбищу. Зырян за ним, у костра лежало несколько куропаток и мальчишка обдирал вместе с кожей и перьями. «Видимо на куропатках да на зайцах дети учатся охотиться», — догадался он.

Лука сидел на корточках, разжигал костёр. Вынул из мешочка трут, камень и полоску железа. Стал ударять железом о камень, получались искры, подложил под эти искры трут, он задымился, пламя охватило подложенные сухие стружки в костре, вскоре запылал костёр. За всеми действиями Луки проследил родоначальник.

— Дай мне, — попросил он, — соболей много дам, вот столько, — и растопырил пальцы обеих рук.

— Эй, Федот, огниво есть? Вожак обещает за него десять соболей.

— Так и быть, продам, у меня ещё есть.

Яндигирцы знали все тропы, по которым мигрируют стада диких оленей и позвали казаков поохотиться вместе. Соорудили большой загон, когда показалось стадо оленей, с помощью собак часть охотников направила их в загон и копьями кололи. Казаки постреляли для себя из ружей. Охота была удачной, Джангай цокал языком, хвалил казаков.

— Как умело стреляете из дьявольских луков, — так они называли ружьё. — Может дать проводника в дорогу? Воины знают.

При этом Лука заметил, как что-то хищное мелькнуло в глазах вождя, это насторожило. «То говорили, дорогу на Индигирку не знают, теперь проводника предлагают. И как-то странно, что меж север-

ными племенами не затухают воинственные столкновения, в таком большом и богатом крае. Много усилий придётся приложить, чтобы замирить их», — думал Лука.

Опять они в дороге. День стремительно прибывал и под тёплыми лучами солнца снег становился рыхлым. Лошади глубоко проваливаются, быстро утомляются и к вечеру еле переставляют ноги. Такие дороги изматывали и казаков. Все эти леса, болота, озёра, реки — сколько сил уйдёт, пока они достигнут цели и человек в этих краях словно иголка в стоге сена, затеряется — не найдёшь. Наконец растаял последний снег, запахло весной, земля разомлела от тепла, за зиму отдохнула, набралась сил и теперь всё будет отдавать людям. Летняя дорога стала ещё труднее, чем зимняя. Падающие деревья не успевают сгнить, как уже их застилают покровы ягелей и мхов и на развалинах погибших стволов вырастают новые поколения, а густые непроходимые чащи молодых подлесков с избытком пополняют убыль в изживших деревьях.

Впереди неутомимо шагает проводник. Яндигирцы в жизни не видели лошадей и он боится их. Лука подозрительно смотрит на проводника.

— Правильно идём? Мы на этом месте уже были. Вон, смотри, на дереве моя метка.

— Не были мы здесь, — твердил проводник, а сам не мог поднять глаз на Луку.

— Дядя Лука, посмотри хорошенько, может метка не твоя? — подъехал к ним Зырян.

— Моя, что я своих зарубок не отличу от чужих? Следить надо за проводником. Завёл нас в такую чащобу, не выбратся, бейте его.

Проводник без перевода понял, что ему угрожают расправой, кинулся в чащу леса, где его догонишь. Он у себя дома.

— Остались мы одни, что делать, дядя Лука?

— Ехать прямо на восток, Бог милостив, выведет к реке.

— Сколько дней мы в пути? — спросил Зырян у Попова. — Знаю, ты зарубки делаешь.

Федот вытащил узкую дощечку из кармана, посчитал зарубки:

— Пятнадцать дней.

У них три дня как закончились продукты. Одиннадцать казаков, Типл, купец с женой. Лошадей было двадцать, сейчас осталось пятнадцать. Последняя лошадь под купеческим товаром пала в полдень, когда они остановились на отдых. Второй день маковой росинки во рту не было. Отощали и люди, и лошади, пили только талую воду. Думали в дороге зверя набьют, во всяком случае мясо всегда будет. На деле столько времени идут и ничего не попадает, словно вымерла тайга.

— В таких местах только лешак живёт, — ворчит Лука, — не тем путём идём, одни озёра, да болота. Надо было поверху идти, по плоскогорьям.

— Обманули нас, — отвечает Чикачёв.

— Сразу поначалу были сомнения, да Ярилко настоял. Следом идут, как сильно ослабнем — перебьют, неладное чую, — отвечает Лука.

Они с Фёдором едут впереди отряда, строго на восток.

— Ещё неделя такого пути, — говорит Лука, — все перемерём.

Он вдруг закачался в седле и повалился, Фёдор успел подхватить его, не дал упасть на землю. Зырян подъехал, испуганно спросил:

— Что приключилось, дядя Лука?

— Ослабел я, Митрий.

Все слезли с лошадей, испуганно озирались: не потеряли ли кого, все ли живы.

— Тут, недалеко место сухое есть, трава для лошадей, — предложил Федот.

Проводник от них сбежал, казакам не оставалось ничего, как идти всё дальше на восток, так им говорил атаман Иван Ребров, первооткрыватель Индигирки.

— Проводник убежал к своему стойбищу, может поищем? — предлагал Зырян Луке.

— Нельзя, — предостерёг Лука, — можем окончательно заплутать.

Последнюю муку истратили неделю назад. Чтобы растянуть её употребление на большее время, подмешивали кору деревьев, делали мучную болтушку и ели. Недостаток в свежей пище тяготил их, больше всего мучила слабость, готовы были лечь и не вставать. В неприютной тайге это невыносимое состояние. На многие километры не встретили живой души, абсолютное безлюдье.

— Знал, куда завести нас, — ворчал Зырян, — никакой веры им нет, если останемся в живых — отомщу.

— Заболонь, кору, берёзовый сок добудем, пока этого поедим, — предложил Дмитрий. И первым подошёл к деревьям. Ел сам заболонь, кормил Луку, все последовали его примеру.

— Яшка, пойдём со мной, — когда немного насытились, позвал Зырян.

Вернулись не скоро, за плечами у обоих мешки с мясом.

— От падшей лошади? — спросил Федот.

Яшка с Зыряном шли держась друг за друга и на вопрос Федота не ответили.

Фёдор Чикачёв развёл костёр, нарубил мяса, бросил в котёл. Когда сварилось, Дмитрий приказал:

— Ешьте все, если хотите жить.

Он ещё два раза ходил с Яковым, пока не принесли всё мясо. Отдыхали два дня и люди, и лошади. На третий день рано утром проснулись от гогота гусей. В небесах летела большая стая пернатых.

— Река недалеко, — обрадовал их Лука.

Зырян с Чикачёвым стойко переносили голод, помогали ослабленным. Дмитрий ехал около Луки, взглядом сторожил его, чтобы случайно не завалился.

Фёдор, передовщик, вдруг остановился, слез с лошади, попятился назад. Сам знаками давал понять о чём-то. Заметив это, весь отряд остановился. Думали, может медведь. Но медведя там не было. Гуси серые, несколько десятков сидели на песчаной косе, только их вожак стоял в стороне. Казаки, стараясь не шуметь, тихо подступали к стае, подошли как можно ближе незамеченными. И началась охота. Куда девалась усталость и недомогание? Только что с трудом передвигали ноги, морщились и поджимали пустой желудок, теперь засуетились. Радость от того, что будет сытный обед преобразила казаков. Охотничья страсть овладела всеми. Откуда только силы взялись? Били, стреляли, кололи, гонялись. Лука складывал всех гусей в общую кучу:

— Яшка, быстро разжигай костёр. Федька, носи хворост, — командовал он.

Все принялись готовить обед. Варили суп в нескольких котлах.

— Много не ешьте, поначалу жижу пейте, — предупредил Лука.

Яшка содрал перья вместе с кожей с огромного гуся, жарил над костром на деревянном вертеле.

— Яшка, — крикнул Лука, — попей вначале, мяса потом поешь.

Но Яшка как будто не слышал, хрустел гусиными крылышками на крепких зубах. Лука подошёл к нему, дал хорошую затрещину, протянул котелок с бульоном:

— Пей, неслух.

Ели долго, с передыхом, пили наваристый бульон. После сытного обеда всех разморило, тут же около костра уснули и не видели, что из-за кустов густого тальника за ними наблюдает их проводник. Когда все уснули, он тихо подкрался к куче гусей, взял одного, хотел вытянуть другого из кучи, но Лука, видимо, почувствовал неладное вдруг сел и уставился на него бессмысленными глазами. Проводник испугался, бросил гуся и был таков. После длительного сна Лука пересчитал гусей:

— Приснилось или привиделось, будто проводник был здесь, — сказал Зыряну.

Федька обошёл кругом стана, сделал вывод:

— Был он здесь, вон под теми кустами сидел, следы нашёл.

Вышли к реке Индигирке, так решили все, потому что ширина большая и уходила вдаль насколько хватало взгляда. Они знали, что где-то есть крепость Зашиверск, наверху или внизу от них — не знали.

— Надо строить коч, — решил Зырян, — пойдём искать подходящие деревья. Лошадей возьмём с собой, Попов Федот со своей женой на карауле и надо варить обед.

Последние дни стало холодать.

— Перед ледоходом это, — заметил Федот.

Тайга-тайга, безлюдье, а к вечеру, когда они возвращались на стан, подморозило, между кочек лужи покрылись тонким ледком и звонко лопались под копытами лошадей. День шёл к закату, солнечные лучи коснулись верхушек деревьев, когда они вышли к реке. А в небе курлыкали стаи пернатых, летящих на север.

— Завтра на охоту ходим, — решил Зырян.

Берег, на котором расположились казаки, затопили растаявшие снега. Уровень воды поднимался быстро и заливал низменный берег. Пришлось начавшееся строительство коча поднимать всё выше, подальше от реки.

— Где-то затор, оттого вода быстро поднялась.

Наконец затор прорвался, горы льда с жутким грохотом начали разрушаться и поток воды устремился к океану. Вместе с рекой пробудилась окончательно природа. Наступило настоящее лето. Стояла жара, земля напилалась талой водой, берег реки и окрестности покрылись зеленью. В самой тайге стоял душистый запах смолы. И казакам казалось, что никогда они не видели такой радостной картины возрождения природы.

Как бы тяжело не было, а запас гвоздей и скоб сохранили, теперь трудились целыми днями. Половина отряда охотилась, половина, под предводительством Луки, строили коч. Лука смастерил удочку:

— Урумэччи, лови рыбу, всё занятие, чем так сидеть.

Погода стояла на диво — жара, поскидывали одёжу, остались только в исподнем.

— Искупаемся, — предложил Яков казакам, первым ступил в воду и тут же выскочил:

— До чего холодна.

В середине лета коч был готов, только парусов нет.

— На вёслах вниз ходим, разведаем, — предложил Зырян.

— Вниз, так вниз, без разницы, — согласились казаки.

Течение реки быстрое и вскоре увидели крепость Зашиверск.

— Ура, здорово! — закричали Чикачёв, Пантелей и Прохор Колесовы.

— Теперь отдохнем на славу, — радовались казаки.

— В баньку ходим.

Через неделю спустились к устью Индигирки, там жили олюбенцы. Их князцы били челом Зыряну, клялись в своей верности.

— Есть ли землицы, на которых не побывали казаки? — спросил Зырян.

— Есть такие землицы, богатые зверем и рыбой, дальше, на восток — Алазея и Колыма.

Только Лука готов был волосы рвать за свою неосмотрительность:

— Как облапошили яндигирцы, притворились добрыми, а сами замыслили нас сгубить. И этим веры нет.

Поставили олюбенское зимовье, оставили там трёх казаков, остальные казаки поднялись в верховья Индигирки зимовать. Поставили курную избу и всю зиму охотились. А как прошёл ледоход, Зырян замыслил спуститься вниз по Индигирке, чтобы искать неведомую Алазею.



Михаил Стадухин шёл из кабака рассерженный, злой. Это его, московского дельца, купеческого рода осмеяли казаки, бывшее мужичьё. Только ступил через порог кабака, как услышал:

— Тихо, Мишка прибыл, воеводский любимец, наушник.

— Заступник,— громче всех кричал Мишка Вычегжанин,— вор, переветник.

Как кнутом огрели, не стал слушать дальше, повернул обратно, хлопнув дверь. «Что с ними сделаешь,— думал он,— их много, они люди вольные, для них только ратные дела, сражения. Скажи им что-либо не по нраву, сразу за нож, либо за саблю хватаются. На драку вызывают. Знают, что защита есть — братство у казаков крепкое. Друг за друга всегда заступятся, не разбирают прав или виноват казак. Хотя и стали казаками с десятков лет, а науку старых ермаковцев крепко запомнили, на носу зарубили, придерживаются неукоснительно. Самому что ли в казачью вольницу вступить? Головин предлагал, запомнил как старался вызволить его с подьячим из толпы разбушевавшихся казаков, за волосы таскали, руку повредили, рассекли ножом. Долго рука болела, гнила, отметина на всю жизнь осталась, до сих пор слабо держит нож». Михаил вышел за ворота, к себе домой. Изба, как у многих, стоит за огорожей, в самой крепости места нет. Да и бояться теперь некого. Вся Туймаада знает силу русского оружия, особенно после расправы воеводы, разве что из-за угла кого поранят. За ясаком ездят казаки безбоязненно, знают, что расправа неминуема. Отошёл немного от тына, смотрит, едет отряд казаков. Кони от усталости шатаются. Он узнал Емельяна Тарабукина, Томилу Сысолятина, Постника Губаря, всего двенадцать казаков.

— Здорово будь, Михайло Василич, купеческий сын. Велико ли богатство нажил сидючи в крепости? — кричал Емельян.

— А то может с нами сходишь? — добавил Постник.

— Ему купеческий сан не позволяет с мужичьём по тайге мотаться,— ехидничал Емельян.

— Не скальтесь, в зубы дам. Лучше скажите, откуда едете?

— С Индигирки, видишь, сколько дани везём в государеву казну. Каждый казак имеет лошадь, на второй в нартах привязаны объёмные мешки.

— Сами охотились?

— Пойдём в кабак, угостим на славу, — захохотали казаки и, не дожидаясь, что ответит Стадухин, поехали в крепость.

Купец смотрел им вслед, пока за ними не закрипели ворота. Его душила зависть, понимал, правы казаки, сидючи в крепости, здесь, в Сибири, богатства много не наживёшь. «Схожу к воеводе, может и мне отряд даст, — решил он, — надо сходить на неведомые земли». Маленькая его избёнка стояла около кабака, братья часто его навещали, вот и сейчас сидят хмельные, посмотрели на него зло:

— Мишка, сколь говорить тебе, давай вернёмся, надоело здесь, — сказал Пётр.

— Хватит нам, на всю безбедную жизнь, — добавил Тарас, — не жадничай.

Сын Яков наварил мяса, поставил котелок на стол:

— Ешьте.

— Опять хмельные, — заругался Михаил, — пить меньше надо. Вы бы лучше охотились.

— Соболя здесь повыбивали, сам знаешь, — сказал Яков, — домой хочу.

— Иди, скоро повезут ясак в Енисейск, вот с ними и отправишься. Я дальше хочу земли проведать. Может, братья, сходите со мной напоследок?

Братья переглянулись, ответили:

— Только напоследок.

На другой день, прежде чем побывать у воеводы, зашёл в амбар, там Постник Губарь сдавал ясак. Посмотрел соболей, чернобурок, горностаев. Шкурки крупнее ленских, темнее цветом. Словно искры летели, когда он против шерсти погладил, подщёрсток очень густой.

Воеводская канцелярия в центре крепости в большом доме, с высоким крыльцом. Пётр Петрович вопросительно глянул на вошедшего купца.

— По делу явился, — ответил Михаил на немой вопрос воеводы.

— Обожди малость, — попросил он.

Дьяк читал указы из Сибирского Приказа об ворах и разбойниках — Анкудинове и Бугре — что пусть, дескать, вернут награбленное и дальше служат.

«За грабёж не судят, — подумал Стадухин, — надо воспользоваться».

В следующем указе ответ на вопрос, чьими считать детей казаков от иноземок. Так вот, детей считать русскими прижитками и наследуют они сословие отца.

— Отпиши в Приказ: ноне, де, в войске все оголодали и оскудели, питаемся от одной охоты и рыбалки, хлеба нет. А сойти без государе-

ва указа не смеем никуда и драться стало нечем, пороху и свинцу нет нисколько. Удержать племена малыми силами невозможно, просим подкрепления.

Михаил слушал воеводу и кривил губы в ехидной улыбке. «Это он-то мясо да рыбу ест? Как бы не так. Были у него: булки белые, пшеничные, не то, что у казаков — ржаные и то не всегда, а в походах действительно приходится есть только мясо и рыбу. Казаки рассказывали, к муке примешивают кору и едят коренья». Знал он и то, что казаки написали государю челобитную, как воевода злоупотребляет своей властью. Пленных саха, лучших людей, пытал и огнём жёг, и кнутом бил больше месяца, после того своего сыску тех якутов, в присутствии своих соплеменников, велел повесить.

Наконец воевода повернул голову к Михаилу:

— Сказывай.

— Хочу сходить на новые землицы, для государя дань собрать и привести те новые землицы под государеву высокую руку.

Воевода задумался:

— Земли здесь — конца-края нет, обширные и малолюдные. Отправить бы надо, вот только какая заковыка. Слышал, что дьяку диктовал? Подкрепления прошу, припасов, мука заканчивается. Отправлено, кроме Пояркова, ещё два отряда — Зыряна и Ивана Ерастова. На юг, на восток, на запад разослали новые отряды по всем рекам. Нет у меня средств, ждём помощи.

— Он же купец, пусть наберёт отряд за свой счёт и идёт, — предложил дьяк.

— Дело говоришь, набирай и иди за свой счёт, с нами рассчитаешься десятой частью. Казачьему голове прикажу, чтоб тебе казачьего десятника дали. Всё законно будет. В боях побывал, знаю твою храбрость, опять же по неизвестным землям хаживал.

Вышел из канцелярии, навстречу Семён Дежнёв, тоже, видимо, к воеводе по делу.

— Здорово живёшь, Семён Иваныч, дело к тебе спешное.

— Какие дела могут быть у купца к казаку.

— Не купец больше, такой же казак как и ты. На новые землицы пойдёшь со мной?

Семён задумался: высокомерный, завистливый, жадный, наверное, все купцы такие, как с таким идти, но в бою бесстрашный, не бросит, выручит. Одному на жалованье жить трудно, а теперь у него семья.

— Что ответишь?

— Когда в путь-дорогу?

— Месяц побудь около молодой жёнки и в путь, — а про себя подумал: «Ну, если Дежнёв согласился, казаки его уважают, за ним и другие пойдут».

Емельян Тарабукин со своими дружками, как услышал от Семёна, что новый отряд идёт на север, напросился в проводники.

— Что? Снова потянуло? — спросил бывший купец.

— Последний раз в поход ходим и вернёмся в родные края, — за всех ответил Емельян.

Никуда они не уйдут, тот, кто познал широкие просторы Сибири, богатство тайги, вольную жизнь — Михаил это понял, — тот не сможет жить на западе Руси. Съездят, посмотрят, как живут их родичи, от силы годок побудут и вернутся снова, теперь уже навсегда. Новых людей ковала Сибирь, новых, совсем непохожих на западных. В Сибири, если захочешь, всего довольно: и земли, и угодий. Только не ленись — богато жить можно. Ну, а новоявленным казакам, вырвавшимся из холопей, такая свободная жизнь была по душе.

Набрал Стадухин за свой счёт шестнадцать казаков. В дороге коротали время за разговорами. Емельян ехал рядом с десятником, рассказывал о племенах, в каких краях побывал:

— Живут по Индигирке племена «ламу» — как называли их якуты — что означает «море, озеро». Отсюда и название «ламу́ты». В низовьях, и далее на восток, живут племена «юка» или «ледяные люди», так называют их тунгусы, а уж мы для удобства прибавили окончание и получилось «юкагиры». Себя они называют по-другому.

— Много ещё встретим племён, о коих ничего не знаем, — ответил Михаил, — на речку Оймякон хочу попасть.

— На Оймяконе не бывал, но слышал, та река — приток Индигирки, на восток от Ленска.

— Потому и иду по неведомым местам, у воеводы был, так указ дык читал из Сибирского Приказа об ворах Анкудинове и Васье Бугре, дескать, пусть награбленное сдадут и служат дальше. Смекаешь?

— Смекаю, Михаил Василич.

Первое незнакомое племя встретили на исходе двухмесячного пути. Старик, родоначальник, явно обрадовался казакам:

— Чоола я, — начал разговор с казаками, — у меня большой род, четыре сына. Трёх женил, кочуем к морю, там четвёртого женю.

— Емельян, зови Дежнёва, пусть переведёт.

Семён якутский понимал, а вот ламута понимал с большим трудом.

— Зверя здесь много, — продолжал Чоола, — остановитесь, вместе поохотимся.

Чоола поставил несколько чумов, немного в стороне от них, молодой мужчина учил двух мальчишек пяти-шести лет стрелять из лука. Для этого повесил на большую разлапистую лиственницу кусок шкуры оленя, дал в руки маленькие луки, показывал как стрелять. Мальчишки старательно целились, если не попадали, получали крепкий подзатыльник.

— Ясак собираем, — сказал ему Семён.

— Мы уже заплатили, пойдём со мной, — поманил рукой Чоола Стадухина, — покажу кое-что, — глаза у него хитро загорелись.

В чуме достал мешок, вытащил соболиные шкурки, такие, как видел Михаил в Ленске.

— Дай котёл и огниво, много дам.

Чоола растопырил пальцы обеих рук и махнул ими два раза.

«Хитёр мужик, — подумал казак, — но такими соболями полностью рассчитаюсь в таможне. Огниво только жаль, а котлы есть у казаков, с общего есть буду, так даже лучше». Но вслух сказал:

— Дай ещё столько же, научу, как огнём пользоваться и котёл дам.

Для убедительности отстегнул от пояса мешочек с огнём, принёс котёл и махнул руками два раза.

Пока шла на пальцах меновая торговля, отряд остановился, распрягали лошадей, пустили пастись. В дорогу Стадухин решил взять лошадей якутских. С ними очень удобно, не надо брать с собой ни сена, ни овса. Они сами находят себе корм под снегом, разгребая его копытами. Оленьё стадо Чоолы пасли сыновья поочередно, а он только смотрел за порядком в своём роде. Михаил развязал мешочек с огнём, показывал как пользоваться.

Чоол так обрадовался, что отдал соболей вместе с мешком.

— Учи, казак, всех, а я уже умею, нож дай.

Два дня стояли вместе, заготавливали мясо, готовились к новому переходу.

— Михайло Васильев, — обратился к нему Юрий Селиверстов, — куда торопиться? Соболя много, поохотимся.

Чоола с внуками носились от леса к поляне с хворостом, разжигали костёр, весело смеялись и снова разжигали другой.

— Как дети малые радуются, — усмехался Дежнёв, варивший обед на весь отряд.

— Теперь я богаче всех кричал Чоола: выменял железный нож, огниво, котёл, топор надо ещё. А соболей добуду, в тайге их много.

Михаил увидел, что Чоола собирается, подошёл к старику:

— Далеко ли до реки Оймякон?

— Иди навстречу солнцу, перейдёшь большое озеро, а там и река недалеко.

— Где ваши племена кочуют?

— Иди по Оймякону вниз к Индигирке, всех встретишь. Индигирка течёт в море, там край земли, есть ещё река Алазея, Колыма, а дальше не знаю.

За ужином Стадухин сказал всему отряду:

— Ещё денёк поохотимся и в путь.

— Ещё бы можно, — заикнулся Семён Мотора, — с богатого места уходим.

— Торопиться надо, дорога дальняя, ещё настигнет нас половодье. Как и предсказал Чоола на Оймяконе встретили ещё племя ламутов.

Вождь зло и сердито посмотрел на Стадухина, сказал:

— Ясак заплатили, больше не будем.

«Воинственный род, — подумал десятник, — добром не договоримся». Отозвал Емельяна в сторонку и долго о чём-то разговаривали, остальным сказал:

— Едем дальше.

Все тронулись в путь, только Емельян, Томил и Тит отстали от отряда.

— Не хотите добром ясак отдать, — закричал Емельян, — сами возьмём, — и бросился к первому же чуму. У входа стоял шаман, пытался его остановить. Но Емельян легко отшвырнул худенького старика, тот плашмя упал на снег. Из чума вышли два ламута вцепились в казака. Подскочил Тит на помощь, взяли в кулаки обоих. Низкорослые, с костяным вооружением они не смогли долго сопротивляться высоким и сильным казакам. Обшарили быстро все чумы.

— Емельян, брать только соболей? — спросил Тит.

— Бери какие попадутся.

Емельян с дружками догнали отряд, когда те сидели за ужином вокруг большого костра. Все, как по команде, повернули к ним головы. Впереди себя у каждого по большому мешку. Казаки подозрительно посмотрели на них и поняли, почему они отстали от отряда.

— Ограбили? — выдохнул Дежнёв. — Зачем? Они же заплатили ясак.

— Теперь жди беды, — сделал вывод Мотора, — из-за тебя пострадает, но знай, о твоём воровстве узнают все.

Михаил с усмешкой посмотрел на всех, встал, взял мешки у казаков, погрузил на свои нарты, крепко привязал ремнями:

— Потом рассчитаюсь, — троица в знак согласия кивнула головами.

Прямо на тропе весело трещал большой костёр, когда они встретили следующий род. Трое ребятишек поджаривали куски мяса и обжигаясь ели. Мужчин не видать, только женщины и дети, видимо, на охоте.

— Что, опять Емельяна пошлешь грабить? Не дадим, проезжайте мимо, караулить будем, — сказал Мотора.

— Ты обидчик и вор, Мишка. Сказано было, что ясак они сдали, — поддержал Дежнёв.

— Сдали, не сдали, мне всё одно. Для государева прибытка стараюсь.

— Для себя грабишь.

— И для себя тоже, что, доносить будете? Воевода не поверит.

— Хватит лютовать, Емельяна посылаешь, а братьев своих оберегаешь, — отчитал его Юрий Селиверстов, — знал бы, не пошёл с тобой.

— Надоели ваши поучения. Они в тайге живут, добудут ещё. Емельян, вон вдали олени пасутся, гоните их сюда, а то мясо закончилось. Эти умники не позаботятся.

По календарю весна, а здесь глубокий снег кругом, только днём в лучах солнца так блестит, что больно смотреть. Отъехали ещё вёрст с десяток, остановились на отдых и ночлег. С версту отъехали от тропы, очистили от кустарника и молодых деревьев пространство, закололи оленей, разожгли жаркий костёр, наварили, нажарили на деревянных вертелах впрок мяса. Перед сном навалили на костёр лиственниц, которые потолще, улеглись спать вокруг костра в спальных мешках.

— Ты, квашня, карауль нас, — сквозь зубы бросил десятник.

Апрельские ночи короткие. Только солнце закатилось за горизонт, как часа через два начался рассвет. Семён еле сдерживал себя, чтобы не заснуть, но сквозь дремоту слышал характерный хрип оленей и поскрипывание полозьев. Емельян Тарабукин спал около него, толкнул его в бок:

— Слышь, кто-то едет.

Вскоре въехал на олене Чоола:

— Где Мишка?

Но Стадухин уже поднял голову, вопросительно смотрел на Чоолу.

— Быстрее уходите, убивать идут мои соплеменники за то, что грабили, — и умчался дальше. По дороге увидел соплеменников и их предупредил:

— По этой тропе не ходите, казаки ограбят, — отдохнул, поел мяса с родовичами, накормил оленей и опять в дорогу. Все тропы, урманы, урочища известны ему, где какие племена кочуют. Добрался до переселенцев якутов:

— Там ваших казаков убивают, большая сила, много родов собралось, — сказал он им новость, — идите, помогите и опять отправился в дорогу.

Теперь он ночевать предпочитал в стороне, в нехоженой тайге, в нетронутом человеческими ногами снегу.

— Что будем делать? — спросил десятник.

— Может успеем огорожу сделать.

В тайге застучали топоры, в морозном воздухе звук далеко разносится. В мёрзлую землю колья не вобьёшь, получилась изгородь, скреплённая гвоздями.

— Эх, для лошадей не успеем соорудить изгородь, в лес угнать что ли? — спросил Стадухин.

— Не успеем лошадей попрятать, слышь, рога стучат, — ответил Мотора.

Кто верхом на олене, кто на нартах — показались меж деревьев ламуты. Меткие стрелки ламуты знали, что у казаков всё тело защищено, а потому старались стрелять в ноги и руки. Хотя стрелы с костяны-

ми наконецниками, но кожу пробивают и впиваются больно. Казаки в ответ стреляли из ружей, но пули редко попадали в цель. Ламуты не стояли на месте. Казаки были на открытом месте, изгородь не спасала от стрел.

— Придётся в рукопашную идти, — сказал Стадухин, вытаскивая очередную стрелу из руки.

— Сабли к бою, — крикнул он.

Выскочил через невысокую огорожу и ходу за врагом, где их догонишь, догадались угнать лошадей и сами удрали, да и темень наступила. Поднялась пурга, заметала следы и лошадей, и оленей.

— Пока метель, их не будет, можно отдохнуть, раны перевязать, — сказал Стадухин.

Так и случилось, весенняя метель короткая, как неожиданно началась, так неожиданно и закончилась. Но казаки успели за ночь ещё выше поднять огорожу и сделать бойницы. К утру метель совсем успокоилась, снег лежал ровным слоем. Белоснежная земля под яркими лучами солнца сияла чистотой. Но ламуты в этот день не появились, дали передышку и казаки хорошо подготовились.

— Силы собирают, — предположили они.

Точно, через два дня появилась большая сила, много родов, осадили со всех сторон. От стрел спасала высокая изгородь. Ламуты столпились, стали совещаться, потом пошли на приступ со всех сторон. Казаки заняли круговую оборону, подпустили на сто-двести шагов, дали залп. Теперь пули летели в цель, не спасал ни панцирь из роговых пластин, ни шлемы — падали сражённые. Но это не остановило врага, пытались бежать к изгороди, но разве по глубокому снегу быстро добежишь? Это дало возможность дать ещё один залп и пошли в рукопашную. Казаки волосатые и страшные, высокие ростом, наводили ужас. Те стали отступать, но большинство продолжали отбиваться. На одного казака налетало по пять-шесть человек. Наконец ламуты дрогнули, отбежали от изгороди, но далеко не ушли. Казаки преследовать не стали, сами были хорошо потрепаны, все изранены.

С утра бой продолжился. Но к казакам неожиданно пришла помощь. Якуты, предупреждённые Чоолой, решили, что без казаков им не удержать эту землю и подоспели вовремя. Теперь сражение закончилось быстро, ламуты разбежались по своим нартам и скрылись в тайге.

— Далеко не уедут. Ночью своих соберут, женщин пошлют, — сказал Мотора.

— Может их в аманаты взять, Михаил Василич? — спросил Емельян.

— Самим жить негде, — махнул рукой десятник и зашагал навстречу якутам. — Спасибо, выручили, пойдёте к нам, угощаем.

Поймали с десятка оленей, их хозяева то ли убиты, то ли ранены.

— Лошадей где найти?

— Сами придут. Мы бы вам продали, — сказали якуты, — да у самих мало.

— Дежнёв, Тит и Андрей, поищите лошадей, может, найдёте.

Искали не один день, пригнали только пять штук.

Чоола ещё раз приезжал:

— Уходите дальше, за Индигирку, осенью вернутся, добьют.

— Емельян, с моими братьями езжайте в Ленск. Дорога вам знакома, берите всех лошадей, мы пойдём пешком.

В своём донесении Ленскому воеводе Стадухин писал, что открыл реку Оймякон, приток Индигирки, что положение его критическое, лишился лошадей, выдержал крепкие бои с ламутами, просил подмоги.

— Вы, братья Пётр и Тарас, езжайте с Емельяном дальше Ленска на Москву, — приказал Михаил.



В тордохе вокруг маленького костра сидели вождь юкагирского рода Ендигирка, рядом шаман Наян. Ендигирка, худощавый мужчина лет пятидесяти, седые пряди резко выделяются в смоляных волосах. Узкие глаза смотрят на собеседника умным взором. Наян старше вождя, его глаза уже выцвели и кажутся светлыми. Они сняли с себя верхнюю одежду и сидят в меховых нижних рубашках, мехом внутрь. Шапки из песцовых лапок лежат рядом на оленьих шкурах, на которых они сидят.

— Мои воины разведали, одна изба у казаков, их стало меньше ещё на трёх человек. Надо договариваться с другими родами, разобьём пока их мало, если соединятся с зашиверскими, тогда вообще не сможем выгнать с нашей земли.

— Зачем убили сыновей Чоолы, теперь многие не пойдут, — отозвался Наян.

— Надо наказывать за предательство весь род, чтоб другие боялись мести.

— Хватило бы одного Чоолы, зачем внуков и невестку к себе забрал? — спросил Наян.

— Она ещё молода, может рожать, продам в жёны другому роду. Мальчишки через год будут пастухами. Ламуты приучены к уходу за оленями.

Ендигирка одним из первых купил у ламутов десяток оленей за две соболиные шубы. За годы стадо выросло и теперь не знает точное их число. Он считает себя хозяином этого края и задумал избавиться от непрошенных гостей. Два раза нападали на Зашиверск всем племенем, помогали рода ламутов, но безуспешно. В битвах потерял двоих сыновей и теперь надо отомстить, пролить чужую кровь, всё равно чью.

За тордохом послышался скрип лыж и вскоре откинулась входная шкура, влез молодой мужчина. Скинул рукавицы, шапку, кухлянку, сел рядом с шаманом. Сразу же молодая женщина внесла на большом блюде мороженого мяса, нарезанного небольшими кусочками. Все приступили к трапезе. Только когда путник наелся, Ендигирка спросил:

— Убил казаков? Рассказывай.

— Шли мы следом много дней, караулили, когда устанут и все заснут. Но они выставляли караулы. Только один спал, двое стояли, никак не подобрёшься. Встретили рода ламутов, им велели расправиться с ними, ограбить, меха забрать. Сами пришли сюда, сделали всё, как ты приказал.

— Надо договориться с другими родами. Кто пойдёт по родам?

— Я пойду, — ответил шаман.

— Тебе нельзя, кто будет охранять род от злых духов. Я поеду с двумя воинами.

Снега уже начали таять, когда Ендигирка собрал много воинов, подкочевали ближе к зимовью.

— Когда разойдутся в разные стороны, вот тогда и нападём, а сейчас охотиться за ними надо.

Когда проводили Емельяна с братьями Михаила, отряд остался без лошадей, без запаса муки, хорошо сохранили скобы и гвозди. Осталось тринадцать казаков с малым запасом огнестрельного оружия.

— Всё ты виноват, Михайло Василич. Зачем обозлил ламутов? — выговаривал Дежнёв.

Михаил зло смотрел на Семёна, кричал:

— Не единой раны не получил, помалкивай.

— Строить коч надо, летом спустимся к морю и западной стороной выйдем на Лену, — как будто не слышал ссоры Михаила с Семёном, сказал Юрий Селиверстов.

— Согласен с тобой, куда с такими силами, да без запаса, на новые места идти невозможно, — поддержал Семён Мотора.

На лыжах по реке Оймякон дошли до Индигирки, пересекли её, нашли небольшой приток и почувствовали себя в безопасности.

— Ну, Семён, строй коч, мы с Тренькой Колосовым будем охотиться.

Какой был запас оленины, в дороге всё съели и теперь им угрожал голод. Половина отряда ушла на охоту, половина рубили курную избу. Только Тренька варил кости, чтобы попить хотя бы бульону. Вечером вернулись охотники, принесли несколько зайцев и куропаток. Так и шёл день за днём, при скудном питании. Только один раз Михаил Стадухин привёз, используя лыжи как волокуши, оленя.

Недолгое было спокойствие у отряда. Однажды Юрий Селиверстов пошёл за дровами. Размахнулся топором, чтоб срубить лиственницу, как оттуда выскочил то ли ламут, то ли юкагир, они их не могли различать, очень похожи и с громким криком бросился от него прочь, видимо, испугался казака.

В избе сказал:

— Следят за нами, надо быть наготове.

— Я тоже следы видел и от лыж, и от нарт, когда были на охоте, — признался Тренька.

- Почему молчал?
- Поначалу думал, наши проходили, теперь вот вспомнил.
- Надо готовиться, кто чего предлагает? — спросил Юрий.
- Тын не успеем построить, надо брёвен на крышу натаскать и там всем быть, — предложил Мотора.
- И что толку? — усмехнулся Михаил.
- Толк в том: за брёвна спрячемся, а как на избу полезут, сбросим.
- А потом?
- Потом в рукопашную, — ответил Семён.

Успели только принести брёвна, как показались верхом на бурах и лыжах нападающие с криками: «Казак!». Дальше что они кричали, казаки не поняли. Они всё ближе и ближе подходили к избе, казаки молчали. Когда приблизились на ружейный выстрел — дали залп. Потом встали на избе во весь рост, стали стрелять из луков, берегли порох.

На этот раз исход боя могла решить только рукопашная.

— Одних бердышами порубим, их три штуки у нас, остальные, сабли в руки и пошли, — приказал Стадухин.

— Обожди, пусть поближе подойдут, брёвна покидаем, — предложил Юрий.

Одели шлемы, кольчуги, в руках: в одной щит, в другой копьё или бердыш, или сабля.

Брёвна побросали вниз, кого покалечили, другие отскочили, следом за брёвнами, попрыгали вниз казаки. Прижались спиной к избе и бой закипел со страшной силой. Особый ужас наводил на врага высокий ростом, могучего телосложения Андрей Горелый.

— Становись в круг спина к спине, — кричал Стадухин.

Приказ был быстро выполнен, только новичок Тренька остался в гуще врага. Его со всех сторон обступили юагиры, били ножами. Когда к нему пробился Андрей, тот лежал на снегу весь израненный, истекающий кровью.

— Треньку покончили, — закричал Андрей, — руби их.

Вскоре противник дрогнул, стали разбегаться, казаки за ними, преследовали до большого озера, чтобы взять аманатов — вождя или шамана — а потом потребовать богатый выкуп.

Вся окраина озера была покрыта серым туманом. Он висел в воздухе и, колыхаясь, спускался вниз, окутывая прибрежный тальник. Около самой кромки льда стоял чум, туда и кинулись казаки, зная, что встретят в нём шамана или вождя. Стадухин сорвал шкуру, которой был закрыт вход и увидел шамана. Он сидел около небольшого костра и смотрел на них, зло прищурив и без того узкие глаза. Смоляные волосы беспорядочными космами спускались ниже плеч. Он дико завизжал, когда Михаил попытался вытащить его из чума.

— Андрей, давай за ноги, за руки, — крикнул Михаил.

И не обращая внимания на его визг, грубо схватил за волосы, выкинул наружу:

— Вяжите его, чтоб не убежал.

Женщины и дети надрывались от громкого плача. Только немного в стороне стояла женщина с двумя мальчишками пяти и шести лет. В глазах женщины Михаил увидел нескрываемое злорадство. Лицо ему показалось знакомым, пытался вспомнить, но отвлёк Дежнёв:

— Михаил, жоака нет, может где скрывается или убит. Баб и детей не возьмём, сами в тесноте живём.

— Ладно, только шамана возьмём и его детей.

Род, лишившийся шамана, считался погибшим, пропащим, а потому они далеко от казаков не уйдут, пока его не выручат. Юкагиры верили, что шаман посредник между людьми и миром духов.

Казаки шарили в тордохе, в нартах, искали меха, шубы, мясо. Закон войны везде одинаков — победитель делал всё, что хотел.

Севастьян долго шарился в жилище, развязывал мешки, смотрел, что там лежит, на глаза попались меховые сапоги, одел:

— Уф, как раз, а тёплые какие и мягкие, — взял рукавицы из соболиных лапок, зимнюю шапку, кухлянку.

— Мотора, — крикнул он дружку, — подь сюда, смотри, что нашёл, тут и тебе хватит. Зимой никакой мороз не будет страшен.

— У меня есть.

А шаман продолжал кричать, может, призывал своих духов покарать казаков.

— Севастьян, заткни ему хайло, надоел, — приказал Стадухин.

Севастьян повалил шамана в снег, зажал нос и в открытый рот сунул заячью шкурку. Мотора подвёл к Стадухину запряжённые олени нарты:

— Шамана возьмём в аманаты или как?

— Пусть выкуп принесут, не то убьём шамана, грузи его и привяжи, не то сбежит.

Севастьян подошёл к женщинам их рода:

— Принесёте выкуп, не то убьём.

Они ничего не поняли, зато характерный жест ножом по горлу наверняка поняли, потому что закивали головами.

— Не всех порешили, — сказал Стадухин Севастьяну, — ночью соберутся, баб пошлют за мужиками.

Луна вышла из облаков и ярко осветила дорогу.

В избе Семён Дежнёв снял нательную рубашку, разорвал на лоскутья, перевязал себе раны. Тренька лежал без сознания, тяжело с трудом дышал.

— Отходит, — сказал Семён, — потом молитву заупокойную прочитаю. Рана глубокая на животе, — добавил он.

Слишком потрёпанными вышли из схватки казаки Стадухина. У каждого ран по пяти, шести, а у Моторы насчитали десять.

Хотя стрелы с костяными наконечниками, но кожу пробивали и если попадали с близкого расстояния, впивались глубоко. Шлемы, латы и панцири защищали тело, руки и ноги оставались открытыми. Юкагиры знали это и стреляли по конечностям.

Дня через два принесли выкуп в зимовье три подростка. Пустили стрелу в двери, бросили мешок, а когда увидели в дверях казака, бросились наутёк.

— Мальчишки принесли выкуп, — сказал Мотора, — сами убежали, боятся, что в аманаты возьмём.

— Этого мало, пусть ещё принесут, — сказал Михаил, вытряхнув из мешка связку соболей.

— Теснота, а тут ещё шаман мешается. Может выкинем его. Всю избу провонял.

Когда казаки немного оправились от ран, целыми днями на берегу строили коч. Паруса делали из оленьих шкур.

Дни всё длиннее и теплее, ночи всё короче, стаял снег, прошёл ледоход, появились перелётные птицы. Половодье залило всё окрест, льдины снесли зимовье, казаки перешли жить на коч. Вслед за ледоходом отправились в путь казаки. Неделю плыли, никого не видя, кроме воды, голубого неба, да покрытых молодой зеленью берегов. Наконец увидели острог.

— Что за крепость? — спросил Михаил.

— Зашиверск, — ответил Мотора, — мы с Постником здесь бывали. Вскоре коч, приставший к берегу, окружил большой отряд казаков.

Стадухин был несказанно рад, теперь планы его резко изменились. «Поплыву на восток, — думал он, — теперь сила есть».



В начале лета отряд Зыряна был на Индигирке. Ослабленные тяжёлым переходом, казаки отдыхали целую неделю. После того, что они испытали: чуть не умерли с голоду, ели мертвечину, но ни один из них не дрогнул, не упрекнул. Все лишения перенесли с таким мужеством, даже Урумэччи, что Зыряна проникся к ним большим уважением. Первым пришёл в себя Лука:

— Хватит отдыхать, братья-казаки. Ярилко, строить будем коч или струг?

— Ты как мыслишь, дядя Лука?

— Думаю, коч надо построить, — первым отозвался Федот Попов, — широка река и полноводна, на этой реке, говорили казаки Постника, есть крепость, Зашиверск называется. А вот где — вверх или вниз от нашего пребывания — не знаю.

— Надо найти малый приток и строить, — посоветовал Лука.

Застучали топоры, запела пила, казаки, во главе с Лукой, строили судно. Яшка с Поповым занимались рыбной ловлей и охотой на дичь. Урумэччи готовила обеды.

Быстрые прозрачные воды Индигирки такие холодные, даже в жаркие дни были полны рыбы.

— Нигде не едал такой жирной рыбы, — говорил Зыряна.

— В северных реках она жирная, — отозвался Лука.

— Оттого что вода холодная? — спросил Яшка. — Пьёшь, скулы сводит.

— Верно, говоришь, отрок, — засмеялся старый казак. — Многое узнаем ещё о северных реках.

К середине лета коч был готов, погрузились и решили вначале пойти вниз. И проплыли недолго, дней восемь, как показалась крепость.

— Вот вам Зашиверск, — сказал Зыряна, — пристанем к берегу.

— А мы только неделю назад проводили отряд Стадухина, — обрадованный встречей, говорил Постник. — Не встречали? Мы сушей весной пришли, с нами таможенный целовальник Епифан Волюнкин.

— Река велика, — отвечал Дмитрий, — притоков много, могли и разминуться.

— Мы тебя на Яне искали, а ты уже на Индигирке,— сказал Волюнкин.

Зашиверск на правом берегу Индигирки, за тыном много изб.

— Замахнулись, большую крепость отстроили,— сказал Лука.

— Церковь заложили о двух куполах, обещают батюшку прислать.

— Юкагирские князцы,— заговорил Епифан,— которых привёз Илья Перфильев из дальнего похода по Яне, утверждали, что на севере есть река Нерога и на той, де, реке большие залежи серебра. Головин послал меня на Яну с казаками Постника. Вот, читай приказ.

Воевода писал Зыряну, чтобы нашёл ту реку и в случае удачного исхода дела, царь не останется в долгу перед казаками и выдаст «большое государево жалованье, чего у вас на разуме нет» и Дмитрию предписывалось «прося у Бога милости, идти на ту реку Нерогу с служилыми и промышленными людьми сколько есть, а на Яне оставить людей немногих».

Но Волюнкин не успел передать приказ, так как Зыряна там уже не было. Дмитрий, прослышав, что дальше на восток есть богатые реки, отправился их искать.

— Как думаешь о дальнейшем? — спросил Епифан Зыряна.

— Далее на восток, на новые реки иду и искать Нерогу. На Яне и Индигирке такой реки нет. Постник, отвезёшь ясак в Ленск. Оставшихся лошадей мы на плоту привезли.

— Летом нельзя, вот реки встанут, тогда могу, на ваших лошадях поеду.

— Так и порешим.

— Лето здесь короткое, нам пора в дорогу, Митрий,— сказал Лука.

Зырян, Чикачёв, Попов с женой, Яшка и ещё двенадцать казаков отправились вниз по Индигирке. В низовьях жили юкагиры, их князцы били челом Зыряну со товарищи о своём согласии признать власть царя и платить ясак, за это просили защиту от ламутов. Хотя отряд Зыряна и не думал собирать ясак, но защиту обещал. Тундра — соболей нет, остальное зверьё мало ещё интересовало Москву.

— Разве что замшей берите,— посоветовал Федот,— либо шкурками оленей, сгодится всё. А, Ярилко?

— Пожалуй, дело говоришь, Федот,— отозвался Лука.

Лука был у Зыряна и снабженцем, и советником, и старшим братом. А для Луки Зырян и Яшка — его семья. Он как мог оберегал их. Это знали оба и не пытались делить его любовь между собой. Правда, Яшка иногда ревниво поглядывал в сторону Ярилки.

В низовьях Индигирки казаки поставили Олюбенское зимовье с острогом, оставили Федьку Чикачёва с двумя казаками Никитой Сысолятиным да Федькой Лузениным зимовать, а сами с остальными решили вернуться в верховья Индигирки.

Малочисленность отрядов может вызвать удивление, но в те годы это было обычным явлением. Северные племена были тоже малочис-

ленны, да ещё враждовали между собой, а казаки старались мирно жить с племенами. В Зашиверске Зырян ещё раз решил расспросить аманатов, где есть землицы, которые государю ясак не плачивали.

— Есть,— подтвердили аманаты,— дальше на восток есть река Алазея, а ещё дальше, в четырёх днях пути на оленях, Колыма.

Отряд Зыряна плыл вверх по Индигирке. Близился конец лета, продвигаться по воде с каждым днём становилось всё труднее. Остановились на зимовку много выше Зашиверска, стали ждать, когда встанут все реки и озёра, откроется охота, можно будет пойти на соболя. А пока строили зимовье, заготавливали впрок рыбу. Лука сидел на берегу, плел сеть из тальниковой лозы. Распаривал в котле лозы, костёр горел тут же, Яшка помогал разделявать лозу на нити, тот плёл.

— Всё ты умеешь, дядя Лука.

— Поживёшь с моё и ты сумеешь.

— Не такой уж ты и старый, вон какую дорогу выдержал.

— Не выдержал, первым свалился от слабости.

— Это от того, что меня больше кормил, я всё видел.

Всю зиму охотились на соболя, лисицу, сделали большие запасы копчёного мяса и рыбы.

— Уж очень много запасов, дядя Лука,— говорил Яшка,— в коч не войдёт.

— Забыл как голодали? — отвечал Лука,— неизвестно сколь дён в дороге будем.

После ледохода спустились вниз и в Олюбенском зимовье встретили Стадухина. Тот стоял на берегу с Дежнёвым, размахивали руками, кричали друг на друга. Когда Селиверстов с Дмитрием подошли, они уже хватались за сабли.

— Опять сцепились как два кобеля,— сказал им Юрий,— шарахну обоим, чтоб не ругались.

— Напишу воеводе, как грабил. Из-за тебя Тренька погиб,— не унимался Семён.

— Это не тебе решать,— орал в ответ Стадухин.

— Дмитрий Михалыч, заberi Семёна к себе,— попросил Селиверстов,— мира в отряде из-за них нет.

— Семён, бери барахлишко и иди к нам,— разрешил Зырян.

В Олюбенском зимовье Зырян хотел оставить ещё на зиму Фёдора Чикачёва с дружками, но тот заявил:

— Надоело здесь, бери, Митрий, с собой.

— Дело Федька говорит, бери его, Ярилко,— заступился Лука,— эти места ему знакомы.

— Мы идём с вами,— заявил Стадухин,— вот и Юрий не против.

— Подождём малость,— ответил Зырян,— когда прибрежная полоса освободится ото льда.

В августовские сумерки два коча спустились к устью. Когда кочи вышли в Северный Ледовитый океан, Зырян приказал повернуть на восток. Вид безбрежного океана обворожил казаков. Казалось, они подошли к самому небу, которое слилось с водной гладью. Местами вековые горы льдов со своими разнообразными узорами стояли грядами. Они слышали грохот падения оторвавшихся глыб льда и глухой всплеск воды. Ночью полыхали цветные огни северного сияния. Иногда путь преграждали большие льдины. Через две недели парусом суда вошли в устье Алазеи.

Заметив незнакомые суда у родных берегов, обитатели этих мест — ламуты и юкагиры — «омоки», так они называли себя, вышли навстречу отрядам Зыряна и Стадухина. С двух сторон реки Алазеи обстреляли казаков. Их было так много, что пристать к берегу ни к тому, ни к другому было невозможно, чтобы обойтись без боя. Казаки поплыли вверх, но несколько казаков были всё же ранены. Зырян решил направить суда в более спокойное место. Враг ликовал, громко кричали, размахивали руками, пускали вслед стрелы.

— Далеко не пойдут, — сказал Фёдор, — там другие племена кочуют.

Добрались до леса, решили построить острог. Это было первое Алазейское казачье поселение, так во всяком случае думали они сначала, но всё изменилось через три дня. Алазейский князец Омок, а с ним было человек триста, напали на казаков. В этом бою отличился Яшка, когда сделали первый залп, надо было перезарядить ружья, времени на это не было, а врагов много, они приближались, вот тогда Яков, видимо решил, вышел вперед, размахивая саблей, кричал:

— Кто смелый? Идите ко мне, — дразнил он юкагиров.

Юкагиры стреляли, стрелы отскакивали от него, Яшка хохотал и отходил ещё подальше.

Юкагиры осмелели, побежали за ним, тогда казаки сделали ещё один залп. Дикари остановились, смотрели на своих сородичей, как они валились мёртвыми, отчего — понять не могли. Ещё залп прогремел. Они, никогда не видевшие и не слышавшие, что такое ружейные выстрелы, наконец, поняли.

— Гром и молнии у них, — с такими криками стали разбегаться.

Ещё сумели сделать залп и пошли врукопашную выручать Яшку. Дрались отчаянно, побили многих, но у казаков было ранено из пятнадцати — девять человек, а Яшку захватили в плен, его так и не нашли.

— Пойдём, дядя Лука, если живой, потом отыщем, — говорил Зырян.

— Подождём ещё, — попросил Лука.

Ещё ждали два дня, стало подмораживать, шуга пошла по реке.

— Больше ждать нельзя, надо подняться ещё выше. Омок грозился ещё налететь.

И ещё вверх поднимались шесть дней, остановились, решили поставить острог, сделать вокруг крепь.

Не успели укрепиться на новом месте, как явился старый знакомец Лавкей:

— За подмогой пришёл, племя алазейцев заняли наши уголья, гонят нас, недалеко отсюда.

— Фёдор, возьми пять казаков, иди, помоги.

Лавкей привёл их к своей заимке. Алазейцы, мужиков с пятнадцать, убили сыновей Лавкея, женщин и детей выгнали из юрты, собирались поджечь её, казакам кричали:

— Это наша земля, пусть идут откуда пришли.

— Куда они зимой, с коровами?

— Пусть убьют и уходят, и вы убирайтесь.

— Земли вам мало? Зачем враждовать? Можно добром договориться.

Алазейцы и не пытались понять казаков, начали стрелять из луков, размахивать пальмами.

Казакам не оставалось ничего иного, как вступить с ними в драку. Казаки выхватили из ножен сабли, которыми виртуозно владели, пошли на алазейцев, разя их направо и налево. Драка быстро закончилась, только Фёдор был легко ранен. Несколько алазейцев всё-таки успели убежать, одного взяли в плен.

— Лавкей, скажи ему, чтобы забирал своих и передал другим, ещё придут к вам, всех перебьём.

— Уходите на Колыму, — предложил алазеец, — она больше и богаче Алазеи.

— Дорогу знаешь?

— Аргишем на оленях в три дня привезу, а казаков на Колыме-реке ещё не бывало. И про вас те племена не слыхивали.

Прежде чем увести алазейца к своему отряду, Фёдор спросил Лавкея:

— Как ты узнал, что мы здесь?

— Выстрелы слышал.

— На Алазею как попали?

— Наши хосууны-удальцы хаживают во все стороны, нашли эти благодатные места, привели нас.

— Где же они? Почему не защитили?

— Ушли новые места искать, потом другой род приведут. Вверху по Алазеи ещё отряд казаков есть.

Фёдор Чикачёв привёл алазейца в отряд:

— Дмитрий Михалыч, иноземец предлагает на Колыму-реку за три дня отвезёт, говорит богата рыбой и зверем.

— Дядя Лука, — Дмитрий в таких случаях в первую очередь советовался с ним, — зимовать здесь будем или как?

— Сам посуди, Митрий, нас мало, идти на лыжах рискованно, опять же ружейного запаса мало, заведут в дебри и перебьют нас.

— Значит зимуем здесь, — поставил точку Зырян. — Фёдор, гони его в шею, а мы ещё выше поднимемся по реке.



Д

ни пошли на убыль, всё вокруг пожелтело — лиственницы, осины, берёзы стояли голыми, тайга стала просторной, когда отряд Зыряна остановился в верховьях Алазеи.

— Семён, пойдём, места осмотрим, дичины набьём, рыба надоела, — позвал Лука Дежнёва, когда они остановились на пустынном берегу.

— Чего так мало, вдвоём? Ещё возьмите казаков, — посоветовал Зырян.

— Зачем? Далеко не пойдём.

Обходили окрестности, нет ли племён каких, чем леса богаты и вдруг услышали выстрел.

— Никак казаки здесь, может Стадухин? А ну-ка стрельни. Может беда какая у них.

Недолго ждали, из лесу показался обросший чёрным, дурным волосом, незнакомый казак.

— Кто такие? Откудова? — спросил Лука.

— Ивана Родионыча Ерастова казаки.

— Давненько от вас ни слуху, ни духу, мы уж думали погибли где.

— Откуль вас черти несут? — хохотал казак. — Вот уж радость нашим, — целуясь троекратно с Лукой, — айдате к нам, у нас избы за тыном построены.

— Митрий, — Семён запыхался от быстрой ходьбы, — Иван Ерастов здесь недалеко, вверху, давай на коче поднимемся.

Быстрее, чем когда-либо заработали казаки вёслами и всё-таки до места не доплыли. Алазея к осени становилась несудоходной. Остановились, не доплыв вёрст с десяток.

— Вы-то как добрались до верховьев? — спросил Зырян у казака.

— Мы летом по половодью поднялись.

Весёлая была встреча: отряд Зыряна и отряд Ерастова без вина были пьяны. Угостили на славу: уха, дичина, даже караси в сметане.

— Вкусна ушица, — нахваливали гости, — после голодного похода в самый раз.

— Но вкуснее индигирской рыбы на севере нет, — сделал заключение Дежнёв.

— Расскажи о своих походах, Иван Родионыч.

— Были на Яне, на Индигирке бывали, а это место больше всех приглянулось. Сами знаете, что вести в Сибири быстро разносятся, как слышали о богатствах северо-востока, желающих побывать в этих краях нашлось немало. Из Красного Яра отправил нас воевода, двенадцать казаков, разведать эти места. Только в Ленске казаки рассказали о дороге дальше на север. А как ваш воевода прознал, что мы не енисейские, позвал в приказную:

— Кто разрешил идти в неведомые края?

— Воевода Красного Яра.

— Он хозяин той волости, а здесь приказано нам разведывать неведомые земли. Отправляйтесь обратно.

Весь северо-восток Сибири в основном исследовали енисейские казаки и не хотели, чтобы другие отряды участвовали.

— Одному государю служим, — ответил я, — Россия-матушка у нас одна. Дань соберём, в казну государеву отвезём. Против этого воевода ничего сказать не посмел.

— Тогда идите отдельно от наших отрядов, — повелел он.

До Верхоянского хребта дошли по вашим вехам, дальше шли по местам, где ваши отряды ещё не хаживали. У хребта встретили племя якутов тойона Саятека.

— И с нами тоже якуты были, — добавил Зырян.

— Видимо тоже прослышали о нетронутых богатствах северных мест. Под нашу защиту напросились, обещали ясак сдавать и клялись в верности государю. Саятек с нами вёл свой род. Взяли с собой коров, гнали табуны лошадей, а потому двигались мы медленно.

— Нападали на вас чужие племена?

— Да они меж собой не ладят, друг друга бьют. Пытались нас побить, пальнули раз из ружей, испугались, разбежались. Больше не тревожили.

— Нас встретили по обе стороны Алазеи, долго гнались за нами, потом всё-таки отстали. Надо нам ещё коч построить, — говорил Зырян.

— Этим годом не поспеем, — вступил в разговор Лука, — весной половодьем отчалим.

— Пока река не встала, здесь найдём подходящие деревья, плотом сплавим, мы поможем.

— Горемыки мы с вами, что нам на одном месте не сидится? — сказал Лука. — Мы с Собачьей реки шли на Индигирку, с голоду помирали.

— Холопом на Московии лучше что ли? — спросил Федот Попов.

— И то правда, здесь свобода, — засмеялся Ерастов, — нам шибко приглянулись эти места, третий год доживаем.

— Пора и честь знать, — первым поднялся Дмитрий, на обратном пути встретили верхом на лошади якута.

— Саятек, — сразу отрекомендовался вожак рода. — Я к Левкею ездил, теперь домой путь держу, — говорил он, слезая с коня.

Расположились на берегу, отдохнуть и поговорить. Федот отошёл за кусты и почувствовал, что кто-то смотрит на него из зарослей тальника, обогнул куст и сразу к своим.

— Лицо чужака видел, всё разукрашено.

— Поблазнилось, может зверь какой, — рассмеялся Дмитрий.

— Что я человеческий глаз от звериного не отличу, — обиделся Федот.

Вдруг Саятек поднял голову вверх, ноздри его раздулись:

— Недалеко коптят мясо. Запах чувствуете?

Казаки как не принюхивались, но запаха не почувствовали. А вскоре забарабанил дождь и все сели под густые разлапистые лиственницы. Вдали прогремел гром, вдобавок подул сильный ветер и быстро разогнал чёрные косматые тучи.

— Всё ещё коптят. Может, сходим? А то без вас я не пойду, — предупредил Саятек.

Пошли за Саятеком, держа ружья наготове. Не прошли и версты как увидели небольшое стойбище, всего четыре шалаша. Вождь стоял в стороне от шалашей, следил за работой.

Он лучше одет и около него стоял раб. Казаки внимательно рассматривали жителей рода: низкорослые, одеты в шкуры, глаза еле видеть, до того узкие, безбородые лица обезображены наколками.

Они смотрели на казаков прямо, без страха и глаза их вспыхивали хищным, волчьим огнём. Родоначальник подошёл к казакам, знаком руки позвал раба-подростка. Рабов можно отличить от хозяев тем, что лица их чистые, без наколок.

— Кто такие?

Мальчишка перевёл на якутский язык. У Саятека брови поползли вверх:

— Саха урянхай? Как сюда попал?

— На Алазее алазейцы разбили нас, — рассказывал раб, — взяли в плен, потом эти вот, шитолицы, разбили их, меня сделали рабом. Возьмите меня к себе, — мальчишка упал на колени перед Саятеком.

Тойон посмотрел на казаков:

— Отберём у них?

Зырян подошёл поближе к вождю, сел на пенёк:

— Мы русские, пришли с миром, привести эти земли под государствену высокую руку и собирать ясак.

От шитолицы исходит столько дикой энергии, они чувствуют себя хозяевами этой земли. Да и берут они от природы только то, что необходимо для жизни.

— Никогда до вас здесь русских не бывало, — наконец сказал вожак.

— Вы нас не бойтесь,— продолжил Зырян,— заплатите ясак, не тронем.

— Мы не побоимся вас. Ясака не дадим, в верности клясться не будем. Нас много, вас мало. Побьём вас.

Женщины чукчанки не смели подходить к мужчинам. Они резали на тонкие полоски мясо, коптили над дымом костров.

Раб переводил, о чём говорил вождь.

— Тогда побьём вас, если не принесёте ясака. Парня забираем, нам толмач понадобится.

— Отобьём его,— зло сверкнул глазами вождь.

— Давай, спробуй. Посмотрим, кто победит,— рассмеялся Дмитрий.

Когда вернулись обратно на становище, парень осмелел, стал рассказывать о племени:

— Эти шитолицы — чукчи, злые и воинственные. Страх наводят на одулов, алазейцев и ламутов. Поэтому те селятся в таких глухих местах, чтобы их не нашли. Как выпадет снег, замёрзнут реки и озёра шитолицы рыскают по тайге в поисках чужих племён. Бывает находят, всё разграбят, себе заберут.

— Как тебя кличут?

— Ичикай. За этой рекой есть ещё Колыма, богатая река, я там бывал с господином. От Алазеи до Колымы на оленях три дня пути чукчи там часто бывают, особенно внизу, там большие олени стада. Могу до Колымы провести вас, дорогу знаю.

— Почему в аманаты вождя не взяли? — спросил Лука Зыряна.

— Зачем брать? Его караулить надо, а избы нет.

— Ясака не принесут,— уверил казаков Ичикай.

— Потом потребуем.

— Ичикая оставим у себя, толмач спонадобится.

— Около своих сородичей жить должен,— заартачился Саятек.

— У казаков останусь, вас побьют, опять рабом буду,— ответил Ичикай.

Вскоре пригнали плот с брёвнами и оба отряда решили строить кочи.

— Наш струг разохся, новый надо,— сказал Ерастов.

— Может с нами весной в путь-дорогу на новые места пойдёшь? — звал Зырян.

— Нет, не хотим пока, здесь глянется.

— Они от баб оторваться не могут, у Саятека вдовы молодые, теперь у Лавкея есть.

— Крестом омахиваются, а с нехристями грешат,— хмурил брови Лука.

— О грехе потом подумаем, когда состаримся,— хохотал Иван.

— Ичикай говорит, скоро шитолицы придут.

— Слышали. Придут — встретим. Вас на помощь позовём. Аль откажетесь?

— Придём, только как узнаем? Вёрст пятнадцать отсюда.

— Как река встанет, приходите к нам, веселее будет.

— Нам коч строить надо.

— Успеете, зима длинная.

Зима заявилась внезапно, в октябре, в сопровождении снежных метелей и суровых морозов.

— Пора, — сказал Лука, — река встала, как бы не опоздать.

Прошли мимо заимок Саятека, предупредили, что они пошли в гости к Ивану.

Саятек отправился навестить Ивана. Не успели отпраздновать встречу, как караульный вбежал в избу, где сидели казаки:

— Иван Родионыч, шитолицы, да как много, все на нартах, скорей, они близко.

Все: и гости, и хозяева выскочили из избы, подбежали к тыну.

Шитолицы были грозой и ужасом на Алазее и Колыме. Воинственные и жестокие привыкли нападать дерзко и стремительно. Верхом на быстроногих оленях уже приблизились к тыну, пускали стрелы. Стрелы с костяными наконечниками казакам не страшны. Отскакивали от железных шлемов, кольчуг, панцирей не нанося вреда. Казаки сделали один залп, берегли огневые припасы, пошли врукопашную. Казаки сами стремительны в атаке, с копьями, саблями, бердышами, с длинными топорищами пользовались ими весьма умело, наносили удары молниеносно. Драка была отчаянной с той и другой стороны. Первыми дрогнули шитолицы, оставляя на поле боя трупы и раненых. Уходя в походы племена брали всё с собой — скарб, семьи, рабов. Успели унести ноги только семьи и живые воины. Много нарт со скарбом досталось казакам. Преследовать убежавших не стали. У самих много раненых. Рабы, женщины и дети сидели на нартах, со страхом смотрели на казаков.

— Вы чего не убежали? — спросил Зырян. — Да не бойтесь, вас не тронем.

— Лучше умереть, чем жить среди них, — осмелели рабы.

— Лица-то почему у них разрисованы? — спросил Лука.

— Для отпугивания злых духов, они кричали нам, что скоро вернутся.

— Надо бы засаду устроить. Останьтесь, у кого ран нет, — попросил Ерастов. — Часть рабов, особо женщин и детей, надо в крепость. Лука, проводи.

В избе Лука поставил на стол большую миску с мясом:

— Ешьте.

Первыми подошли дети: два мальчика, одна девочка и подросток. Они с жадностью схватили куски, разошлись по углам, сели на пол. Почти не жуя, глотали куски.

«Оголодали», — решил Лука, выкладывая остальное мясо и взглядом приглашая женщин.

— Чьи вы, какого рода, племени?

— Мы алазейцы, — отвечали женщины, — а это омок, — показывая на подростка, — хорошо знает их язык.

— Я плохо помню своих, — сказал подросток, — теперь вам служить буду.

Нередко к отрядам казаков прибивались инородцы, служили толмачами, проводниками, иногда принимали христианскую веру, несли службу наравне с казаками.

— Взять не можем вас, возвращайтесь к своим. Лучше расскажите о чукчах, как живут, чем занимаются? — сказал Дежнёв.

— Живут они в ярангах, тундренные разводят оленей, прибрежные — рыбачат. Убивают всех немощных, даже своих. Никто из них не умирает своей смертью. Мой бывший хозяин был богатый человек, имел много оленей. Своих неимущих сородичей не обижал, давал кров, одежду, пищу. Мог целыми днями простаивать на коленях, обратя своё лицо к солнцу. Он был уважаем соплеменниками. Благополучно дожил до седого волоса и стал просить, чтобы умертвили его. Но ни у кого не поднялась рука для выполнения обряда. Хозяин рассердился на них, сказал, что вы мучаете сейчас меня, потом я буду мучить вас. Он умер своей смертью и исполнил своё заветное. Его душа переселилась в сына, и теперь он мучит родных и потомство.

— Чем богаты те края?

— Рыбьей костью, водятся моржи, киты, олени.

— Как попасть туда?

— Можно морем, можно сушей.

Не успел закончить, издалека послышались выстрелы.

— Пойдёшь с нами, — приказал Семён толмачу, — поймает шитолицых, переведёшь.

На оленьи нарты Лука посадил рядом паренька и вскоре были около засады.

Как говорили рабы, шитолицы вскоре вернулись за своими. Осмотрелись вокруг, казаков не заметили. Те закопались в снег, только глаза наружу. Чукчи не ожидали, что казаки их будут караулить, на нарты стали грузить раненых и убитых, тут и раздались выстрелы, потом казаки пошли в рукопашную, а вскоре подоспела помощь. Немногим удалось убежать, взяли в плен одного.

Пленник маленький, лицо всё в татуировке непонятного рисунка, злые узкие глаза смотрели без страха.

— Поймали, так убивайте, — этим он показывал, что не боится смерти.

— Скажи ему, чтоб сюда больше не приходили, опять всех побьём. Толмач долго что-то ему говорил, под конец плюнул в лицо.

Как вывернулся пленник, казаки даже не успели схватить его за руку, тот из мехового сапога выхватил нож и всадил в грудь раба.

— Эх, проводника лишились, — пожалел Лука, потом так же убил пленника.

Объятые ужасом, пугая свои рода рассказами о косматолицыых огне-верищах, чукки бежали вглубь тайги и оставили алазейцев и одулов в покое, дотоле угнетаемых ими. Жившие по Алазее племена, поначалу не только не хотевшие сдавать дань, но и грозившие, что не дадут строить острог, притихли. После разгрома чукчей власть государя была признана и племена добровольно начали платить ясак. Наступило спокойное время. Казаки могли в одиночку ходить на охоту, навещать алазейцев, одулов, якутов. А места там богатые: лоси, соболя, песцы, рыси, горностаи, лисы, волков много. Поначалу казаки ездили по племенам, якобы из меха надо сшить сапоги, шубы, шапки, а сами поглядывали в сторону женщин. Их в племенах много, мужчин мало, побиты в междоусобицах. Непонятно даже как и договаривались, но казаки имели с ними любовные связи. Особенно в этом преуспели казаки Ерастова. Пока род Саятека шёл на север, искали благодатные места, где бы осесть, потеряли в стычках почти всех мужчин. Теперь три молодые вдовы куковали с малыми детьми. Казаки Ивана Родионовича хаживали туда часто. У того отдельная юрта для обработки шкур, видимо там и встречались. Одна родила, другая. Ерастов запретил ходить туда казакам.

— Других племён что ли нет? — орал он. — По второму ребёнку сделать хотите?

Казаки Ерастова переключились на женщин алазейцев и ламутов. А казаки Зыряна похаживали к тойону Саятеку.

Пробовала жена Саятека урезонить вдов, но он строго ей приказал:

— Не трожь их, глупая баба, где здесь женихов найдут, пусть рожают, род большой надо и весь край наш будет.

Далеко смотрел Саятек. А дети от казаков рождались крепкие, здоровые, красивые. Жить рядом с казаками выгодно: снабжают мясом, помогают в сенокосе, хотя и не признают их жёнами, но детей любят. Большой хотон на заимке, в нём десяток коров и два быка. Разбогател Саятек, но больше всего радуют его внуки. Теперь, когда ходит на охоту, заодно присматривает богатые места для заимок сыновьям и внукам. Дружит с Иваном и как только тот начинает говорить, что надо бы в новые места уходить, возражает:

— Вы ещё выше по Алазее не бывали, там на каждом дереве по десять белок, соболей не счесть.

— Лучше скажи, не хочешь, чтоб уходили.

— Не хочу, с вами спокойнее.

— Теперь-то кого бояться? Шитолицыых изгнали, с алозейцами сдружились. Чего тебе ещё надо? Внуков? — засмеялся Иван. — Итак много настругали мои казаки.

— Мало. Хочу большой род.

— Ладно, на годок ещё останемся, там видно будет.

Саятек облегчённо вздохнул, ещё два, а то и три внука будет.

И юкагирские и ламутские женщины имели любовников. Казаки уверяли, что ламутские бабы всех сладострастнее и отменные любовницы.

Ясным весенним днём, когда зазвенела весенняя капель, казаки Дмитрия предложили ему:

— Митрий Михайлыч, охотиться нельзя, может сходим к Ивану в гости? Давно не видались.

— Давайте на лыжи и в путь, быстро добежим.

Когда проходили мимо заимок Саятека, внимание казаков привлёк раскидистый вековой листвен — краса берега, на нём навешаны пучки конского волоса, куропатки, кусочки замши.

— Чего это? — не понял Федька.

— Это у якутов обычай такой, — разъяснил Лука, — приветствуют дарами духа — хозяина этих мест.

Прибыли в острогу Ерастова, ворота за тын открыты, караульных вообще нет. В избе дым коромыслом. Весёлая игра на дудках, на столе мясо, рыба. Около каждого казака по бабе.

— Весело живёте, — засмеялся Зырян, — оттого и в гости к нам не ходите.

— Винца бы ещё, оно веселее бы было, — ответил Иван.

— С бабами итак весело, — захохотал Федька.

— Бабы тоже дело не последнее, — защитил казаков Иван, — да и вы от нас не отстаёте.

— Значит на Колыму с нами не пойдёшь?

— Этот год не пойдём, — ответил Иван.

— Надоело мне здесь, — заговорил казак лет сорока с глубоким шрамом во весь лоб. — Возьмёте с собой?

— Можа ещё кто хочет? Говорите, не бойтесь, добром отпущу.

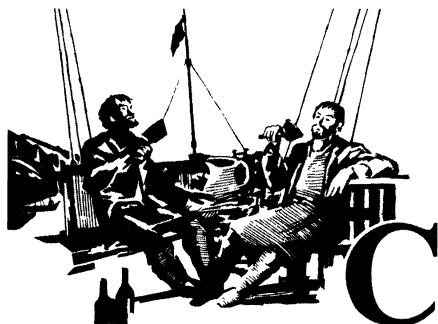
Согласились только двое Пантелей Протопопов и Еремей Гуляев.

— Возьмём, как не взять, — ответил Дмитрий, — в деле видел и Иван согласен.

Когда прошёл ледоход, отряд Зыряна собрался в путь на двух кочах. В устье Алазеи встретились со Стадухиным.

— Вместе на Колыму пойдём, — сказал Михаил, — я первым. Вы за мной. Второй коч зачем? Одного хватило бы.

— Чикачёв повезёт в Ленск ясак.



С устья Алазеи вышли все вместе на трёх кочах. Там разошлись в разные стороны: коч Стадухина и Зыряна повернули на восток, коч Чикачёва — на запад. С ним поплыли Евдоким Курсов, Пантелей Протопопов, Еремей Гуляев, Лыткин Пётр, да Мезенцев Николай. Плыли береговой полосой свободной ото льда. Погода благоприятствовала казакам. С одной стороны берег, покрытый низкорослой травой и мхами, с другой, насколько хватало взора, сплошные льды. Волны покачивали их, они тёрлись друг о друга, ломались и издавали шум.

— Страшно по морю плыть,— говорил Пантелей,— укачивает меня.

— Чего бояться? Берег вон он, недалеко,— ответил Фёдор.

— Попробуй пристать к нему, не доберёшься,— не отставал Пантелей.

Больше недели плыли, не выходя на берег, круглосуточно, попеременно работали вёслами — полярный день.

— Вот и устье, а ты боялся,— выговаривал Фёдор Пантелею,— теперь поплывём до зимовья.

Ещё издалека увидели трёх казаков. Они махали руками и что-то кричали, подплыли поближе.

— Ближе, ближе подплывайте, вот здесь глубоко,— орал Лаврушка Кайгородцев,— мы вас издалека заметили. Егорша, дичину варит, айдате в зимовье,— говорил он, целуя поочередно прибывших казаков.

— Ни огорожи, ни вала нет,— проходя в зимовье, говорил Фёдор,— неужто миром живёте?

— Миром, мы к ним не лезем, они к нам тоже.

— Бабы ихние не дают покоя,— хохотал Егорша, молодой первогодок, беловолосый, такие же усы и борода, голубые глаза искрились от смеха,— навадились к нам, еле выгонишь. Садитесь, давно горячего не ели?

— Да уж больше недели, это точно, не хочу больше морем плыть, сушей уйду,— сказал Пантелей.

— Да и сушей не легче,— отвечал Егорша,— меня возьмите, вместо него.

— Погоди, Егорша, пусть расскажет про Алазей-реку,— попросил Лаврентий.

— Живут там племена юкагиров, их мы так называем. Себя они называют по-другому. Внизу омоки,верху одулы. А места богатые, особенно в верховьях. Отряд Ивана Ерастова живёт там несколько лет. Про себя юкагиры рассказывают, что, де, их бесчисленно много, что волосьев на голове, а шитолицых разбить не могли. Мы побили, они и замирились с нами. Дальше, говорят, Колыма-река ещё богаче, но мы там не были.

— Отчего не сходили?

— Мало казаков: у Зыряна пятнадцать казаков, у Стадухина тринадцать, сушей не рискнул. Морем с Михаилом Стадухиным уплыли. Велик ли ясак у тебя? — спросил Федька.

— Девять сороков соболей, чернобурки, да горностаи. Вас проводим, вверх подымимся, там зимовать и охотиться будем,— ответил Лаврушка.

Отдыхали всего сутки и засобирались в дорогу:

— Что так мало отдохнули? — расстроился Лаврушка.

— Торопиться надо, пока шторма нет, ответил Фёдор.

Егорша прощался, чуть не плакал:

— Свыкся с вами.

— Прощайте, други,— говорили прощаясь казаки,— авось ещё свидимся.

С Индигирки до Яны добирались долго, а потому решили на неё не заходить. А день убывал, в конце августа наступили, правда короткие, тёмные ночи. Приходилось останавливаться, ждать рассвета. Луна в этих краях зимой светит ярко, сейчас тусклый свет, видимость плохая и Фёдор не рисковал. Егорша, такой поначалу весёлый, вдруг сник.

— Что, устал? — с участием спрашивал Фёдор.— Это с непривычки. Ничего, обвыкнешься. Родом откуда? Мать, отец есть?

— Никого нет, сирота, беглый. На Москве к казакам пристал, не отказали. И всё-таки до Ленска не успели добраться. Когда вошли в устье Лены, ударили морозы. Немного осталось до Жиганска, пошла шуга.

— Налегай, казачки,— кричал Фёдор,— немного осталось, вон уже зимовье видать.

Перед Жиганском коч вмерз в лёд, ни туда-ни сюда. К берегу подбежал сам Анкудинов:

— Что, застряли? Подмогнём.

Анкудиновский коч огромный, морской, о двух парусах, лихо разбивал тонкий ещё хрупкий лёд.

— Держите верёвку, в протоку затащим, тут недалеко, — кричал Герасим, — а то ледоход раздавит как скорлупку. Ледяные глыбы здесь огромные, всё сносят на своем пути. Колька, готовь стол для гостей, гулять будем, баб гони в шею.

Когда затащили оба коча в протоку, и они вместе вышли на берег, Герасим вдруг расчувствовался:

— Ну, старый друг, давай по-русски поздороваемся, — троекратно расцеловался с Фёдором, добавил, — за ясак не беспокойся, никто не тронет, мы только купцов грабим.

Гуляли на радостях несколько дней. Потом открылся охотничий сезон и все разошлись по таёжным тропам. В остроге остались только Фёдор с Герасимом.

— Что, может к бабам сходим? — предложил Герасим. — Может, какая поглянется.

Вышли из избы, рядом кабак. В нём две бабы варили в котелках мясо. Ни слова не говоря, поставили вино, холодную оленину.

— Выпьем? Эй, бабы, идите сюда за компанию. Что за нации? Ни спеть, ни плясать путём не умеют, только вино пить, да с казаками спать. Надоели, казаки уже гонят их, они ни в какую, — жаловался Герасим Фёдору, — котора глянется? Ну, сходи в другую избу.

— А как родичи ихние на это смотрят?

— Никак, им всё равно.

— Если обманешь, Герасим, — предупредил Фёдор, — ограбишь, тогда не видать тебе новых мест, очень богатых, таких, которых у вас не бывало. И чертёж дам, только весной, как отплывать будем.

— Не тронем, сказал же, — обозлился атаман.

Анкудинов давненько заметил, что ватаге в Жиганске надоело. Это лето не грабили, только звали к себе в гости, угощали. Заскучали по своим, надоело бродяжничать, гулеванить, надоели бабы. Захотелось жить со своими. Герасим не знал как поступить. А тут удачный случай подвернулся попросить у воеводы согласия пойти на новые земли. Вот только возвращать награбленное не хотелось, ну да часть можно отдать, а часть сказать, что пропили. Меха можно потом рассчитаться.

Фёдор поверил его обещаниям и много чего порассказывал казакам о реках, о народах, показал чертёж пути, но только до Алазеи.

— До Колымы не знаю, сам там не бывал, — говорил он, — но знаю, что сушей три дня пути, значит и морем столько же.

Только на второй год с Алазеи добрался Чикачёв до Ленска. Он привёз важные сведения о северо-восточных землях по рекам Яне, Индигирке, Алазее и о народах, живущих там. Первое известие о новых народах — чукчах — тоже доставил Фёдор. Таким образом, только через два года стало известно ленскому воеводе о судьбе замлепроходца Зыряна и его отряде.

— Отчего пошли в другие реки ничего не сообщая, не посылая ясак? — сурово выговаривал воевода.

— Дань привёз богатую с Алазеи и Индигирки, — оправдывался Чикачёв.

— Анкудинов не ограбил?

— Ну, Герасим хитёр, мужик своего не отдаст и чужого не упустит. Задумал он, я так мыслю, на северные реки пойти.

Воевода как услышал, что казак привёз богатую дань, смирил свой гнев на милость.

— Посылал я на Яну отряд Постника Губаря, с ним таможенного целовальника Епифана Волынкина с приказом Зыряну произвести расследование по показаниям юкагиров о серебряной руде на реке Нероге, но Епифан вас не застал.

— А мы как слышали о богатых реках, решили разведать их, — отвечал Фёдор. — Дальше Алазеи есть ещё река Колыма, богатая пушной, туда ушли Дмитрий Зырян и Михаил Стадухин.

— За верную службу назначу тебя приказчиком на Алазею, либо на Индигирку. Отдыхай пока, а я подумаю.

Весть о новых богатых реках на северо-востоке Сибири быстро разнеслась по Ленску. Промысловых и купцов интересовало всё: как добраться, чем богаты, какие народы живут и Фёдор был нарасхват. Первым перехватил казака промысловик Исай Игнатьев:

— Фёдор Алексеич, — поклонился в пояс Исай, — винца с пути-дороги выпить желаешь?

Федька знал, чего от него хотят, важничал:

— Воевода повелел приказчиком идти на северные реки.

— Так воевода винца не поднесёт.

— И то правда, — оторопел он. — Куда поведёшь? В кабак или на струг.

— На струг, в тишине всё обскажешь, на кабак денег дам.

Устроились на самой корме, ветерок отгоняет комаров и вид реки приятный.

Угощал белым хлебом, сметаной, рыбой, тушёной дичиной, в центре кувшин размером с ведро с вином.

— Богато живёшь, Исай, где сметану берёшь?

— Так ведь мир теперь, куда хочешь едешь без боязни, — пел Исай, — в любом наслеге куплю. Только беда, с мехами туговато стало, повыбивали. На новые места надобно плыть.

— Плыви, кто мешает?

— Путь знать надо, чтоб не напрасно. Может, со мной поплывёшь?

— Обскажу, коль знать хочешь. По Лене вниз и сразу от устья на восток, по прибрежной полосе, не заплутаешь, не боись, льды не пустят. Поначалу будет устье Яны, потом Индигирки, Алазеи и последняя известная Колыма. Далее что — неизвестно.

- Ещё кружечку, сделай милость.
- Только по Лене плыть несподручно.
- Это почему же?
- Анкудинов разбойничает, грабит.
- Тебя же не ограбил.

— На этот раз не ограбил, а вот Индигирское зимовье обчистил. Пришлось Лаврушке Кайгородцу потерю возмещать. Вверх поднялись с дружками, охотились. Девять сороков соболей со мной отправили.

Исай даже в лице переменялся:

- Вот бы такую добычу мне, всю жизнь боярином прожил бы.

Слегка покачиваясь от выпитого вина и угощения, Фёдор под руки Исая сошёл на берег и тут же перехватили его приказчики купцов Гусельниковых.

- Поджидали, подкараулили, — рассердился Исай.

— Подкарауливали, — не стали скрывать приказчики, — Феденька, пойдём к нам, погуляем.

- Обождите до завтра, — отмахнулся казак, — на опохмелку приду.

Исай дал ему рубль. «За здорово живёшь — целый рубль. Пойду в кабак, казаков угощу», — решил он и завернул в первый же попавшийся на пути. Он оказался пустым. Всё, что угодно ожидал, но, чтоб пустой кабак был, этого понять не смог. Посмотрел мутными глазами на кабатчика и повернул обратно. Шёл по Ленску, казаков на пути встречалось много, а все незнакомые. За тыном много юрт, живут в них иноземцы, вблизи казаков селятся. За то время, что его здесь не было, сильно разросся Ленск. Ему вдруг стало скучно в крепости.

Утром был в приказной избе.

- Хочу обратно возвратиться, — сказал он дьяку.

— Вертайся, воевода указ издал, приказчиком на Индигирку на перемену. Исай Игнатьев и Гусельниковы собираются туда, с ними поплывёшь.

Через неделю ранним утром, когда трава ещё покрыта серебряной росой, отплыли на двух кочах. Исай и приказчики купцов Гусельниковых. Перед Жиганском притормозили, приготовились, ждали нападения Анкудинова. Но всё было тихо. Встретили его только в устье Лены.

— Никак на Колыму собрался? — спросил Фёдор, когда они поравнялись.

- На неё родимую, — захохотал Герасим, — Егорша где?

- Зимой на перемену придёт. Мы поплывём дальше, а ты как?

— Как увидели кочи, стали ждать, чтоб значит не одним плыть. На восток.

- А может мы на запад путь держим?

— Не обманешь, все на восток плывут, на западе делать нечего, бывали там.

В начале августа Чикачёв прибыл приказчиком на Индигирку, только Пантелея с ними уже не было. Кайгородцев рассказывал ему:

— На прощание сказал нам, мол, надоело по тайге мотаться, душа покоя просит, в Енисейск вернусь, там доживать буду.

— А я больше с севера не уеду, — сказал Фёдор, — тайгу люблю, охоту, наскучит здесь, куплю баркас, отправлюсь на Алазею, а может на Колыму.



Две недели добирались от Алазеи до Колымы отряды Стадухина и Зыряна. Останавливались на пути, пережидали, когда береговая полоса освободится ото льда. Ветер то стихал, то начинал вновь бушевать, часто менял направление. Вот и ждали, когда придут сгонные ветра и дадут возможность двигаться дальше на восток. Наконец это время наступило, льды ушли далеко от берега. Вскоре обнаружили устье реки и поняли, что это Колыма. Стадухин первым вошёл в устье, поднялся немного вверх по реке и остановился, поджидал Зыряна.

— По здорову ли, казаки? — приветствовал их Михаил.

— По здорову, — откликнулись казаки.

— Ну что, Дмитрий, чего решим, вверх пойдём или остановимся пока здесь?

— Запасы заканчиваются, надо на берег сойти, запасы сделать.

Стоял полярный день, солнце немного склонится к горизонту и снова поднимается. Вдали по северу, насколько хватает взора, тянутся торосы льдов. По берегу тянется тундра, покрытая мхами и лишайником на ней много пернатых со своим потомством, между ними шныряют облезлые песцы, ловят отбившихся птенцов, вдали видны стада оленей. Казаки сошли на берег, настреляли из луков уток, гусей. Тут же развели костры, готовили еду.

— Как, Михаил Василич, думаешь, иноземцы потревожат нас? — спросил Дмитрий.

— Грозилась не пустить нас на Колыму-реку, а их и не видать, — заговорил Стадухин. — Вверх пойдём, так думаю, может и встретим где.

— Отдохнём, с утра и двинемся.

— Передовщиком пойду, место для крепости выберу.

— Сколь велика земля, — сказал Лука, — всю жизнь хожу, а края так и не увидел.

— Широка река и величава, — восхищался и Дмитрий, — а иноземцев оттого нет, что ничего они с нами сделать не смогут. Пойдём по

серёдке, ни одна стрела не долетит. Близко к нам подплыть не на чем, у них только долблёнки, да плоты, волны захлестнут.

— Может есть, да мы не знаем,— возразил молодой казак Иван Белян.

— Сколько рек прошли, видели хоть одно судно? Не видели! Вот так-то,— ответил Стадухин.

— На Лене бывал, Яне, Индигирке, Алазее, теперь вот на Колыме и всё в устьях тундра на многие вёрсты,— отметил пожилой казак Выметянин.— Дальше не пойду, пусть молодые край ищут, а я устал, домой ворочусь.

— Это куда же, домой? — удивился Лука.— Неужто дом есть у тебя?

— В Тобольск, в монастырь доживать, откуда начинал.

— Рано ещё, послужим, потом вместе уйдём,— заверил его Лука.

— На берегу поспим или в кочах? — спросил Стадухин.

— На берегу мерзлота, остыть можно,— первым поднялся Лука и пошёл к своему судну.

Двенадцать дней поднимались по реке. По обеим береговым сторонам вначале тянулась тундра, берега пустынные, только изредка видны вдали оленье стада, их никто не сторожил.

— Дикие,— предположили казаки.

Часто останавливались, сходили на берег охотиться, хотелось свежей пищи, утятин, либо гусятин. Лебедей не били — святая птица. Тундра сменилась низкими кустами тальника и карликовой берёзкой. По мере продвижения вверх стали появляться леса, состоящие из лиственниц и берёзы, осины тонкие и низкорослые, затем всё толще. Отряды так и не встретили на всём пути следования ни одного племени, берега были пустынные. Долго выбирали место для крепости и, наконец, остановились в среднем течении. Место выбрали открытое на левом высоком берегу. С одной стороны Колыма, с другой небольшая речка, впадающая в Колыму, с третьей — высокий берег окружён болотом, поросшим тальником, ольхой и мелким кустарником. Кочи поставили в речушку, сами вышли на берег.

— Хорошее местечко, далеко окрест с берега видать,— похвалил Лука.

— Здесь крепость построим,— решил Михаил.— Как, Дмитрий, согласен?

— Дядя Лука одобряет, я тоже.

Так далеко на северо-восток российские землепроходцы ещё не заходили. Это только казакам казалось, что берега пустынные, на самом деле за ними следили племена по всему пути следования. А казаки на новом месте вели себя мирно. Сооружали первый опорный пункт для продвижения дальше на север и восток.

— Зря столько досок потратил,— сказал Зырян Луке,— лучше бы доски те на полы пошли.

— Забыл, как о прошлом годе на Алазее нас иноземцы встретили? Стрелы летели по всему ходу. Думал, здесь так же будет, для защиты гребцов борта поднял.

— Ладно, это я так, к слову, может ещё сгодятся.

Заборами Луки на коче ещё сделана каюта для Урумэччи и Федота.

Деревья ближние, что потолще, быстро повыврубали и поначалу обнесли место для крепости высоким тыном со смотровой башней. Потом занялись строительством домов внутри крепости. Всего казаков в двух отрядах Зыряна и Стадухина было числом двадцать три, не считая Попова с женой и Типла.

Пернатые вывели своё потомство из чащоб, между кочек, да мало ли где находили места гнездования, и теперь они гордо плыли впереди. С утра до вечера не затихали их крики. Выйдут казаки на берег, глянут вдаль — кишат берега птицей. За маленькой речушкой берег низкий, видимо часто затапливался половодьем и на несколько вёрст тянулась песчаная коса. Там только чайки нашли себе места для кучных сборов, драк и горланили не затихая.

Лука стоял на берегу с Семёном, рядом Стадухин чистил ружьё.

— Уток трогать не будем, осенью набьём на зиму. Михаил, помоги сеть вынуть, — попросил Лука.

— Вдвоём управитесь, — ответил он.

— Гордыня заела Стадухина, — отозвался Семён, — как есть, так первый, а от работы отлынивает.

— Надоел ты мне своими подковырками, — зло ответил десятник.

— Опять сцепились, никак мир вас не берет, — заворчал Лука.

Сети они закинули ещё вечером, сейчас вдвоём еле вытащили. Рыбы много: чирь, чебак, нельма крупная и жирная. Михаил стоял на берегу, насмешливо смотрел, как они напрягаются.

— А говорили, не справитесь.

Прежде чем сесть за ужин, Михаил с дружками Томилом Сысолятиным и Выметяниным Фролом долго шептались в отдалении, Семён давно заметил их таинственный вид. Когда троица подошла, села рядом есть уху, Семён заговорил:

— Дмитрий Михалыч, Стадухин замышляет недоброе, по Оймякону знаю.

— Не шуми, расшибу, — закричал десятник.

— Ламутов грабил, — не обращая внимания на Михаила, продолжал Семён — чуть отряд не разбили, Тренька из-за него погиб, мы еле спаслись.

— Здесь так не будет, бежать некуда, а защиты не жди, — сказал Зырян десятнику.

Стадухин заскрипел зубами, глаза злобно округлились, понял, что затея его провалилась:

— Пёс шелудивый, — закричал ещё громче и полез в драку на Семёна.

— Отпишу воеводе про воровство и разбои твои,— ответил Дежнёв.

— Отпиши,— рассмеялся Михаил,— отпиши, да всё без толку,— и вдруг наотмашь ударил Семёна. Тот не ожидал, упал, но быстро вскочил на ноги. Они били друг друга, старались ударить в лицо. Оба сильные, злые, хотя купец выше ростом, шире в плечах, но от Семёна попадало чаще. Ловкий, быстрый, моложе его почти на два десятка лет, ударит и в сторону. Драку прекратили подбегавшие казаки, развели в разные стороны.

— Подожди,— кричал Семён,— придёт и к тебе лихой час.

— Не жить им миром,— сказал Зырян,— отправляйся, Семён с Иваном Беляном, Титом и Типлом вверх за крупным деревом, здесь повырубали ближних, плот пригоните, а ты, Михаил Василич, отписал бы воеводе об Колыме.

— Не к спеху.

— Ну, как знаешь.

Поднялись казаки вверх вёрст на двадцать, не больше, и на высоком правом берегу увидели незнакомое племя, позади их тордохи. Все жители высыпали на берег, с любопытством разглядывали пришельцев.

По высокому берегу поднялись в стойбище, три тордоха стояли на маленькой поляне в окружении высоких лиственниц, источавших пряный запах смолы — пижма, иван-чай цвели в густой траве.

— Красивое место,— восхитился Семён,— аккуратно живут, не вытоптано.

— Лобу зовут меня, мы одулы,— представился маленький седой старик и хотя Семён предупредил их, что они с миром, смотрел на них подозрительно.

— Казаки мы, не бойтесь нас.

— Ванька, неси воды в котле, уши наварим. Как варят они в деревянных корытах я есть не могу, песок на зубах скрипит.

Иван достал из-за пояса топор, нарубил дров, разжёг костёр, повесил на треноге котёл, когда вода закипела, бросил туда куски рыбы, посыпал белым порошком.

Лобу и остальные, как поняли казаки, двое молодых мужчин с жёнами, одна стояла беременная, вторая с ребёнком на руках, да молодая девушка со старухой — вот и весь род. Когда, при помощи огнива Семён быстро разжёг костёр, старик оживился:

— Соболей дам, только отдайте топор, либо огниво,— попросил он.

— У нас лишнего нет, езжайте в крепость, там купите.

— Оставайся с нами, дочку замуж возьмёшь,— предложил он Типлу.

— Не останусь,— отрезал толмач,— не хочу жить как вы. У казаков избы просторные, тёплые, раздеться можно.

— Иван, налей им ухи.

Все посмотрели на Лобу, но тот отказался.

— Пора собираться в дорогу, — сказал Семён. Все стали спускаться по крутому берегу. А берег красный, скользкий. Семён остановился, взял кусок красной земли, стал разминать.

— Да это же глина, погляди, Иван, кирпич можно делать, печи класть.

Отряды Зыряна и Стадухина меж тем спешно строили дома, зима скоро. Свой острог решили назвать Колымском.

Лобу приплыл в крепость на плоту всем родом. Казаки встретили приветливо, показали острог. Лобу удивился: «Зачем тын? Двухэтажная башня? Такие большие избы и с окнами». Потом выложил соболей, горностаев, чернобурок.

— На них дайте топор, нож, огниво и посудину, что не горит на огне.

— Федот, что-нибудь осталось? Меняй, — сказал Зырян.

— Нож и огниво могу выменять, больше нет ничего.

Казаки за конец лета и осень кое-как обустроились, а как начались заморозки в конце августа, пропал гнус, вышли все на реку заготавливать на зиму рыбу, дичь. В конце сентября пришла зима с обильным снегопадом и метелями. С середины октября можно было выходить на охоту. Казаки ещё не знали, насколько богат этот край соболями, а потому норму ясака пока постановили один соболь с семьи. Юкагиры вели себя тихо до тех пор, пока не собирали ясак. А как узнали, миру пришёл конец. Но не все племена не хотели сдавать дань, одулы кочевали по Алазее и в верховьях Колымы, после того как разбили шитолицых, сами несли ясак, потом просили обменять меха, на топоры, ножи, котлы.

Наконец, Михаил Стадухин засел за донесение ленскому воеводе. Он первым увидел Колыму, потому он первый, хотя кратко и далеко неточно, описал её берега и живущих на ней племена. «Колыма да река велика есть, с Лену реку, идёт в море также, что и Лена. И по ней де Колыме живут иноземцы, колымские мужики, свой род, оленные и пешие сидячие люди и язык у них свой». Стадухин писал, что поставил Колымский острог в среднем течении. Будущим летом в устье построим ещё одну крепость. По морским и речным берегам собирал заморскую кость или рыбий зуб, потом, как оказалось, что это клыки вымерших мамонтов. «Итак много её по берегу, — доносил он, — что можно было несколько судов нагрузить». Ходят слухи от иноземцев, что не так далеко есть река Погыча, до неё «три дня ходу по морю способным ветром» и что богатства там несметные.

Ясак и донесение Стадухина по осени, когда встали все реки и озера, доставил Иван Белян с тремя казаками. С Колымы до Алазеи зимним путём на оленях привёз Лобу, а дальше путь был известен.

Воевода решил сам прочитать отписку о новой реке, послушать Ивана, приказав ему сесть на лавку и слушать. И по мере того, как читал воевода отписку, он всё больше и больше удивлялся в обмане. Стадухин писал о походе, о реке, о народах и все открытия приписал себе одному. Как будто отряд Зыряна не принимал в этом участие.

— Всё ли правда, что пишет Стадухин, — спросил воевода.

— «Сделав коч, поплыли вниз по Алазейке и вышли на море и морем шли две недели, и пришли на Колыму и по ней шли двенадцать дней и острог, и зимовье на Колыме поставили», — ответил Иван.

— Об реке Погыче что знаешь?

— Слыхивал, но там из казаков никто не бывал. А иноземцам веры нет — обманут.

— Проверить бы надо, отряд собрать, да ту Погычу поискать, — говорил воевода.

— Казаков на Колыме мало осталось, подмогу бы надо, новый отряд.

— Новые силы из Москвы жду, да замену мне, — ответил Головин, — пусть новый воевода об Погыче подумает.



Сильные морозы декабря и января прошли, полярная ночь постепенно сдавала позиции, уступая место полярному дню. Пришло время, когда можно отправиться в дальнюю дорогу. Добраться до Ленска из Колымска можно двумя путями: морским и сухопутным. Морской путь вдоль побережья Северного Ледовитого океана опасный: часто преграждают льды, приходится зимовать в пути — то на Алазее, Индигирке, Яне, иногда во льдах, или разобьёт разбушевавшийся шторм и кочи вместе с казаками тонули в пучине моря. Сухопутьем можно по осени, когда нет ещё сильных морозов, а реки и озёра замёрзли, но лучше в конце зимы, когда время идёт к теплу и световой день становится с каждым днём длиннее. Летом бесчисленные болота, озёра, протоки делали путь слишком трудоёмким.

На этот раз в дорогу собирался Зырян со Стадухиным, в помощь брали шесть казаков, кто пожелает. Лука мастерил Дмитрию древко для бердыша, мало ли что может случиться в дороге, бывали случаи нападения немирных ещё племён. За большим столом сидел Семён Дежнёв, писал челобитную воеводе на Стадухина.

— Чуть отряд не погубил Мишка-лихоимец. Он и здесь замышлял грабёж, да ты ему не позволил. Это я к тому говорю, Митрий, чтобы знал с кем идёшь. Дверь заскрипела и с клубами морозного пара появился Михаил, поздоровался, сел рядом с Лукой.

— Дмитрию бердыш мастеришь, а мне сделай длинное топорище.

— Надо, сделаю, — ответил Лука.

— Дмитрий, не пора ли в путь?

— Днями и тронемся, — сказал Зырян, — я готов.

Михаил посидел немного и поднялся, понял, что не рады здесь его приходу. Зырян пошёл его проводить, на улице долго стояли, смотрели на небо.

— Помутнело небо, — сказал Михаил, — звёзды не светят, опять к метели.

Наконец луна вышла из облаков, осветила землю, но не живым, а мёртвым светом и снег не сияет, как под живыми лучами солнца.

— На Погычу собираешься ли, Михайло Василич?

— Мыслю об этом, — не стал скрывать десятник, — но прежде, чем отправишься в такой поход, надо побывать в Ленске, отдать в казну ясак и сделать воеводе предложение, чтоб дал ещё казаков и не за счёт меня, а за счёт Ленского острогу.

Но не только это нужно было Стадухину — два года прошло с тех пор как братья Тарас и Герасим ушли в Ленск, а о них никаких известий и он терялся в догадках. Может Емельян по дороге ограбил и бросил их, или иноземцы убили, либо заблудились в тайге, а может никому не говоря, проследовали сразу на Москву.

— Хочешь первым попасть на Погычу? — после долгого молчания спросил Дмитрий.

— Та река, слышал я, несметно богата. Давай, пойдём по избам, ветер поднимается, — и Михаил первым зашагал к своей избе.

Разгулявшаяся метель была короткой, и отряд выступил сразу же как она закончилась.

— По восточному берегу поедем? — предложил Зырян.

— Отчего не западным? — удивился Михаил.

— Там племена не кочуют, до сих пор шитолицы боятся.

В середине дня Дмитрий вдруг резко остановился, произнёс:

— Михайло, смотри, второй отряд юкагир едет, наверняка к Колымской крепости, худое задумали.

— Угрожали они, помнишь? Случая выжидали, когда казаков мало останется. Вертайся, помоги, мне оставь двух казаков.

Как потом Лука рассказывал Дмитрию, что племена действительно сговорились и решили выбить казаков из крепости. Ранним утром, когда в природе всё ещё отдыхало, набирало силу перед новым днём, окружили острог. Тихо не получилось: шум оленей, скрип полозьев, лай собак. На дозоре стоял Михаил Вычегжанин и Типл. Типлу так и не прижилось русское имя Евсей, все его звали по-тунгуски. Михаил засвистел громко, протяжно и вскоре все были около тына, заняли круговую оборону.

— Как их много, — удивился приказчик Власьев. — С полтыщи будет. Что делать, казаки?

— Драться, — ответил за всех Лука. — Драться до победы нашей.

Юкагиры пошли сразу со всех сторон. Казаки успели выстрелить по два раза, потом взяли бердыши, подбегавших близко били с тына. На Михаила налетело с десятков человек. Казак был на дозоре без железных доспехов, так и сражался, забыл переодеться. Одулы верхом на оленях изловчились, ударили его пальмой по голове раз, другой, третий. Помутилось сознание у казака, упал на огорожу, его схватили за руки, перетянули на свою сторону. Место оголилось, юкагиры попытались проникнуть в крепость, Лука вовремя заметил:

— Семён, стань туда.

Казаки дрались отчаянно, сам приказчик, Попов, Типл сражались вместе с ними. Племена вскоре откатились от тына, отошли с версту, разложили костры.

Лука, как закончилась драка, хватился Вычегжанина, искал по всей крепости, никто не знал, где он, обошёл вокруг, может раненый где лежит, не нашёл.

— В плен взяли, окайнные, вылазка нужна, — сказал он приказчику.

— Обожди до завтра, отдохнём, — уговаривал его приказчик Власьев, — едва отбились сегодня.

— Надо бы вокруг крепости костры разложить, — предложил Семён. — Утром как пойдут, окайнные, разожжём. Которые близко пойдут, из ружей постреляем. Следить надо за ними неотлучно.

— Хорошо придумал, Семён Иванович, — похвалил Власьев, — вот и займись с Евсеем.

Ранним утром, когда ярко засияло солнце, юкагиры подошли близко, смотрели на костры, долго о чём-то совещались. Сами разжигали поленья, бросали в крепость, но расстояние большое и редко какое полено перелетало через тын. Казаки стояли около тына, наблюдали за врагом.

— Семён, смотри, никак казаки вертаются, — закричал Федот. — Направо голову поворачи, вдоль реки.

— Да это же Зырян, — сказал Семён.

Подошёл Власьев к казакам, посмотрел:

— И точно Зырян. Почуял беду что ли? Лука, Федот, Семён Дежнёв, да Семён Мотора, Селиверстов, идите на помощь.

Открыли ворота, казаки выступили за тын в полном железном облачении. Многие юкагиры казаков видели впервые, те для них выглядели устрашающе. «Одежда вся железная, — говорили потом своим одноплеменникам, — усы как у моржей, косматолицыые, глаза круглые, железные, длинные копыя, ведут себя драчливо, вызывают на бой, необыкновенно сильные, бесстрашные».

— Братья-казаки! — закричал, засвистел Зырян, — идя навстречу.

Казаки поняли, в ответ замахали руками и началась сеча с двух сторон. Многие рода прибыли к крепости со всем своим семейством: жёнами, детьми, скарбом, потому что на старое место они не вернутся, будут кочевать на новое. Казаки Зыряна выглядели для юкагиров слишком устрашающе, на лошадях, которых они никогда не видели, с саблями в руках, с ружьями за спиной. Многие испугались, стали разбегаться. Тундренные омоки на оленьих упряжках собирались быстрее, а вот одулы были на лыжах, от казаков на конях убежать не смогли. Их собирали в одну кучу, гнали в крепость. Место сечи открылось и казаки увидели на снегу Мишку Вычегжанина. Вернее, что осталось от него. Руки, ноги отрублены, живот вспорот, лица не узнать, так изуродовано. Казаки как увидели — озверели. Теперь били всех подряд, пока не остановил их Лука:

— Православные, угомонитесь, ради Бога.

— Собирайте тордохи, — приказал Власьев оставшимся в живых. — В них жить будете. Вам, Семён и Типл, караулить их неотлучно.

— Хвалились, разобьём вас, нас много как волосьев на голове, — передразнивал их Типл, — говорили вам, с казаками надо жить миром.

— Не отпустим до тех пор, пока не дадут клятву верности государю, а их сородичи не заплатят выкуп, — переводил Типл приказ Власьева.

А Лука спрашивал у пленников, не знают ли у кого в плену казак Яков. Никто ничего не знал, только один вспомнил, что слышал одулы увезли на собачьей упряжке, а какой род не знает.

Вечером разыгралась метель, на следующий день снег лежал ровный, белый, замело все следы, словно не было здесь жаркой схватки. Через несколько дней подошёл к воротам шаман. Его издалека можно узнать по множеству амулетов. Он высоко поднял правую руку, знак приветствия и добрых намерений.

— Впусти его, Семён, и отведи к приказчику, — приказал Дмитрий.

— Отпусти наших баб, сколько надо соболей дадим, — сказал он Власьеву.

Для таёжных племён женщина в доме необходима: она их кормит, одевает, обувает. Придёт с охоты, в тордохе тепло, костёр горит, ожидает его еда, сухая одежда. Женщина ухаживает за детьми, за мужчинами. Охотники вообще не приспособлены к домашним заботам. Для женщин же мужчина — защитник, добытчик. Женщины разочаровались в своих защитниках, так их много было и не смогли разбить горстку казаков. Видели, какие большие у них дома, светло, просторно, тепло, в лютые морозы ходят в них раздетые. Амбары полны еды. Не то, что у них, живут без запаса, одним днём. Убьют оленя или лося, пока всем родом не съедят, на охоту не идут. Женщинам и детям приходится голодать, если охота неудачная. Казаки для них были самцами, которые умеют защищать и добывать еду. Иноземки ласково заглядывали им в глаза, покорно выполняли всё, что казаки скажут. Только что хвостами не виляли, оттого, что их нет.

— Что сказал? — не понял приказчик.

— Наверное, плату за аманатов предлагает, — предположил Дмитрий.

— Сколько предлагает? Типл, сможешь понять?

Типл потолковал с ним, шаман, видимо, понял, потому что поднял ладони обеих рук и махнул ими два раза.

— Это за всех двадцать? — удивился Власьев. — Дёшево.

Ещё больше обозлился, рванул шамана к себе, прошипел:

— За убитого казака, за раны, за зло, что причинили, двести штук, пока не принесёшь, баб не отпустим, кормить не будем.

Шаман испугался нешуточной ярости казака и опрометью бросился вон из избы.

Женщины не торопились возвращаться к своим мужьям. Они давали понять, что не против связи с казаками. Некоторые казаки не отказывались, уводили женщин в потаённые места.

— Кобелины поблудные, — ругался Лука, — имели бы по одной, а то все разные, греха не боитесь.

— О грехе потом подумаем, — хохотали казаки, — не отказывать же бабам, когда сами во фтоки лезут.

Днями женщины гуляли по крепости, варили мясо, сами ели, кормили казаков, а ночами разбредались с ними по крепости. Казаки долго смеялись, когда утром, придя в избу, Семён Мотора обнаружил рядом с Лукой девушку. Она нисколько не смутилась, только отвернулась к стенке, зато Лука не знал, куда глаза девать, оправдывался:

— Ночью сама залезла ко мне и давай в штанах шурудить. Мужик я или нет?

— Мужик, раз баба рядом.

Весь день не отходила от него. Старалась во всем угодить, кормила, мило улыбалась. Женщины-иноземки видели в казаках только самцов, сильных, смелых, не то, что их мужчины.

— Смотри, Лука, она тебя в мужья выбрала, — сказал Дежнёв.

— Я для неё старый.

Лука поначалу гнал её, а ночью снова чувствовал её тело и не было сил отказаться.

Вскоре явился шаман, принёс, что с него требовали.

— Забирай своих баб, надоели, — махнул рукой приказчик, — а вот родоначальников не отпустим, пока не найдёшь о прошлом годе пропавшего казака.

— Тайга большая, где найдёшь. Мы на одном месте не живём, кочуем. Летом отыщем.

Женщины с неохотой уходили из крепости. Двое заявили, что незамужние и остаются здесь. Казаки в тычки выгнали их за тын и закрыли ворота.

А девушка Луки спряталась за его спину, а он вдруг заявил:

— Женюсь, пусть останется.

Сходили в часовню, он её окрестил:

— Отныне она Ефросинья, батюшка прибудет, обвенчает.

Так Лука обзавёлся женой.

На Колыму потянулся торговый и промысловый люд по морю и по тропам, которые проделали первые землепроходцы. Тайга заполнилась охотниками, там день и ночь звучали выстрелы. Казаки свою добычу меняли на товары, которые привозили купцы.

Сила казаков, их бесстрашие, храбрость, огнестрельное оружие вызвали немалое уважение среди многих племён. Те родоначальники, которые дали клятву на верность государю и добровольно платили ясак, стали именоваться князьями и были под защитой казаков.

В верховьях Колымы наступил, пока ещё хрупкий, мир. Вскоре прибыл отряд Фомы Пермяка на перемену.

— Стадухина на тропе встретили? — спросил Зырян.

— Встретили, недели две тому назад, — ответил Фома.

Отряды казаков не знали ещё, что Колыма последняя крупная река на северо-востоке Сибири. Верили некоторые иноземцам про реку Погычу, а они обманывали. Хотели, чтобы казаки ушли с Колымы.

— Семён, пойдёшь со мной в верховья на охоту? Заодно места разведем, — спросил Дмитрий.

— Пойдём. Всё забываю спросить, челобитная моя воеводе где?

— Стадухину всё отдал, доставит.

— Не доставит, а то обманет.

Не далёк был от истины Семён. Стадухин, как отъехал от него Зырян, на очередном отдыхе распечатал свиток, прочитал: «От зависти пишет навет», — решил он и в свою очередь написал донос на Дежнёва, будто мешал добывать для государя как можно больше соболей. Воевода не обратил внимания на их доносы, более важные дела были у него. Тем всё и закончилось.



Носледние мгновения сражения... Якову запомнилась только острая боль в затылке, попытался подняться, но его вновь ударили. Очнулся он в конусообразном жилище, на подстилке из оленьей шкуры. Посреди горел маленький костёр, дым выходил в отверстие наверху. Рядом сидел мальчишка, увидел открытые глаза казака, закричал: «Люка!». Дальше он не понял, но сразу же над ним склонилась девушка. Она держала в руках только что снятую шкуру зайца и внутренней стороной обмотала ею голову казака. По мере высыхания шкурка всё плотнее сдавливала голову и она меньше болела. Затем из деревянной чашки ложкой, сделанной из оленьего рога, решила накормить. Мальчишка сел рядом с ними, взял чашку в руки и наблюдал, как сестра вливает содержимое в рот казаку. Бульон был противный, без соли, ненаваристый, пополам с кровью.

«Долго ли лежал? У кого я? — задавал сам себе вопрос Яков. — Наверное, у алазейцев, они тоже среди племён были, а может у одулов, где остальные казаки, что с ними стало?». Он отпил несколько ложек, снова закрыл глаза. Подушка под головой хрустела, понял, что наволочка из замши, набита ягелем. В тордохе никого кроме мальчишки и Люки не было. Он снова открыл глаза, стал разглядывать лицо девушки. Глаза светло-карие, узкие, брови широкие, губы полные, яркие. Портил это милое личико только низкий нос. Девушка застеснялась от пристального взгляда казака, встала и вышла из тордохы. Шлема на голове его не было, даже кольчугу сняли. Лежал в суконной рубаше и штанах, на ногах меховые сапоги. «Специально не сняли, — решил он. — Холодно, ноги упираются в выход, который закрыт шкурой оленя». Вскоре послышались шаги, мужской сердитый голос заговорил на непонятном языке. Отвечал ему девичий, это Люка что-то отвечала не менее его сердито. Входная шкура приподнялась, вполз низкорослый, средних лет мужчина, зло сверкнул глазами в его сторону, следом появилась Люка. Он опять закричал, как решил Яков на дочь и замахнулся пальмой. Люка подскочила к нему, вырвала пальму из его рук и бросила в угол.

Яков попытался сесть, но голова закружилась и он лёг, стал ждать, чем закончится ссора отца с дочерью. Следом вошла полноватая жен-

щина с охапкой дров и большой рыбиной плотно закрыла входную дверь. Каменным ножом очистила рыбину, мелкой стружкой нарезала и положила на деревянную доску. Все сели ужинать. Потом женщина из мешочка из рыбьей кожи вытащила немного ягеля, нагрела над огнём, обложила им голову больного и все стали укладываться спать. Разложили подстилки из шкур — у кого медвежья, у кого волчья — вокруг костра, залезли в меховые спальные мешки и всё затихло. Только женщина время от времени подбрасывала поленья в затухающий костёр.

Проснулся Яков от чувства, что на него смотрят, открыл глаза. Люка сидела опять с чашкой и внимательно разглядывала его. Смотрела в его светло-голубые как небо глаза, когда на них нет облаков, а дальше усы и густая борода, наверное, пугали её. Она ещё ближе под села, протянула руку к бороде. У их мужчин нет ни бороды, ни усов. Появляющуюся редкую щетину, они просто выдёргивают.

— Бороды боишься? Ну потрогай, она не такая уж страшная и колючая. Мы, русские мужики, с босым рылом не ходим.

Услышав его голос, резко отдернула руку, отпрянула в сторону. Немного посидела, успокоилась, снова села рядом и стала кормить ухой. Сама украдкой разглядывала: большой нос, не такой плоский и широкий как у них, глаза, губы. Яков ласково смотрел на неё. Она ловила его взгляды и выражение глаз поначалу испуганные, постепенно потеплели. Вначале Яков стал садиться, помогло лечение Люки, голова перестала кружиться, настало время, когда вышел наружу. Рядом стояло ещё три тордоха в самой гуще развесистых лиственниц. Трудно отыскать их в такой тайге, разве что издалека, по запаху дыма. Мужчин не видать, все ушли на охоту, женщины, не покладая рук, выделывали шкуры, сучили из сухожилий нитки и костяными иглами шили одежду.

— Тагай, — звал брата Люки Яков, — пойдём, дров заготовим.

Как только наступал зыбкий рассвет, каждый день отходили всё дальше и дальше от жилищ, рубили тонкие лиственницы каменным топором на дрова. Осматривал окрестности, но всюду непролазная нескончаемая тайга.

«Не выбраться без помощи, может Люка подскажет», — думал он.

Темнело рано, но он успевал заготовить дрова на всю ночь. Грузил их на нарты и вёз к тордоху. Днём видел, как радостью блестели глаза Люки. Она перестала его дичиться, кормила строганиной из рыбы или мяса, поила настоями из трав. Постепенно Яков привык к бессолевой пище, с удовольствием ел строганину. Мать косилась на него недоброжелательно, что-то сердито говорила дочери, но та только весело улыбалась в ответ.

Яков не хотел быть нахлебником, решил ходить на охоту и предложил Люке:

— Заячьи следы видел, пойдём, поставим петли.

Пока ставили петли, рубили дрова, стало темнеть. Яков стоял, смотрел на затухающий день. Люка подошла к нему близко, провела рукой по всему лицу, задержалась на усах и бороде. Яков хотел обнять её, но она, как дикая козочка, резво отскочила и бросилась к дому. Только звонкий смех разнёсся в глухой таёжной чащобе. Отец появился, когда ложились спать.

«Не желает с врагом встречаться», — думал казак и при его появлении сразу же ложился на свою подстилку.

По ночам хозяин вставал, выходил из тордоха, возвращался под утро. Яков замечал круги вокруг стойбища и понял, мужчины их рода проверяют, не прошёл ли кто, зверь или человек, нет ли опасности. И всё-таки не убереглись. Первыми почуяли опасность собаки: залаяли, потом завыли. Заскрипели близко нарты, женщины и дети быстро оделись и пытались скрыться в чаще леса, но не успели. Когда Яшка услышал звон оружия, дикие крики, выскочил из тордоха. Прямо у входа увидел распростёртое тело хозяина. Молодой мужчина тащил Люку за волосы к своим нартам. Казак выхватил оружие у хозяина: пальму, костяной нож, догнал мужика, который тащил Люку, ударил по голове. Люка вырвалась, убежала в чащу леса. Сказалась боевая выучка Луки, врубился в самую гущу дерущихся, двоих сразу повалил пальмой наземь.

— Казаки, — закричали нападавшие, — бежим отсюда.

Но им не дали дороги на отступление. Ещё с двумя дрался казак. Почувствовав поддержку, мужчины стойбища с удвоенной силой били врага, не давали сесть на нарты, убивали оленей. Немногие смогли убежать, хозяева гнались за ними, догоняли и били. Якову досталось опять, ударили пальмой по спине. Шлема и кольчуги на нём не было и острые концы пальмы больно рассекли спину. Казак остановился, ибо победа была за хозяевами, наблюдал как поступят. Те сразу же отобрали у чужаков оружие: шлемы, панцири из роговых пластин, скреплённых жильными лосиными нитями. Около каждого пленного стояли хозяева стойбища, охраняли, привязанных к дереву тальниковыми верёвками свои жертвы, держали ножи наготове на случай, если сделают попытку вырваться, а то и прирезать. Шаман собрал оружие, положил в жилище родоначальника. Вскоре вернулись из чащи леса дети и женщины. К Якову подошёл вожак, сказал:

— Это из племени ламутов, давно за нами охотятся.

Женщины занялись разведением огня. За время схватки костры в тордохах потухли и было холодно, как на улице. Поднялся ветерок, лёгкая позёмка мела снег, заметала поле битвы, как бы ни были закалены таёжники, но и они нуждаются в тепле и пище. Девушки поочередно крутили палочку в дырке доски, но ничего не получалось. Казак догадался, что таким способом они добывают огонь. На поясе

у него в мешочке было огниво. «Не взяли, — подумал он, — наверное, решили, что это амулет». Быстро разжёл бересту и через полчаса на полянке трещал жаркий костёр. Женщины настрогали мёрзлой рыбы, все уселись вокруг костра есть.

Только теперь Яков смог увидеть всё стойбище вместе: шаман, во-жак, пятеро молодых мужиков, столько же жён и несколько детей. Из молодых девок было только трое. Наверное, ламуты и охотились за ними, выслеживали стойбище, чтобы забрать их в жёны. Люка ласково поглядывала на казака. Его усадили на самое почётное место, между шаманом и вождём. Подкладывали самые жирные, самые вкусные, на их взгляд, куски мяса.

Одича, как узнал Яков от Люки, так звали хозяйку, развела огонь в тордохе, ухаживала за раненым мужем. Он пришёл в сознание, что-то говорил ей. При виде Якова они замолчали.

«Обо мне говорили», — подумал он и хотел лечь на своё место, но Одича подошла, знаком показала снять рубаху, наложила на раны ягель, плотно перевязала куском замши. Из каких-то тайников достала шлем, кольчугу, щит, ружьё, шашку и отдала Якову. «Никак за своего приняли, — решил казак, — за защитника». А ночью Люка залезла к нему в спальный мешок и нежно обняла.

Всю ночь мужчины охраняли пленников, жгли костры. Утром прибыл их шаман, Яков вылез из тордохы, посмотреть, что будет дальше. Шаман с густыми чёрными волосами, чёрными как смоль глазами, стоял около соплеменников, опершись о лиственницу. Вождь рода кричал на шамана, размахивал пальмой. Хотел убить то ли шамана, то ли пленников. Яков подошёл, стал уговаривать:

— Не убивай, возьми лучше выкуп.

Видимо, его поняли, договорились за стадо оленей, пленных отпустили, а сами собрались на новую перекочёвку.

Только зимой удобно кочевать с места на место по глухим урманам. Удобно передвигаться: все реки и озёра замёрзшие, тайга покрыта толстым слоем снега. В меховой одежде не страшны любые морозы. Летом трудно передвигаться, бесконечные болота мешают, поэтому в летнюю пору живут около рыбных озёр и небольших рек.

Кочевали на ночь глядя, метель разгулялась, заметала все следы. А тут ещё к концу зимы вдруг резко похолодало. Установились трескучие морозы, на охоту никто не ходил, стадо оленей сгидилось. Выходили только за дровами, да за мясом. Яков сидел целыми днями в тордохе, смотрел на огонь и думал, как найти казаков. Только Люка с Одичей работали — то шили, то сучили нити из высушенных сухожилий оленя или лося. Сшили Якову распашной кафтан, длинные меховые штаны, сапоги из оленьих камусов, соболиную шапку. Потом Люка одежду для себя украсила аппликациями из меха разного цвета:

белки, горноста́я, собо́ля, рыси. Летнюю одежду из ровдуги украсила вышивкой из оленьего волоса и сложила в мешок из рыбьей кожи.

День шёл за днём, морозы закончились, появилось солнце, начался охотничий сезон. Яков бегал на лыжах по дальним урочищам, старался понять, где он, не встретит ли случайно своих. Места безлюдные, уго́дья богатые, то нападет на след собо́ля или лисицы, то собака выведет на песка. Охотился на горноста́я, а белок не счесть, бил их тупыми стрелами, чтобы не испортить шкурку. Поздно вечером возвращался в тордох, где ждала его Люка, отдавал ей добычу. Яков немало стал понимать их язык:

— Люка, к какому роду принадлежите?

— Оду́лы мы, — ответила она, — кочуем между Алазеей и Колымой.

— Когда выйдем на Колыму?

— Летом, съедемся все на праздник на реку Ясачную.

«Вот там и убегу, — думал Яшка. — Казаки где-то на Колыме, найду». И стал ждать лета.

Ему так надоело есть всю зиму мёрзлое мясо и рыбу. Однажды попросил:

— Люка, свари мне мяса.

Она нарезала мелкими кусочками грудинку. Нагрела в костре камни, потом положила в деревянное блюдо вместе с прилипшей к камням золой. Так она проделала несколько раз и подала Яшке. Он попытался есть ложкой, но маленькие уголёчки и зола скрипели на зубах. Кое-как проглотил несколько недоваренных кусочков мяса и отдал остаток собакам.

«Уйду, — твёрдо решил он, — не смогу так жить». А ведь поначалу ему понравилось — полная свобода. Что хочу, то и делаю, куда хочу иду, никакой тебе службы, никто тобой не командует. Но прожил несколько месяцев и надоело. Какая же это свобода? Когда выбирают такие чащобы, чтобы никто не нашёл, прячутся как звери в норах и ждут каждый день нападения, разорения. И он понял: свобода — когда боятся тебя.

Родовичи Люки по-прежнему чуждались казака. Всё свободное время они собирались или у шамана, или у вожака, его не звали. В тордохе только Люка, остальные приходили ночью. Ка́к-то, обнимая Люку, он увидел замшевый мешочек, который был привязан волосной верёвочкой и висел на шее:

— Что это, Люка?

Она развязала мешочек и показала высохший человеческий палец:

— Старый шаман умер и мы поделили его тело между родовичами, а из головы сделали куклу. Хочешь, покажу?

— Не хочу. Лучше расскажи, по каким рекам кочуете?

— По притокам Колымы: Кородону, Ясачной и по предгорьям Арга-Тааса.

— Значит казаки где-то близко?

— Летом захочешь, встретишь.

И жалко стало Якову Люку покидать, привязался к ней. «Она такая заботливая, нежная, — думал он. — Возьму с собой, если согласится».

Наблюдая за их жизнью, Яков чувствовал, что от них исходит столько дикой энергии, наверное поэтому так легко переносят зимние холода и полудикую жизнь.

Время шло, наступила короткая весна, разгулялись тёплые ветра над тайгой. Солнце в несколько дней съело весь снег, днём и ночью в небесах слышен крик пернатых. Земля, отдохнувшая и проснувшаяся от зимней спячки, из чёрной покрылась в зелёный ковёр. Почки на деревьях лопнули и показались нежные листочки.

Яков проснулся под нежное курлыканье, потянулся так, что захрустели суставы, рядом Люки уже не было. Он нашёл её на берегу озера. Она сидела среди густого кустарника смородины. Яков сел рядом, обнял за плечи. Долго молчал, наконец, собрался с мыслями, сказал:

— Люка, пойдёшь со мной?

— Знала, что не захочешь жить с нами, — и надолго замолчала.

У юкагиров не было ни калыма, ни сватовства. Женщины их племени выбирали мужей сами. Приглянувшийся паренёк жил какое-то время у невесты и если девушка решила, что будет его женой, он просто переносил свои вещи в дом тестя.

Отец, может, считал, что при помощи Якова они разбогатели. Казак такой мастеровой, хороший охотник, вот только языка и обычаев их не знает. Теперь дело только за дочерью. Что она решит? Боялся только одного: встретят казаков, уйдёт и заберёт с собой дочь.

Наступило жаркое лето и, наконец, вождь сказал:

— Будем кочевать на Ясачную, со своими одулами встретимся.

Долго шли по тайге, по звериным тропам. Яков пытался запомнить дорогу, но не смог. Вождь уверенно вёл свой род по местам, по узким тропинкам, только ему одному известным. На каждой остановке было озеро или маленькая речка. Они скидывали с себя тяжёлые вьюки, все вещи, всё с собой несли на новые места, на старые больше не возвращались и тропы зарастали травой, растворялись в чаще леса. На остановке ловили рыбу тальниковой сетью. Ели пока не насытятся впрок. Засыпали тут же под деревьями, подстелив под себя шкуру оленя, лося, волка или медведя. Утром закидывали сеть, благо озёра богаты рыбой, тут же на берегу разделявали и ели свежую, сырую, только что выловленную. Так продолжалось много дней. А лето полностью вступило в свои права. В лесу пряный смолистый запах, щебетали птицы, дятлы стучали на деревьях, кукушка нескончаемо пела одну и ту же песню. И было бы хорошо, если бы не тучи комаров. При такой жаре не разденешься, приходится прикрывать руки, лицо. К концу июня вожак остановил свой род среди дня. Из потаённого

места вытащили долблёнку из тополя и треугольный плот. Прошли с версту по нехоженной тайге и блеснула гладь реки. Яков вышел на берег, его поразила ширина реки.

— Колыма? — спросил он у Люки, которая подошла к нему и стояла рядом. Вместо ответа она протянула ему кусок бересты. Яков посмотрел на бересту, там ясно виден рисунок.

— Что это?

— Известие прислали, видишь, это река, за поворотом приток, там работают казаки.

Теперь и Яков понял: две длинные волнистые линии — это Колыма, где-то посередине от этих волн в сторону отходит ещё одна волнистая линия и наверху ясно виден человек с ружьём.

— Кто это вам прислал и когда?

Люка не ответила, отвернулась, давая понять, что это его не касается. А род между тем грузился на плот, сам вожак на долблёнке впереди. По реке плыть славно, ветер комаров отгоняет. Настал полярный день, а потому плыли не останавливаясь, да и плыли не так долго. Вскоре Яков увидел как в Колыму впадает ещё одна река, тоже широкая, по левую сторону. Один берег, что слева, низковат, по правую сторону берег высокий и тянется на целых две версты, а может больше.

— Ясачная это, — пояснила Люка.

На вёслах стали подниматься вверх. Ещё издали Яков услышал характерный стук топоров, напряг слух. Нет, не кажется, точно, звуки нарастали и версты через четыре он увидел на высоком берегу строящуюся избу. Двое казаков сидели на срубе, тесали топорами брёвна, третий стоял на берегу, смотрел на подплывающих к берегу людей.

— Правь к берегу, — закричал Яшка.

Поднялся на высокий берег, казаки тоже перестали работать, смотрели, кто приехал.

— Семён Иваныч, здорово, — кинулся навстречу к знакомому казаку Яков.

— Яшка, чёрт, ты, еле узнал, оброс весь. Вот Лука возрадуется, по сю пору ищет тебя.

— Где он?

— В Колымской крепости. Он, брат, обженился.

— Давай и я с тобой поздороваюсь, — сказал подошедший Дмитрий.

Одулы смотрели на них с удивлением, своих они приветствовали сдержанно, а чтоб чужих — сразу хватаются за оружие. А эти обнимаются, целуются, от радости шлёпают друг друга по плечам, по спине.

— Крепость строим Верхнеколымскую, — говорил Дмитрий, троекратно целуя Якова, — мы уж думали не жив ты, ну и воняет от тебя.

— Живой, как видишь. Полгода почитай в звериных шкурах, немытый.

- Останешься с нами или как?
- С вами, вот только Люку спрошу.
- Никак тоже обжегился?
- Спал с ней. Не хочу бросать.

Но Люка опустила голову, ничего не сказала, пошла к своим. Женщины её рода стояли, смотрели на казаков. Те высокие, стояли без шлемов, без ружей, с радостными улыбками на устах, страшными им не казались. На высоком берегу высилась часовенка и строящаяся изба. Часовенка казалась им высоким домом с остроконечной крышей. Никогда ничего подобного не видевшие, они не спускали глаз, цокали языками. Таким способом выказывали своё восхищение то ли казакам, то ли часовне. Их мужчины стояли наготове с оружием в руках. Им явно не нравилось женское восхищение.

- На плот, — крикнул вождь.

Яков только теперь пожалел, что не спросил у Люки имя их вожака.

Они равнодушно повернулись на его зов и продолжали стоять и смотреть на казаков. Это был взгляд на самцов явно не в пользу своих мужчин.

Люка первой взошла на плот, остальные нехотя потянулись за ней.

Казаки стояли на берегу, смотрели им вслед.

— Не тужи, Яшка, у них выше по реке сход. Праздник у них, съездим, погуляем, — ласково толкнул в бок Семён расстроившегося казака.

— Празднуют день солнцестояния, все рода одулов собираются в самый длинный день в году. Много их там, они никого не боятся, веселятся целый месяц, — просветил Якова Дмитрий.

— А потом весь год дрожат у себя в норах. Нет, такая жизнь не по мне, — ответил Яков.

Через неделю все казаки поднялись вверх вёрст на шестьдесят и увидели племя. Яков подстриг бороду и волосы, переоделся во всё казацкое. Прибыли под вечер, весь правый берег был заполнен многочисленными родами. Одулы встретили настороженно, но не враждебно. Казаки подняли вверх правую руку с раскрытой ладонью, знак того, что прибыли с миром. Яков, на их языке, первым приветствовал их:

- С миром мы, гостевать.

Одулы того рода, где он жил, приветливо закивали головами, а Люка одарила его благодарным взглядом.

Одетая в красное замшевое платье, такие же сапожки, в ушах серебряные сережки.

— Есть здесь серебро. А где — не сказывают, — сказал Зырян. — Ну да ничего, сами найдём.

Вскоре одулы потеряли интерес к казакам и пошли танцевать хороводный танец лондо. А в самую полночь развели большой костёр,

шаманы начали бить в бубны, просить у Бога солнца благоденствия. В стороне стояли жертвенные олени.

Казаки развели костёр, варили уху, а Яков рассказывал о их вере, что успела рассказать Люка.

— Верят они в триединость души. Одна из них после смерти отправляется в мир мёртвых. Другая имеет вид двойника, которую может видеть только шаман и которая переселяется в новорожденного ребенка. Дедушка возрождается во внуке, бабушка во внучке или приходит к кому-нибудь из детей. Третья душа — тень, которая свойственна также неодушевленным предметам. Поклоняются священным камням, добрым духам.

Дети вертелись около казаков, всё рассматривали.

Потянулся вкусный запах от ухи из нельмы, он привлёк внимание детей одулов, набежали к казакам, те стали угощать ухой с горячим бульоном. Всем понравилось, стали просить котёл, очень удивились, как так котёл не горит.

— Скоро приедут купцы, у них всё купите, за соболей.

Все одулы вместе ловили рыбу, сырой ели, затем танцевали, играли, состязались в силе и беге.

— Всё, братья-казаки, недосуг, пора за работу. Яков, хочешь, оставайся.

Ранним утром, через месяц, когда праздник у одулов закончился и все стали разъезжаться, они подплыли всем родом к крепости. Вождь дал клятву верности, целовал окровавленную саблю, обещал платить ясак. Все вернулись на плот, только Люка оставалась на берегу. Около её ног лежал объёмный мешок.

— Вот и жёнка тебе, — засмеялся Семён, — ждёт, иди.

За месяц, что Яков не видел Люку, вдруг неожиданно обнаружил, что животик её округлился и вся она располнела и как будто стала выше.

Яков подошёл к ней, взял за руку:

— Угадал, Семён Иваныч, жёнка моя. Ну, где поселите?

— Изба готова, занимайте половину, живите пока здесь. Потом решим, где жить будете. Здесь ли, может в Колымске.

— Далеко отсюда? — спросил Яков.

— Да нет, не далеко, вёрст, однако, сто пятьдесят не больше, вниз за сутки спустимся.

Когда разъезжались ни один род не проплыл мимо крепости, каждый считал своим долгом побывать в гостях. Казаки встречали дружелюбно, кормили ухой, благо рыбы в Ясачной много, либо супом, вели беседы. Гости заходили в дома, цокали языками, все говорили одно и то же, просили железные изделия.

— Хорошие избы, большие.

— Платите соболями и вам срубим.

— На одном месте не живём, кочуем.

— Алазейцы рады, что разбили шитолицых. Больше не подходят, не разбойничают.

— Дай нож и топор, соболей дам, — говорил вождь, остальные родовичи молчали.

— Осенью прибудет торговый люд в Нижнеколымск. У них за меха обменяете. А у нас лишних нет, — говорил Семён.

— Шитолицых боимся, как Колыма замёрзнет, омоков в тундре ищут. Находят — мужиков убивают, баб, детей и стада оленей берут в полон.

— Больше не бойтесь, мы в обиду не дадим.

— Ясак зачем собираете, — сердито спрашивали некоторые вожди.

— Это подарок батюшке-царю.

Племена, проживающие в бассейне Колымы, питали ненависть к чукчам. Их беспокойное поведение, убийственные набеги, грабежи держали юкагиров в страхе.

— После того, как вы разбили их на Алазее, они не успокоятся, не смирятся, что утратили власть над нами, ждите набега, — предупредили казаков.

Наконец все разъехались, казаки остались одни.

— Яшка, сходи в лес, набери грибов, голубицы.

— Люка, бери туески, наберём к ужину.

Верхнеколымская крепость построена на левом берегу Ясачной. Ниже по течению — протока, которая к концу лета становится мелководной, но глубокой, незамеченным через неё не пройти. С другой стороны озеро кишит птицей. С третьей стороны лес вырубил, оставили кусты рябины и смородины, а по берегу Ясачной тянется, версты на две или три, болотистая земля, вся усыпана кустиками голубики. Её так много, что невысокие кустики кажутся тёмно-синими. За болотом, которое в жару пересыхает, подлесок из молодых лиственниц. Земля пружинит под ногами от большого количества упавших на землю иголок. Под нежными деревцами растут грибы — маслята. На зелёном мхе вызревают, наливаются соком гроздь брусники.

Яшка с Люкой набрали полные туески ягод и грибов.

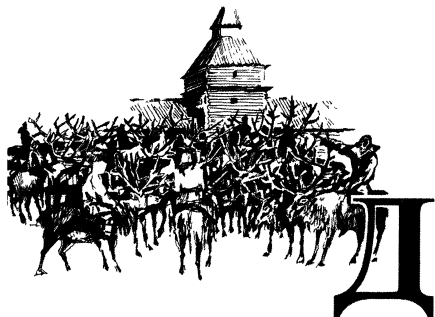
— Натужи грибы с дичью, но вначале грибы отвари, — учил Семён.

Самая ранняя ягода на Колыме — голубица, вызревает в конце июля. И казаки каждый день наслаждались сладкими ягодами. Бруснику можно собирать в конце августа.

— Жаль покидать такое благодатное место, — говорил Зырян, — но пора в Колымск. Срубим большой плот и поплывём на нём.

В Колымске встретил их приказчик Власьев:

— Дмитрий Михалыч, лес в Нижнеколымск сплавь, да возьми с собой Кондакова, толмоча Томила, Семёна Мотору, Дежнёва, Федота Пермякова, ну, ещё кого позовешь. Да торопись, скоро река встанет.



Две зимы казаки из Нижнеколымского острога, что построен в устье Колымы, зимовать уходили в Колымскую крепость и избы пустовали. А сразу же, после ледохода, спустились вниз, ждали купцов, охотников, промысловиков и находили острог разорённым. Это чукчи каждую осень рыскали по тундре в поисках добычи. Кочевали в этих краях полудикие племена: омоков, ходынцев, чуванцев со своими стадами оленей. Чукчи разбойничали, грабили оплошавших, убивали слабых и горе тем, кто не успел их вовремя заметить и не убежать. Тогда мужчин убивали, а молодых женщин, детей и оленьи стада угоняли к себе.

Казакам же каждое лето приходилось вновь восстанавливать крепость. Строили быстро: сруб без фундамента прямо на земле, без крыши, только на потолок сыпали толстый слой земли, пол земляной, в окна, вместо слюды, натягивали мочевой пузырь собаки. Наконец, надоели разорительные набеги чукчей и казаки решили подождать их.

В конце сентября воцарилась зима, Колыму крепко сковал лёд, снег волнистым ковром закрыл тундру, настало время, когда чукчи большой силой рыскали в поисках племён.

— Лучшего времени для нападения не будет, — сказал Семён Мотора, — лютых морозов нет, снег ещё неглубокий, со дня на день ждать надо шитолицых. Он только что вернулся с дозора и грелся около камелька, единственное, что переняли у якутов.

— Томил, одевайся потеплее, твой черёд, — предупредил Зырян, — следом пойдёт Дежнёв.

Томил Сысолятин вышел, влез на крышу. Дозорную вышку не строили, только приделали лестницу — тундру с крыши далеко видно. Дозор держали круглосуточно, чтобы не прозевать приближение чукчей. Казак уселся на чурбачок, решил подремать, но не успел, как увидел вдали чёрные точки, которые быстро приближались. «Блазнится, — подумал казак, — или правда». По мере приближения точки росли в размерах.

— Как их много, — ахнул Томил, — да это чукчи и все на нартах, не успею сбегать и Томил застучал в потолок, засвистел.

Вскоре появились казаки во всеоружии, ждали, когда подъедут ближе и что предпримут. В драку полезут или миром поговорят. Не доехав метров сто, чукчи остановились, видимо, ждали, когда подъедут все, поговорили между собой, их внимание привлекла часовня, построенная в это лето. Вероятно, решили, что острог опять пустой, подъехали к часовне, слезли с нарт, обошли вокруг, попытались открыть дверь. Казаки тихо лежали на крыше, но когда чукчи полезли внутрь, не выдержали, дали залп из ружей. Для нападавших это было неожиданно, с удивлением смотрели на сородичей, которые мёртвыми повалились на снег. «Огонь и молнии у них», — закричали чукчи, когда прогремел второй залп. Они дрогнули и откатились.

— Думали, если их много, им некого бояться, не получилось, — проворчал Томил, — смотрите, совещаются, ещё полезут.

— Семён, стой на дозоре, мы в избу пойдём, погреемся, — приказал Зырян.

Рассерженные, видимо, неудачей чукчи вскоре появились. На этот раз верхом на бурах, подъехали близко, выстрелили из луков и помчались с копьями на казаков. Семён громко постучал в двери:

— Выходите, едут.

На этот раз казаки далее стрелять не стали, взяли копыя, бердыши, другие — сабли.

Тундренные чукчи впервые видели казаков. Высокие, обросшие волосом, извергая огонь, навели на многих из них ужас, воинственный пыл их быстро иссяк. Казаки ловко валили их бердышами с оленей, добивали на земле. Отступили они стремительнее, чем нападали и больше в остроге не появились. Объехали крепость и помчались в тундру, несмотря на большие потери, не хотели возвращаться без добычи.

Недалеко от казаков кочевал с большим оленьим стадом вождь Омок. Он бывал в крепости, менял оленину на товары. Казаки обещали ему защиту.

— Смотрите, решили искать Омока, — догадались казаки.

— Поможем Омоку, — предложил Мотора, — на лыжах по их следам побежим.

Чукчи были уверены, что омоки не смогут оказать им сильного сопротивления. Но одного не учли, что им придут на помощь казаки. Драка шла к завершению, когда подоспели казаки. Теперь, окружённые чукчи, заматались, не видели, в какую сторону бежать.

— Мотору убили, — крикнул Дежнёв.

Его распростёртое тело лежало на снегу. Семён был хорошим лыжником, бежал намного впереди остальных, попал в самую гущу сражавшихся. Каким бы ловким и смелым не был Мотора, но сразу, с ходу, от десятка навалившихся чукчей не отбил. Злоба закипела у казаков, придала ярости, которая толкала на битву — не на жизнь,

а на смерть. Всё бы закончилось не так жестоко, если бы не смерть Моторы. Убивали всех подряд, не щадили никого. Даже Дежнёв, со своим добрым нравом, не чувствовал к ним жалости.

— Хватит, братья-казаки, — крикнул Зырян, — оставьте для полона нескольких.

Казакам представился случай внимательно разглядеть чукчей: их одежду, вооружение. Глаза их не выражали страха, горели ненавистью, лица обезображены татуировкой. Один из них, казаки решили, что это их вождь, громко требовательно кричал.

— Семён Дежнёв, ты что-нибудь по ихнему понимаешь? — спросил Зырян.

— Нет, не пойму, но, наверное, смерти просит.

— Этих отпустим, — добавил Дмитрий, — пусть передадут своим сородичам, чтоб больше сюда не ходили, не то придём и побьём всех.

— Как отпустить? — удивился Омок. — Вас бы они не пожалели, — и стал бить их ногами. Чукчи только ощерились как собаки, но пощады не просили.

— Все ли живы, кто ранен? — спросил Дмитрий.

— Один убит, Пермьяк и Тамил ранены, остальные десять здоровы, — доложил Дежнёв, — казака Ивана Кондакова и толмача Типла на всякий случай оставили в крепости.

Семён рассматривал оружие чукчей: копья, ножи, стрелы — всё костяное.

— Зачем нам ихнее оружие? Давай выбросим, — предложил Пермьяк.

— В хозяйстве всё сгодится, — возразил Семён, — обменяем на зимнюю одежду у Омока.

— Зовём шамана и тебя, Омок, в крепость, потолковать надо. Пора, братья-казаки, вернуться, — приказал Зырян.

— Добыча плевая, разве что олени и нарты сгодятся, есть на чём возвращаться в Колымск, — сказал Пермьяк. — А чукчей куда?

— Возьмём с собой, а то омоки добьют их.

Чукчей поместили в ихние же нарты, проводили до острога. Дали в руки вожжи.

— Чтобы близко не подходили к Колыме, — погрозил кулаком Дмитрий и вдобавок провёл ладонью по горлу. Не поняли слова, зато поняли, наверняка, что убьют.

В остроге Иван Кондаков увидел мрачные лица казаков, безжизненное тело Моторы, спросил:

— Могилу здесь копать будем?

Но все промолчали. «Не решили ещё где, — подумал он, — может в Колымск возьмут».

Омок вскоре прибыл со всем своим многочисленным семейством. У него три взрослых сына, две дочери, невестки, внуки.

— Садитесь, — пригласил Дмитрий к столу, — поешьте с нами.

Омоки ни столов, ни лавок не имели, питались мороженой рыбой или мясом. В тёплое время года ели сырую свежевывловленную рыбу. Потому им было всё в диковинку, например, просторная тёплая изба. Мясо в миске с горячим бульоном с добавлением соли, показалось им невкусным, отказались есть. Только дочка Омока ела с удовольствием, поглядывала на казаков любопытными, смешливыми глазами.

— Зимние холода здесь такие, что без меховой одёжи нельзя, — начал говорить Дмитрий. — Часть обменяем на оружие, которое взяли у чукчей, часть просим в долг. Летом купцы привезут ножи, котлы, иглы, огниво — рассчитаемся. Пусть ваши женщины сошьют для нас.

— Вдруг чукчи снова придут? — предположил Омок.

— Казаков зовите, защитят. Шейте побыстрее, холода наступают, — сказал Зырян.

— Женщины здесь шить будут, согласился вождь.

— Иван, маленькую избушку протопи, — приказал Дмитрий, — там работать будут. Закрепить бы надо дружбу с Омоком, женить бы кого-нибудь на его дочери.

— Миловидная девица, — засмеялся Пермьяк, — может, кто и согласится.

— Я женюсь, — с усмешкой сказал Иван Кондаков, — и здесь жить останусь.

— Ты? — засмеялись все. — Знаешь ли каков обычай у них?

— Нет, — ответил смущённо казак, — откуда же мне знать.

— Отец даёт жениху дерево и, если перебросишь через тордох, тогда отдаст дочь, — объяснил Евсей, — даст тебе большое дерево, как перебросишь? Сумеешь?

— Переброшу, — уверенно ответил Иван.

Казаки разбили злейших врагов омоков и многие вожди побывали у Зыряна, давали клятву верности неведомому государю, обещали платить ясак, за это просили защиту.

— Жалуйтесь, обидчиков тех накажем, — уверил их Дмитрий.

А чукчи после такого поражения бежали вглубь Чуванской стороны со своими стадами и боялись подходить к Колыме, не менее чем за двести вёрст. Так казаки установили мир в Колымской волости. Колымскую волость приписали к Зашиверскому уезду. На такой огромной территории вели полукочевую жизнь около пяти тысяч юкагиров и две тысячи ламутов.

В крепости поселились женщины родоначальника Омока, шили одежду для казаков — две дочери, двое жён сыновей, во главе со старухой Типкил, женой вождя. Иван целыми днями пропадал в избе, где работали швеи. Поставил для них стол, лавки, думал, что так удобнее работать, но, привыкшие сидеть на шкурах в своих тордхах, они предпочли сидеть на полу. Только сняли с себя меховую верхнюю оде-

жду, сидели в нижней — мехом внутрь. Очень удивлялись теплу, простору, свету от камелька. Беспреданно меж собой разговаривали, но о чём — Иван не понимал. Варил мясо, пытался покормить их похлёбкой, но они предпочитали есть мёрзлое мясо. Только одна девушка села с ним за стол и с аппетитом поела.

— Как тебя зовут? Я Иван Кондаков, а тебя?

— Айта.

Они шили костяными иглами, такими же напёрстками. Их иглы крупнее железных и шов получался грубый. Иван сходил в свою избу и с порога спросил:

— Семён Иванович, где лежат наши иглы?

— Зачем тебе? — вытаскивая из мешочка пачку иголок, спросил Дежнёв, — Напёрсток надо?

— Хочу научить швей шить железными иглами.

— Айта, смотри как хорошо шить железной иглой, а вот и напёрсток.

Иван сел рядом с девушкой, продернул в ушко сухожильную нить, показал как шить. Все женщины столпились около них, наблюдали.

— Хотите и вам дам? — предложил Иван. Они взяли иглы, но шить предпочитали костяными. Ничего — думал казак — потихоньку привыкнут.

Айта оказалась смышлёной, научилась быстро и показывала ровный шов своим сородичам.

Вечером Семён Дежнёв спросил Ивана:

— Целыми днями торчишь там. Девушка приглянулась?

— Приглянулась Айта, — не стал скрывать казак.

— Неплохо, — заметил Зырян, — будет связь с большим племенем, тогда поедем сватать.

Зырян прихватил с собой, в качестве подарка, несколько иголок, нож и поехали к Омоку. Вождь явно обрадовался приезду казаков, а особенно подаркам. Долго рассматривал нож, пробовал на прочность, гладил, нюхал, цокол языком, потом свой отдал сыну, подаренный вложил в ножны, висевшие на лосином ремне.

После совместного обеда Омок принёс меховую одежду, которую успели сшить женщины. Зырян начал разглядывать: две свободные рубахи — нижнюю мехом к телу, верхнюю мехом наружу, одеваются через голову. Подол, рукава и ворот обшиты пушистым мехом. Верхняя рубаха с капюшоном. Две пары штанов, сапоги, надевавшиеся на меховой чулок, подвязывались ремнями. На голову сшили капор с накидкой, закрывающей шею и грудь. Верхняя рубаха подпоясывалась ремнём, к нему подвешивается нож. Дмитрий долго рассматривал и остался доволен.

— В такой одежде любые морозы не страшны.

— Мало сшили, надо ещё.

— С чукчей поснимали одёжу, она мала будет, бабы перешивают. Обождите немного.

— Ладно, обождём, — согласился Зырян. — У нас дело к вам есть, — и толкнул Семёна, мол, начинай сватовство.

— У вас товар, у нас купец, — начал было Семён, далее не знал, что сказать, не поймёт русскую присказку, а потому спросил прямо, — Айту за казака отдашь?

— Айта мужа сама выберет, — ответил отец, — у неё спрашивайте.

— Тогда поедem в острог, там поговорим, — предложил Семён.

Омок, Семён, Зырян, Иван и толмач зашли в избу, где жили швеи. Иван, не стеснясь, подошёл к Айте:

— Айта, замуж за меня пойдёшь?

Айта закрыла рукавом лицо, но смущение быстро прошло. Глянула в сторону Ивана, он самый молодой казак, опять глянула на Ивана. Тот прислушивался к разговору старших, лукаво глянул на девушку, подмигнул синим глазом.

Отец взял девушку за руку, вышли из избы, поговорить, но вернулись быстро:

— Скоро приедem, готовьтесь, — сказал Омок, и действительно, вскоре с сыном привёз Айту.

Айта с приятным овалом лица, полными губами, тёмно-кариими глазами, стройная, была бы красавицей, если бы не широкие скулы и маленький подбородок. Она на олене объехала три раза избу по солнцу, в которой будут жить. После этого вошла в избу, где был подвешен полог для молодых. Отец развесил приданое вне избы, на обозрение казакам: шубы, торбаза зимние и летние, шапки, женские принадлежности, спальный мешок.

— Богатая невеста, — смеялись казаки.

— Омок, — обратился к нему Дмитрий, — ты говорил, что ходынцы богаты, отвези в подарок нож и иголки и пусть приедут, потолковать надо.

— Съезжу к Нюктусу, может, согласится.

Нюктус, хотя и во всеоружии, сказала ещё недоверчивость в миролюбие казаков, явился с отточенными копьями, с полными тулами стрел. Воины остались около избы, сам вождь с двумя сыновьями зашли.

— Садитесь, — пригласил их Зырян.

У Нюктуса широкий нос, но низкий лоб, глаза узкие, но хитрые. Переносица низкая и широкая. Волосы чёрные, жесткие, прямые. У сыновей глаза почти чёрные, у отца — посветлее, немного с годами выцвели. Казакам они показались все на одно лицо.

Нюктус впервые был в жилище казаков, разглядывал всё с большим любопытством: живут в просторной избе, ходят во весь рост, раздетые, без меховой одежды. Казаки накормили их своей похлёбкой, потом начали разговор по их обычаю:

— Дело такое, зимняя одежда нужна, сшейте в долг. Весной казаки и летом купцы привезут котлы, ножи, ножницы, иглы, ещё кое-что — рассчитаемся.

— Обманете? — спросил Нюктус.

— Не обманем, на том крест целую, — Зырян из рубашки достал медный крестик и поцеловал, — клятву даю.

— Через много ночей жди, — сказал вождь и показал обе ладони с раскрытыми пальцами.

— Через десять дней, — понял Дмитрий.

Когда Нюктус привёз одежду на четыре человека, казаки собрались в Колымск.

— Поделится одеждой, но всё равно на всех не хватит. Иван здесь останется с молодой женой, ещё двоих надо бы, кто, может, своей волей останется?

— Я останусь, на песцов поохочусь, — первым отозвался Фрол Выметянин, — здесь их много, как снег белые. Оставайся, Томил, со мной, вдвоем веселее.

— Так и решим, остальные готовьтесь в дорогу, кто на оленях, кто на лыжах. Дорога трудная — более пятисот вёрст.

Больше недели добирался отряд Зыряна до Колымской крепости. То-то было Луке радости, носился по избе, как молодой:

— Первейшее дело — ноги в тепло, — снял меховые сапоги с ног Дмитрия, опустил в тёплую воду, — потом горячее варево, — наливая в чашку похлёбку, говорил Лука, — быстрее отойдёшь.

Вскоре явился Семён Дежнёв и ему такой же приём. Зырян так и не встал с лавки, на ней же уснул. Лука подложил ему под голову единственную подушку в его хозяйстве, укрыл тулупом. Когда явился приказчик Власьев, оба путешественника спали.

— Хотел послушать их.

— Не к спеху, не горит, с утра приходи.

— Так ведь день ещё.

— Других поспрошай, которые не спят.

— Придётся в другие избы сходить, послушать.

Только за полночь Власьев закончил отписку воеводе, наладился спать тут же на лавке, на которой сидел, как около избы заскрипели нарты, знакомый голос громко заговорил:

— Понастроили изб, не разберёшь, которая приказчика, которая Луки.

Все казаки знали гостеприимство старого Луки. У него всегда горит камелёк, а около него стоит котелок с варевом. Власьев быстро поднялся с лавки, не успел дверей открыть, как ввалились в избу в волчьих тулупах, покрытые снегом, Фёдор Чикачёв с Лаврушкой.

— Откуда вас черти принесли? — обрадовался приказчик гостям. — Ну, идите, снег с себя стряхните, я пока мясо разогрею.

— С Алазеи мы,— начал свой рассказ Фёдор, когда вернулся,— прослышали от одулов, что недалеко, решили провести, может, чем разживёмся.

— Так ведь ты на Индигирке приказчиком был.

— Был, надоело, перемена пришла, купил баркас на свои деньги, перебрались на Алазею, построили зимовье. Купчишки у вас есть?

— Федот только, давайте, ешьте и спать, с утра к Луке пойдём, там и потолкуем.

На другой день пошли к Луке, около его избы Зырян с Дежнёвым налаживали нарты, готовились в дорогу.

— Здорово, други,— приветствовал Фёдор дружков.— Куда это с утра пораньше?

— В Верхнеколымскую крепость,— отвечали казаки, троекратно целуясь с гостями,— провести надо, ясак собрать, скоро отряд на перемену прибудет.

Федот ещё спал с Урумэччи за пологом, Лука поднялся, сварил мясо.

— Здорово ночевали,— орал Фёдор,— хватит спать.

Попов услышал разговор, поднял полог, посмотрел на Фёдора.

— Давайте, садитесь, поедим, поговорить успеем.

— Федот, чего на соболей меняешь? Солью бедуем.

— Солью поделиться могу, а на обмен только полотно, да сукно.

Боле нет ничего.

— Полотна куплю бабам в подарок.

— Не унимаетесь,— усмехнулся Лука,— всё мальцов стругаете.

— Даже ты оскоромился, а нам, молодым, сам Бог повелел,— рассмеялся Лаврушка.— Редко семейку найдёшь, которая была бы не разбавлена казацкой кровью. Через год и до вашей Колымы доберёмся. Так, Федька?

— Бабы сами ездят к нам, выгонять их что ли? — ответил Фёдор.

— Хватит о бабах, об деле поговорим,— строго приказал Лука.

— Об деле потом потолкуете, а мы с Семёном в дорогу собираемся, давайте попрощаемся, может не свидемся.

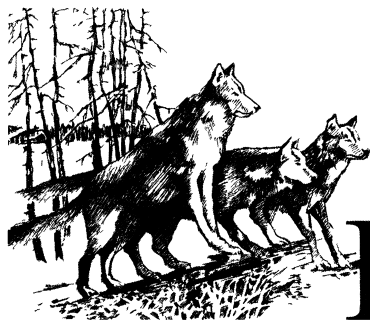
— Отложили бы отъезд, куда торопитесь,— попросил Фёдор.

— Плохая примета откладывать, пусть едут, ну, с Богом, казаки,— перекрестил их Лука.

— Когда думаете обратно на Алазею? — спросил Семён.

— Недельку погостим, потом домой. Не помешаем, дядя Лука? — спросил Лаврушка.

— Господь с тобой, Лаврентий, слова какие непотребные говоришь. Милости просим, на сколько хотите.



В

ыехали в ночь, да и ночью назвать трудно — пять часов всего, а уж темно. Та серая муть, что появляется, означает середину дня. Если не метёт и на небе ни облачка — светло. Яркая луна отбрасывает волшебные тени, горит много звёзд голубым, золотым огнём. Ехали на двух упряжках, на первой — Дмитрий с грузом, на второй — Семён с толмачом Баиром. Вверх по реке можно за сутки добраться до крепости, если бы не останавливались кормить оленей. Разыгравшаяся перед этим метель сдула на многих местах снег и олени цокали копытами по гладкому льду. Они бегут быстро, вот только снег из-под копыт летит прямо в лицо.

О чём только не передумает Дмитрий за дорогу. Богатая дань, что прислал отряд Зыряна в Ленск, умаслила ленского воеводу, и он перестал держать гнев на непослушного десятника, назначив его приказчиком в Колымской волости. Теперь в обязанность входило, помимо сбора ясака, блюсти порядок и мир на этой земле. Обьезжать, да не по одному разу за год, все остроги, что построены служилыми людьми для государева ясачного сбора и дружественные племена. Призывать к мирной жизни юкагиров и ламутов, чтобы прекратили междоусобицы, договаривались мирным путём. Чукчи же, после того как их разгромили на Алазее, а потом на Колыме, уstraшились, близко не подходили, оставили племена Колымской волости в покое. Надо бы разыскать чукчей, но силы пока малые. Нужны новые, большие отряды, хорошо вооружённые и снабжённые всем необходимым. Передохнули под открытым небом у большого костра, оленей пустили попасистись, корм себе сами найдут. К реке Ясачной подъехали к вечеру другого дня. Левый берег её высится над правым, далеко видно, повернули по ней и версты через четыре увидели часовню и две избы. Поднялись по берегу, около изб большие поленницы дров. Из одной избы, наскоро одевшись, выскочили казаки Алексей Маслов с Кузьмой Скрабиным.

— А мы чуем, полозья скрипят, вот радость, свои, — говорил Алексей, троекратно целуя приезжих. — Не замёрзли? Давайте в избу. Днём угольки вылетали из камелька, верная примета, к гостям. Надолго ли?

Внутри маленькой избушки длинный дощатый стол, рядом широкие лавки, как сиденья и как места для сна. Огонь от камелька освещал избу и давал много тепла.

— Отдохнём в тепле, потом эти места разведать надо.

— Ясак собрали, — продолжал Маслов, — на обратном пути заберёте. Надоело здесь, перемену надо бы.

— Перемена летом будет, послужи пока. Как племена? Не тревожат?

— Не тревожат, только меж собой не ладят.

— Чего так?

— Охотничьи уголья одулы не поделили с ламутами, одни и те же им понадобились. Пришлось уговаривать, обошлись без кровавой драки.

— Как сумел?

— Толмач уговорил, у одулов сироту за котёл купили ещё летом. Такой ушлый, по-нашему понимает, говорит пока коряво, но понять можно. Никиткой назвали.

— Дорогу к ламутам знает?

Никитка понял, что речь идёт о нём и что спросил Зырян:

— Знаю, проведу, до них недалеко, в горах Арга-Тааса, — ответил он.

Вновь раздался голоса за избой, лай собак.

— Кто это?

— Да это к Яшке, опять родичи жены прибыли. Больше некому.

Все вновь высыпали на улицу, несмотря на глубокую ночь, никто не спал. Действительно, прибыл род одулов, все одеты в меха, в шапках были только отверстия для глаз. Яков встречал их, но вначале приветствовал своих дружков:

— Не слышал, как подъехали.

— Молодой, крепко спишь, — захохотали казаки.

Зашли в избу, тесно, не протолкнуться.

— Вот что, — сказал Яшка, — ставьте рядом с домом тордохи и ложитесь спать. Видите, здесь тесно.

— Кочевали на своё место, там якуты наше место заняли. Яшка, выгони их.

— Давайте выпьемся, отдохнём, завтра разберёмся.

На следующее утро на нартах умчались разбираться в споре за землю.

— Старый знакомец, Тибенде, здорово, — обрадовался Семён Дежнёв. — Что не поделили?

Устроился Тибенде основательно: большая юрта, рядом хотон, стога сена и всё это окружено плотными кустами тальника, недалеко виднеется озеро.

— Мы здесь второй год живём, никого не встречали, не знали, построились, сена заготовили, куда мы зимой.

— Место здесь богатое, — обозлился одул, — зверя много, озеро рыбное.

— Место это одулов, — сказал Яков.

— Мест богатых много, пусть кочуют.

— Может за выкуп уступят? — предположил Семён.

— Дадим, — ответил Тибенде.

— За выкуп место уступите? — спросил Семён вождя.

Вождь согласился, но плату потребовал, по его понятиям, богатую:

— Упряжку собак и две шубы.

Для таёжных одулов собаки и мех — самое надёжное богатство.

Вождь был доволен такой сделкой.

— Тайга большая, мест много, — добавил Яшка, — и зачем бродить по тайге, ставьте тордохи рядом с нами, живите, никто не тронет.

А в крепости переполох, повадились каждую ночь стаи волков нападать. Последнюю собаку у одулов загрызли. Как только взойдёт луна, осветит всё мёртвым светом, крепость оглашается воем волков. В избах жить не страшно, а вот в тордохах опасно, могут напасть.

— Волков в этом году развелось много, — жаловался Яков, — засаду бы надо устроить.

— Устроим, — пообещал Дмитрий. — На приманку мясо есть?

— Надясь сохатого завалили, кости бросили.

Целая неделя ушла на то, чтобы перебить хотя бы половину стаи, потом поехали к ламутам. Горы Арга-Тааса из крепости кажутся вроде бы близко. Их белые снежные вершины в ясную погоду высились на фоне голубого неба. Добирались медленно, с трудом пробивались через таёжную чащу. Когда подъехали к предгорьям, стали подниматься по льду горной речушки, вскоре выехали к долинам. На одной из них по вытоптанной оленьими копытами местами стали в большом количестве попадаться обглоданные кости, рога. Всюду окровавленный снег. Эти следы привели их к скоплению стад оленей, в центре несколько чумов. Казаки остановились, слезли с нарт, ждали, когда появится кто-нибудь из жителей. Вскоре вышли все, разве что не было грудных детей. Они молча разглядывали пришельцев — их волосатые лица, большие нос и глаза, высокий рост. Ламуты, никогда не видевшие казаков, однако не разбежались, а столпились около них, не в силах оторваться.

Первым заговорил Никитка:

— Мы пришли с миром, не бойтесь.

Шамана можно определить сразу по одежде, нашитым амулетам. А в остальном все одеты одинаково. На голове шапки в виде чепцов, сшитых из шкур, снятых с головы оленя. Кухлянки из цельных оленьих шкур, на ногах длинные сапоги из оленьих камусов. Для ламутов олень: еда, одежда, жильё — чумы покрыты оленьими шкурами. Жизнь полностью зависит от количества оленей. Потеряют — не вы-

живут. Рядом с шаманом стоял то ли вскормленник, то ли раб, на первый взгляд не поймёшь. Это паренек лет шестнадцати. Он внимательно разглядывал Никитку, что-то соображая, потом несмело спросил:

— Ты омок или одул?

— Как сюда попал? — в свою очередь спросил Никита.

— Отобрали у моего рода.

— Никитка, хватит болтать, со вчерашнего дня не евши, давай разведём костёр, наварим мяса, — отвлёк от разговора Никитку Семён.

Шаман догадался, что пришельцев надо накормить, сказал об этом пареньку.

Раб ловко поймал арканом оленя, повалил наземь, костяным ножом убил, быстро разделал. Внутренние органы: почки, печень, сердце отдал шаману. Тот хотел угостить ими казаков, но Никитка сказал, что казаки сырого не едят. Тогда шаман разрезал органы на маленькие кусочки и раздал своим сородичам.

Семён нарубил дров, разжёг костёр, набил котёл снегом, повесил над огнём.

— Не сгорит? — удивился шаман.

— Котёл железный, не горит, — объяснил Никита, — и топор также из железа, вот, потрогай, — и протянул шаману.

Шаман взял с осторожностью, взвесил на руке, осмотрел со всех сторон, даже попробовал зачем-то на зуб, покачал головой, то ли в знак восхищения, то ли зависти.

Зырян насчитал вместе с детьми тридцать два человека. «Семь семей, по количеству чумов, — решил он. — Почему живут вместе? Столько оленей здесь держать нельзя, корму мало».

Он знал, что ламуты живут одной или двумя семьями, кочуют со стадом по местам богатым ягелем. А тут собралось слишком много и людей, и оленей.

— Никитка, спроси, почему их много в одном месте.

Через раба они узнали, что волки налетают на стада часто, одному-двум мужчинам в семье не справиться и решили всем племенем устроить облаву на волков.

Когда мясо сварилось, Дежнёв пригласил главу рода и шамана отведать их варево.

— Так вкуснее, — сделал вывод шаман. — Котёл обменяете на оленей?

— Приезжайте в Колымск, там купцы продают, вот и обменяете. А с волками справиться пособим.

Несколько дней казаки отстреливали волков. Ламуты, впервые увидевшие ружья и стрелы с железными наконечниками, смотрели на них, как на добрых духов, только шаман смотрел недоброжелательно.

— Боялись вас поначалу, а как отстреляли волков, подобрали, — рассмеялся Никитка. — Спрашивают, сколько дать оленей за помощь.

— Пусть платят ясак и дадут клятву верности государю, за это обещаем им помощь, крепость недалеко.

Места эти для казаков новые, неведомые и не знали ещё, насколько богаты эти места соболями. Потому не знали, каков ясак.

— Двух соболей с семьи, с холостого — один, — сказал Зырян.

Шаман с вождём за всех дали клятву, целовали окровавленную саблю, обещали сдавать ясак.

Напоследок сели около костра, Зырян спросил:

— По каким местам кочуете?

— Во время отёла, весной, кочуем по местам, к которым привыкли важеньки, там построены изгороди. После уходим к горам, к молодой траве, летом поднимаемся наверх к гольцам, там меньше гнуса.

Никитка заговорил с рабом на языке одулов, тот насторожился.

— Спросил чего? — поинтересовался Семён. — Вишь, как навострился.

— С собой зову, ламутского толмача нет, а он их язык знает.

— Господин, — упал на колени раб перед Зыряном, — возьмите к себе. Всю тайгу знаю, все места их кочеваний.

— Возьми, Митрий, верным казаком будет, а здесь — вечным рабом.

— Как хотите, — махнул рукой Зырян.

В обратный путь Никита посадил раба рядом с собой.

— Он мой, — закричал шаман и потянул за рукав к себе, но тот грубо выдернул руку, встал с нарт, толкнул шамана так, что тот упал в снег.

Никитка одобрительно захохотал, погрозил кулаком шаману.

Настроение шамана изменилось, в глазах вспыхнули злые огоньки, схватился за нож и тут же опустил. Казаки в обиду не дадут, они такие сильные.



новым казаком вернулись? — приветствовал Яков Дмитрия с Семёном, когда вернулись с Арга-Тааса.

— В часовню сходите, окрестите новоприборного казака, — приказал Дмитрий.

— Крёстным отцом буду, — засмеялся Яков.

Священника ещё не было, а потому службу правил Семён. Дали имя новому казаку Силантий.

— Ну, Силантий Яковлевич, — смеялся Яшка, — отныне я твой батька.

В среде казаков рабства не было, сироты воспитывались как общие дети. В толмачи предпочитали брать молодых, осиротевших, они легче приживались. Великая Сибирь жила сама по себе, по своим законам.

— Яков, оленей оставим тебе, Силантий умеет ухаживать, — сказал отдохнувший Зырян. — Нам пора на охоту собираться. Места здешние разведать, узнать, богаты ли зверем.

— Смотрю, тестюшка твой ещё здесь, — сказал Семён, — может на охоту со мной пойдёт?

— Тесть, на охоту с Семенём пойдёшь?

— Не пойду, ты прокормишь.

— Рано на Яшкину шею садишься, — сказал Дежнёв.

— Ишь, понравилось нахлебником быть, — обозлился Маслов. — Яшка, гони его на охоту, мужик ещё сильный.

Дмитрий с Семёном решили идти в разные стороны. На лыжах Семён пошёл по правой стороне от Ясачной, Дмитрий по левой. Ещё в предгорьях Арга-Тааса заметил Зырян горную речушку и кедровник по ней. Сюда, в горы, никто не заглядывал, разве что одулы знают эти места.

Световой день четыре-пять часов и за это время Дмитрий успел дойти до речки. Подошёл к ней поближе, середина речки бурлила и кипела по камням. За суровую зиму так окончательно и не замёрзла. Темнело, и он решил лечь спать. Выбрал лесину покрупнее, чтоб горела дольше, решил положить на камни, их валялось много чёрных,

блестящих, не таких тяжёлых, как казалось поначалу. Разжёл костёр и улёгся в спальном мешке недалеко от него. Долго лежал, смотрел в небо, наблюдал как свет луны сменился разнообразной цветовой гаммой полос. Они разукрасили всё небо. И не было сил оторваться от них. Но вот полосы стали тускнеть, цвета бледнеть, а вскоре совсем исчезли. «Чудны дела твои, Господи, — подумал он. На Руси да и в Енисейске такого чуда нет. Вот в Ленске наблюдалось такое же, но там такого яркого свечения полос нет. С утра расставляю капканы, силки», — решил он, с этими думами уснул. Проснулся от жары, осмотрелся. «Камни горят, — ахнул он, — не может быть, чтоб камни горели». Набросал ещё немного, погодя и они загорелись. Долго смотрел, как они разгораются, всё сильнее, жарче, горят дольше, чем дерево. Отодвинулся от жаркого костра и снова незаметно заснул. Снился ему мост и будто висит он над речкой, много мужиков, согнувшись под тяжестью чёрных камней, несли их куда-то на носилках, а рядом стояли не казаки, в другой форме мужики с ружьями, держали собак на цепи. Собаки выли, рвались напасть на мужиков, которые несли камни. «Что за сон», — удивился он, когда проснулся. Костёр ещё не потух, искры от камней поднимались высоко в небо. Из тайги нёсся вой волков. «Прибегут скоро, надо подготовиться к встрече», — решил он. Ещё набросал камней, они разгорелись так жарко, что невозможно подойти близко. Волки выскочили из тайги, но близко не подходили. Дмитрию жалко патронов, а потому отстрелял их из лука несколько штук, остальные убежали. «Расскажу казакам — не поверят», — подумал он. Поел холодного мяса и пошёл по тайге ставить капканы. Вернулся только вечером, когда загорелись звёзды и осветила луна всё окрест. Костёр подернулся пеплом. Палкой разворошил его и увидел, что камни ещё ярко красные, не потухшие. Набросал дров, пошёл к речке за водой. Около речки остановился, всё кругом покрыто снегом и льдом, а эта шумит и не думает замерзнуть. «С гор течёт, быстрая и перекаты каменные, оттого и не замерзает, — понял Зырян, — дальше не пойду, снегу наберу, а то провалюсь». Так охотился целый месяц. Край соболями богатый, белок много. Питался зайчатиной, да куропатками, надоели. Видел лося, погнался за ним, но он оказался таким проворным, ушёл от него далеко, только шум от ломавшихся веток трещал. Можно было выследить, подкрасться близко и застрелить. «Незачем, — решил он, — не съем, а остаток тащить тяжело и далеко». Надоело одному шляться по тайге, тоскливо, к казакам потянуло. «Пойду по этой безымянной речке, она, наверняка, впадает в Колыму». Шёл по ней целый день и она действительно привела к Колыме. Не ошибся, здесь она широка. Вышел на неё и повернул на север по течению. Сейчас она скована толстым слоем льда и снега. Решил отдохнуть, когда луна скрылась за облаками и сразу стало темно, к метели такая погода. Поднялся на берег, в тальниковые заросли, здесь затишье. Костёр не

разводил, съел поджаренную на углях куропатку, лёг спать. В меховой одежде, да в меховом волчьем мешке никакие холода не страшны.

— Никак Митрий,— услышал знакомый голос, когда на следующий день подошёл к крепости.

— Ты как будто чуешь, Лука, что я иду, каждый раз встречаешь. Дежнёв пришёл?

— Нет ещё,— Лука на санках вёз лёд. Увидел недоуменный взгляд Зыряна, пояснил:

— Лёд везу, надоела снежная вода, да и грязи в ней много.

— Сделали бы прорубь.

— Лёд метра полтора толщиной, а может больше, да и сразу замерзает.

Колымская крепость разрасталась, кроме часовни и нескольких изб в самой крепости, за тыном, тордохи, чумы.

— Живут что ли здесь? — спросил Зырян.

— К купцам приезжают за железными топорами, ножами, котлами. Но здесь этого товара уже нет. Продали. Разве что по осени купцы привезут.

В приказной избе спал старый приказчик Власьев, услышал скрип дверей, поднял голову.

— Я думал ты уже в Ленске. Что задержался?

— Охотился, господин приказчик.

— Не велика честь приказчиком быть,— буркнул Дмитрий.

— Я думал, радуешься.

— На Погычу сходить хочу.

— Успеешь ещё сходить, какие твои годы,— успокоил Власьев.

В избу влетел Федот:

— Семён с Яшкой прибыли, уж сколько радости Луке. Айдайте, винца выпьем за ради встречи.

В избе Луки теснота, но хозяин сияет всеми своими морщинами. Когда он улыбается, морщины под его глазами весело разбегаются, глаза искрились. Виски его поседели, даже борода засеребрилась, но взгляд по-прежнему прямой и гордый. Яшка с Лукой сидели на лавке тесно прижавшись друг к другу об чём-то шептались, увидев Зыряна, разом замолчали, встали навстречу гостю.

— По здорову ли живёте?

— По здорову,— трясли руки гостю Лука и Яшка.

— Тесно у вас стало,— сказал гость.

— В тесноте, не в обиде и для тебя места хватит.

— Да я в приказной избе.

— Забыл,— рассмеялся Лука, ты теперь приказчик по всей Колыме.

— Ненадолго, челобитную отправил воеводе, чтоб перемену слал и снова на новые места уйду, север большой, дорог много. А вы как?

— Отходил я и Яшку не пушу. Семейные мы и детные.

Люка большое деревянное блюдо с мясом поставила на стол, вышла из избы, чтобы не мешать казакам.

— Рассказывай, где побывал, что повидал? — попросил Федот.

— Камни нашёл чёрные, блестят на солнце, кинул в костёр, загорелись жарче дров.

— Чтоб камни горели? — присвистнул Семён. — Поблазнилось?

— Не поблазнилось, сам зрел. Не верите? Ничего, пойду по осени в те места на охоту, принесу.

— Соболями богаты ли те места? — спросил Федот.

— Тебе лишь бы соболя. Богатые земли соболями, белками, горностаями. Речка течёт горная, местами даже в стужу не замерзает.

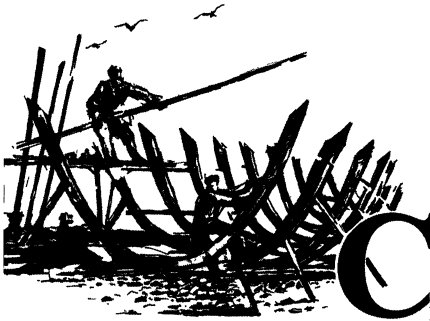
Вернулся Дмитрий поздним вечером, отставной приказчик спал. Улёгся на лавку, думы не давали заснуть, снова захотелось в неизвестные края. Да и надоело здесь, одно и тоже — уговаривать, чтоб жили мирно, без драк и обид. Ведут полудикую жизнь, не имеют белья, меняют только тогда, когда выносятся и сопреет мех. Живут в тесных жилищах из шкур. В семьях детей мало, хотя рожают часто, многие умирают, не дожив до года. Ясак не велик, один-два соболя с семьи. Государева казна больше пополняется от добычи охотников, казаков и купцов. Это сколько же казакам нужно проявить терпения, сколько поколений сменится, прежде чем вытащат их из дикости.

Через год, когда река очистится ото льда, соберётся ватага таких же любителей-первопроходцев, первооткрывателей новых земель, спустятся вниз по Колыме, повернут на восток и поплывут в неведомые края, — с такими думами он уснул.

Пришло тепло на землю, а с ними и половодье. Дмитрий стоял около тына крепости, всё вокруг залито водой. Три коча, что стояли в речушке, впадающей в Колыму, заполнены казаками, отталкивающими баграми льдины, близко проплывающие около судов. Зырян смотрел на величественную картину ледохода. Громады льдин с грохотом плывут по неоглядной широте вольно разлившейся реки. «Где-то внизу затор, — думает приказчик, — вон как вода поднялась, кусок суши остался, на котором разместился острог, ещё метр и его затопит». В ледоход, как правило, наступает похолодание и к вечеру пошёл снег крупными хлопьями и закрыл белым маревом всё окрест. Наконец вода подняла льдины и прорвала затор, еле уцелела крепость. Уровень воды стал резко снижаться, солнце обогрело землю, съело снег. Большими стаями летели пернатые. Загремели выстрелы охотников, купцов, казаков — все запасались дичиной. Полярный день наступил ещё в начале мая и охота длится круглосуточно в течение десятка дней, потому что скоро наступит время, когда самки спрячутся от людских глаз высиживать потомство. Вместе с ледоходом прошла весна, настало лето: короткое, буйное, скоротечное.

— Ты, Ярилко, никак в Нижнеколымск наострился,— спросил Лука.

— Вода ещё немного схлынет и поплывём с отрядом Пермяка, с купцами, охотниками к устью. Написал в Ленск челобитную, чтоб назвали острог наш Ярмонкой. А то по одной реке, да названия почти одинаковые, Нижнеколымск, Колымск, Верхнеколымск, запутаться можно.



Силантий всю зиму прожил среди казаков. Обещают принять в своё братство, да молод, говорят. А пока Лука велел учиться метко стрелять. Силантий сел на пол, разложил вокруг себя своё вооружение: пальма с острыми шипами, копье с костяным наконечником, такие же стрелы. Решил посчитать, сколько стрел. Разулся, считал по количеству пальцев на руках и ногах, не хватило, пытался складывать их по несколько пальцев рук и ног, в конечном итоге запутался, плюнул, уложил в тулу для стрел, забросил за спину и пошёл стрелять куропаток, Ефросинья их любит.

Поначалу Луке не понравилось, что ещё сироту привели.

— Пестуй его, Лука, — сказал Дежнёв.

— Разве не ведомо тебе, что его кормить, одевать надо, где мне одному управиться.

— Казаки на месте не живут, а этот помощником тебе будет, да и земляк Ефросиньи.

— У кого взяли?

— У ламутов, оголодал у них, обглоданными костями кормили.

— Как бы худа не было, злопамятны они, — предупредил Лука.

Силантий вышел за тын, спустился к берегу, там, около притока Колымы, казаки строили судно.

— Эй, Силантий, подь сюды, — крикнул Лука. — Помогай, учись, тебе пригодится.

Семён Дежнёв решил разведать реку Погычу, для этого они с Лукой строили большой коч для морского плавания, двухмачтовый, рассчитанный на тридцать человек экипажа. Коч для морского плавания был крупным судном: двенадцать метров в длину, пять метров в ширину, водоизмещением сорок тонн. Коч имел особую выпуклую форму корпуса и малую осадку, что позволяло идти в прибрежной полосе, очистившейся ото льда. А если он всё же попадёт во льды, его вытолкнет на поверхность и может, не погибая, дрейфовать со льдами. Паруса решено было сделать из оленьих шкур.

— Нынче не управимся построить коч, — говорил Лука Семёну.

— Когда поспеем-то, — спросил Семён.

— Жди друг весну, Лузенина надо в помощь просить и не его одного.

— Лука, смотри, кто-то на лодке спускается. Никак казак? Точно казак, — говорил Семён.

— Да это с Верхней крепости Маслов.

Семён встретил казака, подтянул лодку ближе к берегу, закрепил к колышку:

— Как добрался? Не страшно одному?

— Кого бояться? Дорога одна — река, кто увидит, казак плывёт, прячется в тайге. Знаешь, что о нас говорят? Косматолицы, одежда железная, усы как у моржей, глаза круглые и тоже железные, — говорил Маслов.

— Да слышали мы, вот только бояться нас им бы не надобно, по-доброму надо, — ответил Лука.

— Пообвыкнут, перестанут бояться, — рассмеялся Семён.

— Гостя угощать думаете или нет? С дороги, устал.

Лето жаркое, искупаться бы, да вода холодная, искать нужно тихую заводь или небольшое озерцо, где вода стоячая, там она прогревается. Да ещё гнус проклятый покоя не даёт. Одежда из ровдуги спасает тело от укусов, а как быть с лицом? Пробовали сделать маску из ровдуги, оставляли только для глаз отверстия, плохо помогало. Разводили дымокуры, отдыхали около них, потом снова за работу.

— Обедать пора, — позвал Лука.

Поднялись к избам, ворота в крепость открыты, караульных нет.

— Дозору не выставляете? — удивился Маслов Алексей.

— Не для чего, летом спокойно, да и зимой теперь тихо, — ответил Семён, — миром жить лучше.

Дверь в избу обита шкурой оленя. Ефросинья варит обед около избы на костре. Увидела казаков, заулыбалась, взяла котёл, пригласила к обеду. В избе немудрёная обстановка: грубо сколоченный стол, широкие лавки около стен закрыты пологом, за ними спят семейные, Лука с Ефросиньей, да Яшка с Люкой.

— Яшка где? — спросил Алексей.

— На заимке, рыбачит, тут недалеко от крепости. На зиму рыбу коптят, юколу готовят, рыбий жир топят. А вы в Верхней крепости не заготавливаете?

— Перед ледоставом наловим на всю зиму.

Казаки привыкли к мороженому мясу, особенно к мороженной рыбе, так называемой строганине и находили её вкусной, особенно из чира и когда в нём есть икра. Летом мясо варёное, либо уха. Ефросинья поставила на стол полный котёл ухи из нельмы, и все ели кто сколько хотел.

— Хлебушка бы, с весны не ели, — сказал Алексей.

— Мы тоже наскучали, в конце лета купцов ждём, привезут муки, крупы.

— Я думал у вас разжиться, хотя бы соли дадите?

— Этим поделимся, — ответил Лука.

В середине лета ещё прибыли гости, неожиданные-негаданные. Шёл дождь, такая погода хороша для работы, гнуса нет.

— Семён, смотри, по реке никак опять лодка плывёт, — сказал Лука.

— Где? Не вижу. А говоришь стар стал, издалека заметил, — засмеялся Семён. — Наши едут, боле некому.

Но по мере приближения все различили не лодку, а долблёнку. Плыли вдвоём, один грёб, второй сидел, смотрел на казаков.

— Не наши, не казаки, Семён, спроси, кто такие.

Семён вскоре вернулся, за ним двое молодых мужчин.

— Это якуты из Ленской волости — хосууны, ходят по Колыме, ищут благодатные места.

Кто-то пропадал в дебрях таёжных, кто-то возвращался и вёл других по своим следам. Их не беспокоила пропажа таких же удальцов, они продолжали ходить по незнакомым землям, ибо человеческое любопытство не знает границ.

Семён Дежнёв неплохо говорил по-якутски. Долг гостеприимства поначалу — дать путникам отдохнуть, накормить, потом расспрашивать. Все направились в избу, да и дождь так припустил, загремел гром.

— Давайте в избу, — пригласил Лука, — горячей ухой побалуемся.

— Как на Колыму попали? — спросил Семён, когда гости насытились.

— На Алазее наши живут, они-то и подсказали как попасть, — ответил что постарше. Они походили друг на друга как две капли воды, только один помоложе, другой постарше.

— Братья что ли? — спросил Семён

— Братья — Бокой и Торома — ищем богатые угодья, потом свой род приведём.

— Летом трудно искать, весной по снегу ещё надо, — учил Лука.

— Как под снегом увидишь рыбные ли озёра, растёт ли трава, мы — скотоводы.

— Ну что ж, мест здесь благодатных много, ищите и заселяйтесь, — ответил Лука. — Вверх по Колыме поднимитесь, присмотритесь.

— Пока поблизости около казаков поселимся, так спокойнее, на будущий год придём, — на прощание сказали якуты.

Всё лето трудился Лука с Семёном, Лузениным и Силантием на строительстве коча и не заметили, как оно проходило. В конце августа пожухла и завяла трава. Днём ещё припекало, а по утрам начались заморозки, тонкий ледок с хрустом лопался под сапогами, когда они шли на работу. Строительство коча подходило к концу. Благодатное наступило время, вместе с заморозками исчезли комары и мошкара.

— Скоро с устья придут казаки и купцы зимовать сюда, — говорил Семён, — хлебушка привезут.

— Зима здесь длинная, запас нужен огромный — мяса, рыбы.

Пернатые учили своё потомство летать, собирались в стаи на реке, горланили целыми днями. Их было так много, что казакам далеко на охоту ходить не надо, ружейные припасы тратить не нужно. Брали луки со стрелами и, отягощённые тяжёлой ношей, забивали ледник дичиной.



Дмитрий стоял на берегу устья реки Колымы, смотрел на разгорающуюся зарю. Солнце, сделав небольшой разворот вокруг северного полушария, вновь залило землю ярким светом, сообщая всем, что наступило новое утро, новый день.

Эта зима прошла вся в хлопотах, приходилось бродить по тайге, встречаться с племенами. Дмитрий покровительствовал одним, помогал другим, защищал третьих. Старался уладить их дела миром, не проливать кровь, не употреблять насилия и обмана, водворял мир на этой земле и чтобы не помышляли о разбоях меж собою. Он порядком познал эту богатую зверем и рыбою землю, племена, населяющие её и ему нестерпимо захотелось посмотреть, что же там за горизонтом. Жаль, что его назначили приказчиком, надо ждать перемену.

Его думы прервал подошедший Иван:

- Митрий, неужто правда, что дядя Лука Ефросинью огулял?
- С другим, вроде, не замечена.
- Как жить будет с такой молодой.
- Видно на это дело не состарился, — усмехнулся Зырян.
- Силён дьявол, — закрутил головой казак, — правду сказывают, седина в голову, бес в ребро. Пойдём есть, Айта оленины наварила.

В маленькой избушке, где жил Иван с Айтой теперь поселился кроме охотников ещё и Зырян.

- Теснота у вас. Я к тому, что вам строиться надо. Это дом казаков.
- Лес заготовили в начале осени, когда промысловым не время охотиться, помогут избу поставить, — ответил Иван.

— Хочу попробовать ярмарку здесь устроить, ты съезди к тестю, пусть сам придёт и других уговорит.

— Получится ли?

— Не знаю, но попытка не пытка, я других позову. Скоро купцы приплывут, железо привезут.

— Племена ещё остерегаются появляться в крепости, боятся обмана, — говорил Иван, — да и чукчей тоже, вдруг опять нагрянут.

— Не нагрянут, казаков боятся.

Казачи меж тем строили церкви, дома. Уверенно устраивались на новых землях, не на годы, на века. Упрочив себя в одном месте, шли далее, оставив во вновь отстроенном острожке часть казаков.

Иван с Айтой на бурах верхом выехали в тундру на запад от Колымы, Дмитрий — на восточную сторону.

Вскоре стали прибывать купцы, первыми прибыли Гусельниковы, они зимовали на Индигирке, потом промысловики во главе с Исаем Игнатьевым, казанские купцы.

Но прежде, чем открыть торговлю, вождь племени должен был побывать у Зыряна. Он сидел в приказной избе, ждал гостей, первым явился Омок с шаманом. Дмитрий позвал к столу, хотел налить ухи, как двери открылись, вошли ещё два родоначальника, угостил всех ухой, потолковали о том, о сём:

— Здесь тундра, лесу нет, соболей нет, ясак заплатите ровдугой и костью.

Размен товаров производился не в самом остроге, а под открытым небом. На реке, около русских купцов, появился Дмитрий:

— Ясак они заплатили, — сказал он, — теперь обменивайте товары, господа купцы.

В ход идут красные лисицы, рыси, песцы белые и голубые, олени и нерпичьи шкуры, моржовые клыки, мамонтовая кость. Купцы на мену предлагают котлы, ножи, пешни, топоры, ножницы, напёрстки, иглы, огниво, луки и стрелы с железными наконечниками. Как выложили весь этот товар, у родоначальников глаза загорелись: что обменять и за сколько. Дмитрий отошёл от них, дабы не смущать купцов, знал, цену они будут предлагать высокую. «Да и стоит того, — думал приказчик, — доставляли морем, притом не каждый год». Ледовая обстановка не позволяла проникать на Колыму каждый год, приходилось иногда зимовать на Яне, Индигирке, Алазее и только на следующий год добираться до Колымы — это в лучшем случае, в худшем — погибали.

Быстро по Колыме разнеслась весть о товарах, которые предлагают купцы, отбоя не стало от желающих обменять меха на железные изделия, даже сверху юкагиры и ламуты посетили ярмарку, а приказчику удобно собирать ясак.

Промысловики, во главе с Исаем Игнатьевым, воспользовались благоприятной ледовой обстановкой, в августе побывали на острове, который сами же и открыли. Привёз рыбий зуб, как они по первости думали, на деле это были клыки вымерших мамонтов. Выгрузили кости на берег, сами ещё раз сходили на остров.

— Исай, как же вы доставите в Ленск эти кости? — спросил Зырян. — Груз большой и тяжёлый, да и зима скоро.

— Часть увезём на нартах в Колымск, часть здесь оставим, на следующий год по морю увезём.

В первых числах сентября начали стынуть и подмерзать озёра, река. В конце месяца покрылась земля сплошным, уже не исчезающим до весны, покровом снега. В начале октября Колыма встала. Зима воцарилась во всей своей красе. Купцы железные изделия распродали, а что осталось вместе с приказчиком и остатками груза на оленьих упряжках вывозили в Колымск. Кочи на зимовку поставили в протоке, наказали Ивану, чтобы весной, во время ледохода сохранил их. Иван заломил такую цену, даже купцы удивились.

— Дайте мне мешок муки, мешок крупы и полотна.

— Давай в полмешка, — уговаривал Гусельников.

— Не дадите, сторожить не буду, пропадут, дороже строить, — отрезал Иван. — Я вам не иноземец, меня не обмануть.

— Ты знаешь, сколько трудов стоит доставить сюда товар? Из Енисейска до Лены, с Лены сюда. Чуть не погибли в дороге.

— Жить здесь тоже не мёд, — не сдался Иван, — без хлеба цинга одолеет.

В Колымске купцов и охотников ждала ошеломляющая новость — в трёх днях пути по морю, на восток есть река Погыча богатая соболями, костью и серебром.

— Перезимуем здесь, летом разведем ту реку, — решили купцы и многие охотники, только казанские купцы отказались:

— Сильные холода отойдут, с казаками в Ленск вернёмся.

В обратный путь купцы, да многие охотники, старались добираться через Верхоянский перевал. Этот путь стал наезженным, отмечен просекой казаками-первопроходцами и наиболее безопасный.

Время шло, наступила зима, а следом лютая стужа. Затихла жизнь в остроге, затихла и в природе. Люди и зверьё все попрятались: в тёплые избы — люди, в норы — звери. Наступили самые короткие дни. Но самые короткие, не самые лютые, бывает, что мороз отпускает на несколько дней, а потом опять лютует до появления солнца. В середине января появляется оно малым краешком на горизонте и с каждым днём всё выше и выше. Жизнь постепенно возрождается. Человек всё чаще выходит из избы, звери чаще покидают норы. В конце января световой день доходит до трёх-четырёх часов, ночи светлые и всё мужское население уходит в тайгу охотиться.

Зырян с Дежнёвым в приказной избе только ночевали, целыми днями у Луки, только Яков с Люкой поставили маленькую избёнку, жили отдельно. Лука мастерил деревянные бочки, вёдра. Дмитрий и Семён помогали, так и коротали всю зиму, а когда настал охотничий сезон засобирались в путь:

— Пойду на старое место, — сказал Зырян, — зайду в Верхнеколымскую крепость, съезжу к ламутам в Аргаа-Таас, месяц поохочусь и возвращусь.

— И я на старое место схожу, если Лука отпустит, — добавил Дежнёв.

— Чего не отпустить, иди. Коч изладили, за ним присмотрю.
— Семён с Федотом, на Погочу когда думаете?
— Этим летом спробуем пробиться, если льды пустят. Нас много собирается. Кроме Федота Попова, купцы Гусельниковы, промысловые, казаки.

— А я здесь остаюсь, казачонка своего не брошу, сам выращу,— сказал Лука.— И здесь жить можно. А ты как, Яков?

Вышли утром раненько, ещё звёзды горели синим цветом, луна освещала путь-дорогу. На Колыме снег лежал твёрдым слоем, легко бежалось на лыжах. Им, молодым, здоровым казакам, было только в радость, охотничий азарт влёл их всё дальше и дальше. На этот раз в крепости жили трое: казак Митрофан Корякин да Никитка с Алексеем. Когда Семён с Дмитрием подошли к избе, дверь была подпёрта колышком, знак того, что хозяев нет, но они скоро вернуться. Друзья открыли двери, около камелька приготовлены стружки для растопки и дрова, в котелке куски мяса. Когда вернулись Митрофан с Никиткой и Алексеем, в избе тепло, весело трещат дрова в камельке, булькает вода в котле.

— Мы идём, видим дым из трубы, неужто казаки пришли,— думаем мы.— Вот радость так радость,— поочерёдно приветствуя гостей, говорил Митрофан.

— Раздевайтесь, промёрзли и похлёбка готова,— говорил Зырян.

— Мы в стужу не сидели без дела, видишь одёжа какая? Сапоги волчьи, тулупчики из него же, не замёрзнем,— смеялся Никитка.

— Ненадолго мы, денёк-другой отдохнём и поедем в Арга-Таас ламутов искать, ясак сей год не плачивали. Ну, хозяева, давайте за стол. Охота видели добрая, все стены шкарами обвешаны.

— Охота знатная,— ответил Митрофан,— особенно много волков и белок, соболишек иногда ловим.

— Дозору нет? — спросил Дмитрий.

— От кого хорониться? — рассмеялся казак.— Местные рода за всяко просто ездят к нам.

— Гостинцев привезли вам: соли, муки, крупы,— выкладывал мешок Семён.

Долго искали в долинах Аргаа-Тааса ламутов, но так и не нашли. Ламуты жили ни на кого не надеясь, уединённо в дремучих местах. Поживут год-два в одном месте, потом выбирают другое. Старые места стойбищ, их пути-дороги понемногу зарастают травой и кустарником. А сейчас всё покрыто толстым слоем снега, нетронутого следами человека и животного. Пришлось ни с чем вернуться обратно в крепость.

Дмитрий быстро добрался до излюбленного места. От крепости по Ясачной четыре версты, повернул налево, через пятнадцать-семнадцать вёрст повернул по безымянной речке, поднялся по ней вверх

и остановился там, где всегда останавливался. Набил обухом топора блестящих чёрных камней, развёл жаркий костёр, около того же шумного места, где река пела на перекатах свою бесконечную песню. С одной стороны, за речкой, тянулись невысокие холмы, с другой — густой кедровник, шишки, правда, мелковатые, но белки любят и такие.

С утра пошёл в тайгу, на соболиных тропах ставил капканы. Каждый вечер он возвращался сюда и даже подумывал поставить зимовье, потом махнул рукой: «Крепость недалеко, день пути на лыжах, — думал он, — поохотился вволю, пора идти в крепость». Ранним утром набрал мешок камней, чтобы доказать казакам, что они горят. Ночи светлые, дойду, когда казаки будут ещё в избе. В устье неназванной реки остановился отдохнуть.

Долго ждал Семён Дежнёв своего друга и охотничий сезон закончился, а его всё нет. Не мог он уйти в Колымск, не заходя в крепость, так договорились. Ждать уже было невозможно, пошёл искать. Нашёл ту речку, с шумными перекатами, то место, где ночевал, но его нигде не было. Может в речке утоп? Подошёл поближе к перекатам, никаких следов. Решил идти вниз по реке и неожиданно увидел следы от лыж. «По реке шёл, — догадался Семён, — пойду по его следам». В устье в кустах внимание привлёк небольшой мешок, точно такой был у Дмитрия, развязал его, в нём были блестящие, чёрные камни. Искал ещё мешок с мехами, но его нигде не было. Обошёл все окрестности, никаких следов, только ближе к самому устью, на низком берегу, нашёл следы костра. Вокруг натоптано множество следов, весенние метели не всё замели, осторожно стал разгребать снег и нашёл его рукавицу. «Убили, тело спрятали неизвестно где, не найду», — думал Семён. Ещё несколько дней искал, ходил по тем местам, где он останавливался, где бывал. Потом вновь спустился к устью и пошёл в Колымск с грустной вестью. С той поры, в память о том месте, где погиб в тысяча шестьсот сорок шестом году Дмитрий Михайлович, река получила название Зырянка.

Тяжелее всех смерть Дмитрия переживал Лука. На его глазах мужал, зрел его Ярилко. Он, можно сказать, взрастил его, учил уму-разуму, ратному делу, мастерству. В жестоких схватках шли бок о бок, потом друг другу раны перевязывали. Как он мог так крепко заснуть. Только сонного могли убить, иначе он бы им не дался. Устал, потерял бдительность, верил, что тихо, опасаться некого. И клонится на грудь голова старого казака, скупая слеза скатывается и застревает в бороде. Если бы в бою, можно было похоронить. Звал ведь с собой, да из-за жёнки не пошёл, второго ждали. И всю свою боль, всю злость обратил на неё.

— Лука, — зовёт она, — уха стынет.

— Отстань, окаянная.

И так всегда. Семён не раз говаривал старику:

— Чем она-то виновата, замордовал совсем бабу.

За короткое время ссутулилась спина, поседела не только голова, но усы и борода. Так длилось до тех пор, пока Семён не сказал ему:

— Как только лёд пройдёт, искать пойдём, может, косточки найдём, может в снег закопан был.

— Я с вами, — откликнулся Яков, — а бабу пожалей, извелась.

Немного отлегло на душе у Луки, выпить бы, да разве такую боль вином заглушишь.

— Сын родится, Митрием назову, — сказал он.

Ночью молча гладил по голове Ефросинью, прижимал к себе, вздыхал:

— Ладно, спи.

Лука каждый день выходил на берег, словно ждал чуда, всё ещё ждал Дмитрия. Лучи солнца с каждым днём всё жарче, наконец зажурчали ручьи, соединяясь друг с другом в глубокие речки. Вода в Колыме с каждым днём прибывает, она уходит под лёд и он становится хрупким и рыхлым под действием воды и солнца. Наконец, лёд затрещал, течение набрало силу и начало тащить лёд.

— Пора собираться в дорогу, — сказал Лука Семёну. — На лодке поплывём.

Втроём: Лука, Семён и Яков поднялись вверх, нашли реку Зырянку, поднялись по ней до перекатов, вышли на берег. Вновь обошли все окрестности, но так ничего не нашли. В дальнейшем Лука спрашивал у вождей племён, но никто ничего не сказал, то ли боялись сказать, а может быть действительно не знали.



Удивительна северная природа: зима длинная, снег сходит только в мае. За пять месяцев проходит три периода года: весна, лето и осень. За такое короткое время в природе происходят стремительно быстрые перемены. В конце мая на глазах распускается зелень. Земля быстро покрывается травой и из грязно-чёрной становится зелёной. Аромат молодой зелени кружит голову. В небе шум — это перелётные птицы летят большими стаями и кричат на все голоса. К концу августа всё желтеет, осыпается, земля стынет и вновь покорно ждёт, когда закроет плотным одеялом снег.

Семён Дежнёв подошёл к Колыме набрать воды. Вёдра тяжёлые, деревянные. Лука делает их из берёзы. Есть и коромысло, да не пристало мужику на коромысле воду носить. Ударил ведром по подмёрзшей воде, осколки тонкого ещё ледка разлетелись в разные стороны. Семён набрал воды, разогнулся, посмотрел вниз по реке и показалось ему, что далеко на горизонте летит стая лебедей. «Запоздали нынче, — подумал он, — поздняя зима будет, постоят ещё тёплые деньки». Каждый день разнопёрые птичьи стаи отлетают в тёплые края, и он любил провожать их взглядом. На этот раз что-то не похоже на стаю, сколько прошло времени, а она как будто стоит на месте. Казак поставил вёдра на землю, стал внимательнее вглядываться вдаль. По мере приближения понял, что не стая лебедей, а белые паруса судна. Кто бы это мог быть? Два дня прошло, как вернулись с устья, там ни одного коча не осталось, все решили зимовать в Колымске. Два года подряд под началом целовальника Дежнёва да Федота Попова охотники, купцы, да промысловые пытались отплыть из устья дальше на восток, искать реку Погычу. Но ледовая обстановка не давала плыть, прибрежная полоса забита льдами. Ждали до сентября и решили вернуться, нельзя плыть в это время, можно в пути вмёрзнуть и им пришлось бы зимовать во льдах. Вскоре увидел морской коч с двух парусах. На корме разглядел казака и что-то знакомое показалось в его облике. Метров за сто увидел рыжую шевелюру, усы и бороду. Да это же Герасим Анкудинов! Откуда он мог взяться? Там же льды. Присмотрелся ещё внимательней. Нет, не ошибся, точно Герасим, казаков с ним человек

тридцать не меньше. «Ну, может на восток лежали льды, а с запада берег свободный был», — решил он.

Семён взял вёдра с водой и быстро поднялся по высокому берегу к острогу, навстречу Яков:

— Яшка, запирай ворота, ватага, вон смотри, плывёт, я к приказчику.

В приказной избе с порога закричал:

— Герасим Анкудинов со своей воровской ватагой пожаловал, сзывай казаков.

— Да, может, он с миром.

— Не миром, забыл Индигирское замовье, своих ограбил и нас ограбит. У него казаков больше, чем у нас.

— Фома, сзывай казаков, — приказал он Пермяку, который только что зашёл в приказную, видимо тоже с этой новостью.

Казаки заняли позиции около тына раньше, чем анкудиновский коч пристал к берегу маленькой речушки, что впадает в Колыму, и остановились. До крепости рукой подать, с высокого берега, как на ладони, всё видно.

Анкудинов во всеоружии, с половиной отряда, пошёл к крепости, увидел казаков, стоящих возле тына, радостно закричал:

— Здорово, братцы-казаки!

Но казаки почему-то промолчали. А за ворота вышел новый приказчик, Втор Гаврилов, заговорил:

— Стойте, дальше вам хода нет.

Казаки остановились, с удивлением столпились около своего атамана.

— Как хода нет?

— Зачем прибыл, Герасим? Грабить?

Сила у Анкудинова великая, одни головорезы.

— От воеводы прощение получили, более не грабим. Указ имею идти далее на новые земли.

— Целовальник у нас есть, Семён Дежнёв, — ответил приказчик, — а тебе веры нет, своих грабил, в крепость не пустим.

— Вы что, братцы, не верите? Вот бумага. Читайте.

— Вон за протокой места много, там располагайтесь, с утра приходи в приказную избу, потолкуем.

— Как? В крепость не пропустите? — переспросил Герасим. — И бумагу читать не будете?

— Нельзя, дурная слава об тебе по всему краю. Мы не знаем, что у тебя на уме.

С утра в приказной сидели Втор, Федот Попов, Дежнёв, Гусельниковы.

— Нельзя с ним идти, грабил меня, — заговорил Гусельников, хотел ещё что-то добавить, но дверь открылась и вошёл Герасим, надменный, сверкая злыми глазами.

— Отобрали оружие, иначе не пропускали.

Приказчик никак не отозвался на такое заявление атамана.

— Давай сразу об деле.

— Хочу возглавить экспедицию, так похотел ленский воевода, совершить государеву службу своими средствами: судном, оружием, порохом и одеждою. В знак расплаты сдал в казну двести восемьдесят соболей.

Так у Семёна Дежнёва появился соперник и соперник сильный.

— Так много нагребил,— закричал взбешённый Семён Иванович,— в таком разе я сдам двести девяносто соболей.

— Тихо, сцепились два кобеля, не вам решать, я здесь власть,— пригрозил приказчик.

— Он прибрал к себе воровских людей, в дороге «захотят они торговых и промысловых людей побивать, которые со много идут на ту новую реку и животы их грабить, иноземцев хотят побивать же» — обвинял Анкудинова Дежнёв.

— Промысловый и торговый люд, что со мной идут в экспедицию,— заговорил Федот Попов,— с Герасимом не пойдём, своих же побьёт. Просим Семёна Иваныча в охрану, ибо знаем его как надёжного, опытного в походах и ратном деле казака.

Попов, дабы возместить потери, принимал всяческие меры, чтобы разбогатеть. Он побывал с Зыряном на Яне, Индигирке, Алазее, Колыме. Теперь, узнав о далёкой реке Погыче, куда ещё никто не проникал, замыслил попасть на неё.

Анкудинов вскочил, схватился за пояс, но вспомнил, что оружие отобрали, сел.

— Вот, то-то же,— сказал Гаврилов.— Решение такое: иди в поход сам, куда захочешь.

— На зиму глядя, куда пойдёшь? — присмирел Герасим.— Зимовать здесь будем.

— Строй избы за рекой.

Анкудинов встал, направился к дверям, около порога обернулся, сердито бросил:

— Попомните Герасима Анкудинова,— и со злостью хлопнул дверью.

— Семён Иваныч, целовальником возглавишь экспедицию. Восемнадцать казаков в охрану даю, больше нет, сам видишь. На новых местах назначаю приказчиком. Будешь приводить иноземцев под государеву высокую руку и собирать ясак.

— Промысловым как? — спросил Федот.

— Десятую часть добычи сдашь Дежнёву, а дальше распорядитесь собой сами.

У ворот вернули Анкудинову нож и саблю. По злому выражению лица дозорные поняли, что ему в приёме отказали. Ватага его расположилась за речкой, прямо на берегу ели уху.

— Ох, и жирна, и вкусна колымская рыбка, садись с нами, — Колька протянул миску.

Но Герасим ударил по дну, содержимое миски выплеснулось прямо Кольке в лицо.

— Что не так? — обозлился Колька. — Надоело с тобой, уйду к Дежнёву.

— Уходи, не держу.

Обиженный Колька пошёл на судно собирать барахлишко, сам слушал атамана.

— Люди, мол, вы воровские, веры нет, в крепость не пустим. Избы стройте за протокой, зимуйте, а дальше как хотите.

— Самого воеводу не слушают, — возмутились казаки, — ночью нападём на них. Нас больше, их меньше. А кто ослушается, побьём, крепость займём. Наша власть будет.

Что ответил атаман, Колька не слышал, тихо отошёл от судна. Берег весь густо зарос тальником, его не заметили, пробрался к крепости. У ворот попросил караульных:

— Пустите к приказчику, дело неотложное.

— Фома, проводи его, — приказал Семён.

— Грозятся крепость занять, — сказал он Втору, — ослушников побить.

— Прав Семён Иваныч, нет ему веры. А ты чего перебежал?

Колька запыхтел, не хотел говорить, что за верную службу атаман мало того, что облил ухой, ещё и выгнал.

— Нет мне туда хода.

— Ладно, оставайся, может, сгодишься.

Казакам сказал:

— Сторожите неотлучно, около тына спите поочередно. А ты, Семён Иваныч, охотников и купцов попроси помочь.

Всю ночь казаки стояли на карауле. Середина сентября, полярный день закончился, но ночи были ещё короткими. Чуть забрезжил рассвет, Семён увидел, как ватага тихо крадётся к крепости, когда приблизились на ружейный выстрел, Семён выстрелил и пуля ударилась около ног Анкудинова.

— Не ходи, прикончу.

— Колька, паскуда, предупредил.

Колька встал над тыном, глядя на атамана, ответил:

— Сам паскуда, всё богатство себе прибрал, нам ничего не дал. Надоело прислуживать разбойнику, — хотел ещё что-то крикнуть, но прозвучал выстрел. Колька зашатался, застонал, упал на руки казакам.

— Это тебе за предательство.

На звук выстрелов сбегались все обитатели крепости, предупреждённые Дежнёвым. Не сговариваясь, казаки, купцы, охотники выбежали из крепости, бросились на анкудиновцев. Дрались остервенело,

зло, кровь лилась с обеих сторон, трещали кости, падали, вставали и снова в драку.

— Воры, разбойники, — кричали защитники крепости, — обидчики, лихоимцы.

— Нас сам воевода простил, — отвечали анкудиновцы.

— Мы вас не простили, отдайте, что награбили, — кричали купцы.

— Мы с воеводой расплатились, с его справляйте.

Неизвестно, чем бы закончилась драка, если бы не Лука. Тот вышел с иконой Божьей Матери, с крестом в руке:

— Православные, что делаете, русские с русскими бьётесь. Опомнитесь, — встал между дерущимися.

— Герасим, ведем своих ватажников на коч.

Герасим громким свистом созвал своих, повёл к речке на коч, на прощание погрозил кулаком:

— Встретимся ишшо, охальники.

— Побойтесь Бога, — ответил Лука, — живите за протокой миром.

Установившийся на Колыме мир был таким хрупким, что Анкудинов мог легко нарушить его.

— Чего с ними будет? Грабежами займутся и опять война, — пожаловался приказчик Луке.

— Долгой ссоре не бывать, — ответил Лука, — словом Божьим, молитвой, призову к смирению.

Ничего не оставалось атаману, как срочно рубить избы. Осень твёрдо вступила в свои права, холодные ночи, утренние заморозки торопили. Две просторные избы без крыш вскоре возвышались за речкой. В тальниковых зарослях по берегу небольшая речонка, что течёт в Колыму, разделила острог на две половины. Та половина, что за острогом так и называли Анкудиновская, а речка, что впадает в Колыму, с тех пор получила название Анкудинка.

Пока строили избы, настал сезон охоты, и с середины октября все разбрелись по тайге. После листопада, ставшая просторной тайга, полна пушным зверем. В природе всё дышало покоем и зимней усталостью. А как настала полярная ночь и морозные дни, все вышли из тайги.

Лука не забывал своё обещание наладить мир между казаками. Стал наведываться к атаману, звал в часовню:

— Герасим, скоро Рождество Христово, приходите помолиться, свечки поставить, за здоровье, за упокой.

— Не пустят нас, — отвечал Герасим, — не послушают тебя.

— Без оружия идите, пропустят.

Маленькая часовня еле вмещала желающих помолиться. В такой толчее не до ссор, да и грех. Мало-помалу стали похаживать друг к другу в гости. О драке не вспоминали, мало ли чего не бывает между своими. А тут ещё стали наезжать иноземцы, ставили недалеко

от крепости свои тордохи, живали по месяцу, а то и больше. Их бабы повадились в крепость, имели любовные связи с казаками, купцами, охотниками. С конца января снова разошлись по охотничьим угодьям.

Наконец надоевшая зима со своей стужей, снежными вьюгами и однообразными унылыми днями без солнца, уступила место весне. Поначалу казалось, что никакая сила не сможет сдвинуть с места эти бескрайние поля. Но тёплые лучи солнца растопили снег, вода подняла огромные льдины и попёрла их вниз.

Настали жаркие дни для участников экспедиции. Одни коптели мясо впрок, другие рыбачили, охотились на пернатых. Путь дальний, неведомый — запасы должны быть большие.

Желающих отправиться на несведанные земли, на неведомую Погычу, было много. Через Верхоянский хребет по весне прибыл отряд казаков во главе с десятником Еремеем Гуляевым, но больше всего промыслового люда. Федот Алексеевич Попов проявил кипучую деятельность в организации экспедиции, ему помогал Семён Дежнёв:

— Два года подряд не можем пройти, всё льды мешают.

— Не может того быть, чтоб три года подряд льды не пустили, — успокаивал Семёна Федот, — этот год принесёт нам удачу.

— Дай-то Бог, Урумэччи с собой возмёмшь?

— Не брошу, первая жёнка будет, что совершит поход по Ледовитому океану. Иноземцы сказывают, есть там пушной зверь, рыбий зуб, даже серебро.

— На сей раз веры им нет, — ответил Семён, — там чукчи обитают, они у них не бывали.

— Сходим, посмотрим. Может, обогатимся и я вернусь в Москву, — ответил Попов.

Дежнёв отправлялся официальным представителем власти, должен собирать пошлину с добыч промысловиков и попутно объяснять население.

Лука на этот раз никуда не собирается, зачастил в часовню, с утра пораньше топит печь. Теперь камельки не в чести, из красной глины, что нашли около поселения Лобу, привозят, лепят сами кирпичи. А речка, что там протекает, называли Лобуинкой. Лука становится на колени перед ликами Святых. Много молитв не знает, но «Отче наш» и «Богородице» прочитает обязательно, потом пересчитывает, что просит у Бога: «Упокой, Боже, душу грешного Дмитрия, дай ему Царство Небесное, мира и спокойствия этой земле. Предаюсь и уповаю на милость твою, Господи». Когда заходил кто-нибудь из казаков, тогда Лука начинал всё сначала и в этом находил успокоение. Вышел из часовни, домой шёл мимо избы Якова, остановился посмотреть, как расширяет свою избёнку, делает пристрой. «Конечно, молодые, — думает Лука, — семья большая будет». Сели с ним на бревно:

— Надо обживаться, строиться,— первым нарушил молчание Яков,— приказчик Гаврилов осенью ярмарку обещает устроить, зря что ли крепость Ярмонкой назвали.

— Безлюдный и хладный край,— соглашался Лука,— но привольный для жизни человеческой.

— Надо бы сеть забросить, лёд прошёл, свежей ущицы поест, сети готовы,— предложил Яков.

— Поостыл я к жизни, Яшка,— мне с Богом пора разговаривать.

— Хватит сокрушаться, Ярилко не вернёшь, а жить надо.

— То-то, что надо, дети малые. Вечером заходи, сети поставим.

Лука смотрит на мужа глазами преданной собаки. «Молодые оба, лучше поймут друг друга,— думает Лука,— а я застарел в своих привычках и казацких нравах. Яшка, сукин сын, обскакал в делах старика. Вот кому надо быть приказчиком. Этот не оплошает, беречь будет и землю, и людей».

Острожек станет одним из главных поставщиков мамонтовой кости, ровдуги, немало будут добывать в этих краях пушного зверя. Вместе с казаками пришло спокойствие, перестали племена враждовать меж собой. При недобром отношении говорил вождь своим обидчикам: «Пожалуемся казакам, побьют вас»,— это стало символом спокойствия на Колыме. Так казаки положили начало освоения Севера и выводили отсталые народы из вековой изоляции. Они останутся здесь жить, дети вырастут, продолжат дела своих отцов, будут любить этот край, другой Родины знать не будут и назовут себя колымчанами.

Остались в остроге Лука с Ефросиньей, трёхлетним крепышом, да маленьким Дмитрием, Яков с семьей, Пафнутий Берёзкин, Захар Колесов, Прокопий Уваров, Иван Тарабукин, Никитка с Силантием да Колька Габышев, на его счастье рана оказалась не смертельной, и он выжил. Отряды казаков будут по-прежнему приходить на годовальщину. Кто-то из них останется на всю жизнь, другие, отбив год, возвратятся в Ленск.

В июне 1648 года сто пять человек на семи кочах отправились из Колымска в дальнюю экспедицию. Первые два коча, во главе с Дежнёвым, заняли казаки. Промысловики, купцы, во главе с Федотом Поповым, ещё на четырёх кочах. И последним шёл коч Анкудинова. Несмотря на мирно сложившиеся отношения к концу зимы, членом экспедиции его не считали. По христианскому обычаю отслужили молебен. Путь будет опасным и трудным — это понимали все, а потому простились как на всю жизнь, не надеясь встретиться в этом мире, и прощали друг другу все вольные и невольные обиды. Караван двинулся вниз по Колыме, провожающие стояли на берегу, смотрели вслед, пока не скрылся за горизонтом последний коч.

Так проходила эпоха русских открытий. Из этой экспедиции живыми останутся только единицы, но это уже другая история.

Гловарь слов и понятий

Аманаты – заложники

Аргиш – путешествие на оленьей упряжке

Баская – красивая

Бердыш – холодное оружие в виде топора с закругленным в виде полумесяца лезвием

Блазниться – показываться

Бур – самец оленя

Бухать – стучать, хлопать

Вешалы – столбы или жерди с поперечными перекладинами, предназначенные для развешивания и сушки чего-либо

Волок – участок между двумя судоходными реками, через который в старину перетаскивали судно для продолжения пути

Годовальщина – казаки отбывали год службы

Долблѐнка – гребная лодка, выдолбленная из единого ствола дерева

Дроля – любимый

Дымокур – дымящийся костёр, разжигаемый для защиты от комаров, мошкар и т. п.

Камелѐк – небольшой очаг для обогрева жилища, палатки, юрты

Кѐрчах – взбитые сливки

Коньми – конями

Косматоллицы – так называли казаков эвены и юкагиры

Коч – деревянное судно

Крепь – крепость

Курные избы – без дымохода

Ламуты – эвены

Лопатинка – одежда

Мыльня – баня

Немогутное – слабое

Новоприборные – только что вступившие в казачество

Огорожа – изгородь

Олюбенцы – тундренная племенная группа юкагиров по нижнему течению Индигирки

Орон – спальное место

Остяцкий туре – вождь

Остатная – остальная

Пальма – оружие у северных народов

Переветник – сплетник

Передовщик – идущий впереди

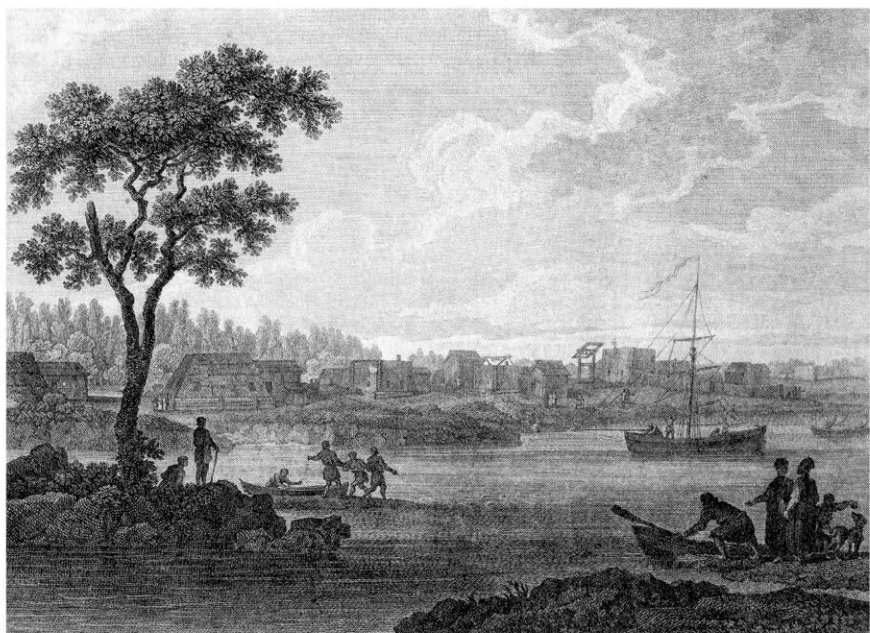
Пешня – тяжѐлый лом на деревянной рукоятке, употребляется для пробивания льда

Поблазнилось – показалось

Порубежье – граница
Похотят – захотят
Ровдуга – замша из оленьей или лосиной шкуры у народов Севера и Сибири
Саха урянхаи – якутский воин
Сорат – кисло-молочный продукт, наподобие кефира
Степняки – житель степи, степных поселений
Столовый оброк – одна из повинностей крестьян, заключающаяся в выплате дани помещику продуктами
Струги – русское плоскодонное парусно-гребное судно XI–XVIII веков, служившее для перевозки людей и грузов
Тордох – жилище эвенов
Тула – колчан для стрел
Урман – глухие чащобы
Фтоки – штаны
Хосууны – уральцы
Целовальник – казак или кузнец собирающий десятую долю от добычи
Чорон – национальный якутский сосуд для хранения и потребления кумыса
Шаперся – хорохориться
Шитолицы – чукчи
Эхириты – этническое племя в составе бурятского народа

Содержание

Глава 1.....	3
Глава 2.....	9
Глава 3.....	13
Глава 4.....	17
Глава 5.....	22
Глава 6.....	27
Глава 7.....	33
Глава 8.....	39
Глава 9.....	43
Глава 10.....	50
Глава 11.....	56
Глава 12.....	61
Глава 13.....	70
Глава 14.....	77
Глава 15.....	82
Глава 16.....	87
Глава 17.....	92
Глава 18.....	100
Глава 19.....	104
Глава 20.....	109
Глава 21.....	116
Глава 22.....	122
Глава 23.....	130
Глава 24.....	138
Глава 25.....	147
Глава 26.....	152
Глава 27.....	157
Глава 28.....	165
Глава 29.....	171
Глава 30.....	177
Глава 31.....	183
Глава 32.....	193
Глава 33.....	201
Глава 34.....	206
Глава 35.....	211
Глава 36.....	215
Глава 37.....	221
Словарь слов и понятий	228



Вид Верхнеколымского острога с реки Ясачной. Гравюра И. Д. Черского

Художественное издание

Кочнева Нина Александровна

КАЗАКИ

Роман

Редактор *Л.Н. Малышева*

Верстка *М.Ю. Карпов*

Подписано в печать 28.01.2019. Формат 60х90/16. Печать офсетная.
П.л. 14,5. Усл. п.л. 14,5. Заказ 10. Тираж 300.

РИО медиа-холдинга

г. Якутск, Дом печати, каб. 121. Тел.: 42-11-04, 8-924-660-43-98.

E mail: 421104rio@mail.ru

Отпечатано в ОАО «Медиа-холдинг Якутия»

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов



172

850

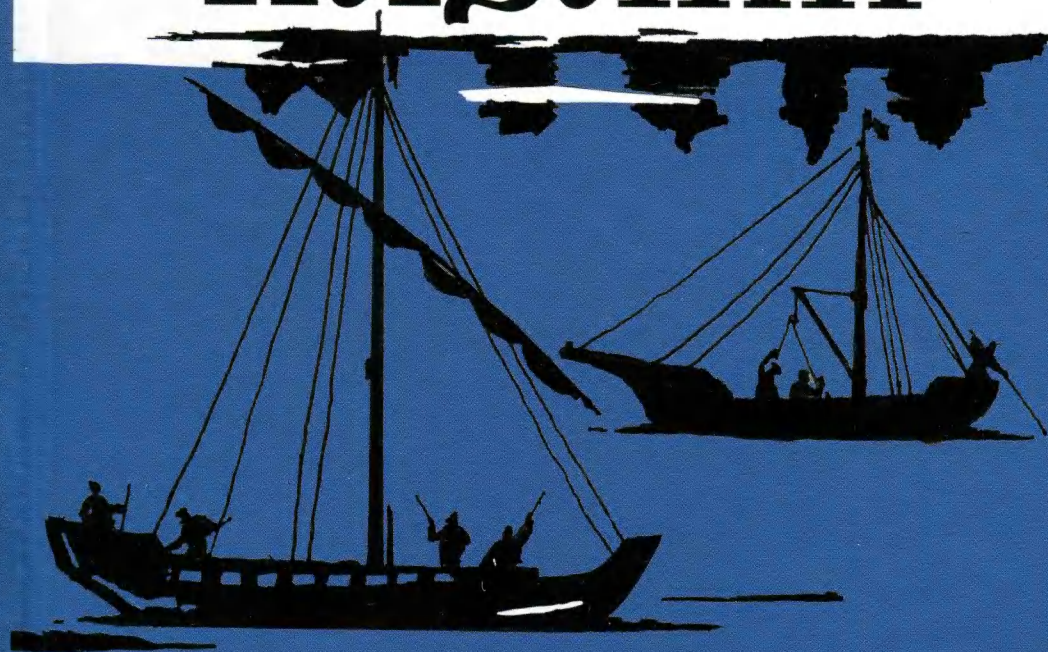
300

Н. А. Кочнева

Н. А. Кочнева



КАЗАКИ



Казакы